

УДК 821.111(73)

Анна Андреевна Шпак¹

¹Сибирский федеральный университет

Значение культуры в экономических, технологических и социальных трансформациях. Часть 2

Аннотация: Во второй части статьи начинается анализ культурологических исследований Джанет Стивенсон, которые она проводит в контексте выстраивания теоретической базы для практики устойчивого развития. Джанет Стивенсон выделяет 9 блоков значений понятия «культура». Каждому блоку она посвящает отдельный раздел в главе «Дивергенция культуры». Основываясь на социологии, антропологии, культурных исследованиях, культура определяется как «воспитание», как «продукт», как «смысл», как «структура». После концептуального анализа Джанет Стивенсон задает специальные вопросы, ответы на которые должны привести к модели устойчивого развития современных культурных сообществ. Устойчивое развитие современных культурных сообществ профессор Стивенсон понимает как культурные трансформации, ведущие к улучшению жизненных условий, но не разрушающих основы существования данных сообществ. Она полагает, что выстраивание концепции устойчивого развития возможно сделать на основе синтеза западных и укорененных в традиции представлений о культуре, и предлагает выполнить экстраполяцию значений культуры, полученных в западной науке, на укорененные представления традиционных обществ, не всегда имеющих научную форму.

Ключевые слова: культурные изменения, технологические трансформации, социальные изменения, неустойчивое прошлое, неустойчивое настоящее, устойчивое будущее, структура культуры, Джанет Стивенсон

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00255, <https://rscf.ru/project/23-28-00255/>

Anna A. Shpak¹

¹Siberian Federal University

The value of culture in economic, technological and social transformations. Part 2

Abstract: The second part of the article begins the analysis of Janet Stephenson's cultural studies, which she conducts in the context of building a theoretical basis for the practice of sustainable development. Janet Stephenson identifies 9 blocks of meanings for the concept of "culture". She devotes a separate section to each block in the chapter "Cultural Divergence". Based on sociology, anthropology, cultural studies, culture is defined as "education", as a "product", as "meaning", as a "structure". After a conceptual analysis, Janet Stephenson asks specific questions, the answers to which should lead to a sustainable development model of contemporary cultural communities. Professor Stephenson understands the sustainable development of modern cultural communities as cultural transformations leading to an improvement in living conditions, but not destroying the foundations for the existence of these communities. She believes that building the concept of sustainable development can be done on the basis of a synthesis of Western and traditionally rooted ideas about culture, and proposes to extrapolate the values of culture obtained in Western science to the rooted ideas of traditional societies that do not always have a scientific form.

Keywords: cultural change, technological transformation, social change, unsustainable past, unsustainable present, sustainable future, culture structure, Janet Stephenson

The study was supported by the Russian Science Foundation Grant No. 23-28-00255, <https://rscf.ru/project/23-28-00255/>

В современной социологии культуры важное значение имеют понятия культурной конвергенции и культурной дивергенции. В книге профессора Джанет Стивенсон «Культура и устойчивость» (2023), начало анализа которой было сделано в первой части данной статьи (Шпак, 2023), это ключевые понятия, каждому из которых посвящена отдельная глава этой монографии. Культурная конвергенция — это тенденция к тому, чтобы культуры становились более похожими (подобными), поскольку они все больше используют общие технологии и организационные структуры в современном мире, объединенном усовершенствованными системами транспорта и связи. Культурная дивергенция — это тенденция к тому, чтобы культуры с течением времени становились все более непохожими друг на друга. Джанет Стивенсон начинает с анализа процессов культурной дивергенции. По своего рода устойчивой традиции она начинает свое рассуждение с понятия «культура», понимая, что сегодня оно формируется и наполняется содержанием не в одной, а в значительном количестве социальных и гуманитарных дисциплин: «Культура является сложной, но многообещающей концепцией для решения проблем устойчивого развития из-за ее разнообразных интерпретаций. Она имеет

множество значений в повседневном языке, различные интерпретации в зависимости от дисциплин и их теоретических ориентаций, а также различные фундаментальные концептуализации в западных и коренных мировоззрениях» (Stephenson, 2023) (https://link.springer.com/chapter/10.1007/978-3-031-25515-1_2).

В связи с концептуализацией понятия «культура» в контексте проблемы экономических, технологических и социальных трансформаций, рассмотрим аргументы профессора Стивенсон более подробно. Она полагает, что достаточно важно указать на существующие различия в понимании культуры и так объясняет логику обзора расхождений в понимании культуры: «Основное внимание уделяется объяснению этих расхождений, потому что, если они не будут видны и названы, они будут по-прежнему препятствовать эффективному использованию культуры в качестве линзы для изучения вопросов устойчивости. Скрытые перспективы этого расхождения, которые станут ясны к концу этой книги, кроются в богатой совокупности знаний, лежащих в основе многих интерпретаций культуры, и их потенциальном вкладе в устойчивые переходы» (https://link.springer.com/chapter/10.1007/978-3-031-25515-1_2).

Для концептуального и методологического обоснования возможности устойчивых изменений культуры Джанет Стивенсон выделяет 9 основных значений понятия «культура»: «Значение культуры эволюционировало с тех пор, как оно впервые появилось в английском языке более 500 лет назад, и было предпринято много попыток достичь определенного порядка в различных пониманиях культуры: либо посредством ее этимологической эволюции (например, Bennett et al., 2005; Williams, 1976), или путем рассмотрения академических определений культуры (например, Faulkner et al., 2006 ; Kroeber & Kluckhohn, 1952), и/или группируя аналогичные академические приложения (например, Hammersley, 2019). Стандартные словари английского языка обычно предлагают три группы распространенных употреблений: одно относится к искусству и другим проявлениям интеллектуальных и умелых достижений; второе относится к образу жизни определенной группы людей; и третье касается выращивания растений и животных, включая клетки и микроорганизмы. Williams (1976) определил три основных значения: одно связано с художественной деятельностью и произведениями искусства; второе относится к процессу общественного развития к интеллектуальному, духовному или эстетическому идеалу; а третье в широком смысле относится к разным образам жизни. Сорок пять лет спустя обзор подтвердил эти три употребления и добавил четвертое: культура как процесс и результат общих значений (Hammersley, 2019).

В моем собственном обзоре выделяются девять смыслов, в которых используется культура. Я фокусируюсь на различных взглядах на культуру в свете их потенциала для

решения проблем устойчивого развития. Восемь блоков значений происходят от его использования в западном языке и науке. Они включают категории Уильямса и Хаммерсли, а также опираются на прошлое культуры и более поздние обычаи. Я также описываю еще одно значение, которое имплицитно присутствует во многих незападных мировоззрениях. Эти девять блоков являются веским доказательством того, почему культура может быть таким ускользающим термином» (https://link.springer.com/chapter/10.1007/978-3-031-25515-1_2).

Джанет Стивенсон исходит из того, что понятие «культура» многозначно. В параграфе «Многозначность культуры» (глава «Дивергенция культуры») она пишет:

«Разделение культуры началось рано. Ее лингвистическое происхождение в английском языке восходит к началу XV в., когда это слово первоначально относилось к уходу за посевами. Понятие «культура» эволюционировало, чтобы охватить несколько других значений (человеческое развитие, искусство, народные культуры), прежде чем оно начало использоваться в академических кругах в XIX в. (Williams, 1976). Его значения разошлись еще больше, поскольку оно стало ключевым понятием во многих социальных и гуманитарных дисциплинах, развивая более сложные и более тонкие значения, чем очевидны в стандартных словарных определениях. Из основного направления антропологии (первоначально применявшейся к незападным культурам) и гуманитарных наук (относящихся к произведениям эстетической и интеллектуальной деятельности) с начала 1970-х годов оно стало более широко применяться в социальных и гуманитарных дисциплинах. Этот «культурный поворот» был в значительной степени результатом роста академического интереса к смыслу и символизму (действий, объектов, текстов, дискурсов и т. д.), который был реакцией на ранее господствовавший акцент на эмпирически наблюдаемых «фактах» (Chaney, 1994). Это смещение фокуса привело к появлению новых субдисциплин, таких как культурная география, культурная археология, культурная социология, социология культуры, культурная психология, история культуры и общая область культурных исследований, каждая из которых имеет свой особый взгляд на культуру. Продолжающиеся волны «постов», «поворотов» и «измов» (например, постструктурализм, перформативный поворот, новый материализм) продолжали влиять на интерпретации культуры и открывали новые возможности для культурологических исследований.

Наряду с этими постоянно развивающимися интерпретациями происходило постоянное расширение применения культуры в качестве дескриптора. Если в прошлые десятилетия люди говорили о коренных культурах, народных культурах, высокой культуре и массовой культуре, то теперь они чаще говорят о культуре потребления, культуре

наркотиков, культуре геймеров, визуальной культуре, организационной культуре и культуре отмены. Культура применяется с одним или несколькими значениями для определения или объяснения, сбивающего с толку и меняющегося набора социальных переживаний.

В результате этих расхождений культура приобрела ряд значений и тонко проработанных нюансов, так что различные области знания могут находиться в «гибельной изоляции» (Patterson, 2014, 3). Исследователи, пишущие о культуре, обычно делают это на основе своей специализированной интерпретации, поддерживаемой аннексией повседневных слов (таких как «практика», «производительность», «текст» или «структура»), которые означают что-то очень специфичное для этой дисциплины. Результатом может быть плотная и непроницаемая проза, создающая барьеры для общения даже для ученых, занимающихся другими социальными или гуманитарными дисциплинами, и делающая маловероятным потенциально поучительное взаимное обогащение. Для ученых, занимающихся другими дисциплинами, и для неспециалистов академические работы по культуре могут быть совершенно недоступны.

Сочетание различных значений, постоянно расширяющихся приложений и концептуально-лингвистической специализации означает, что культура может быть весьма неоднозначной, так что «то, что считается культурой, зависит от того, что описывается или объясняется и для каких целей» (Hammersley, 2019, 96). Двусмысленность становится особенно проблематичной, когда ученые и студенты, не связанные с какой-либо культурной дисциплиной, используют термин «культура» и не могут определить, что они означают, полагая, что их читатели интерпретируют этот термин так же, как и мы. Часто употребляемое существительное. Это «постоянное отсутствие консенсуса или строгости в определении культуры» (Patterson, 2014, 3) означает, что она может быть неправильно истолкована, и, следовательно, любые утверждения могут иметь сомнительную ценность для других.

Еще одна проблема с культурой заключается в ее европоцентристском происхождении и значениях. Незападные общества, и особенно общества коренных народов, имеют очень разные мировоззрения и системы знаний, и это отражено в языке. Даже если на первый взгляд слово коренных народов может показаться эквивалентным термину в английском языке, оно будет принципиально другим и, таким образом, будет передавать носителям языка набор значений, которые не очевидны для других. Коренные и другие общества могут понимать культуру совершенно по-разному или могут использовать кажущееся эквивалентным слово, имеющее тонкие или существенные различия в значении.

На мой взгляд, это не повод отказываться от незападных концептуализаций, а скорее возможность открыть новые возможности для понимания мира.

Ясно, что сфера «что означает культура» очень широка. Как концепция, она не может выполнять полезную работу для перехода к устойчивому развитию, если мы не сможем четко сформулировать ее масштабы и не сможем рассмотреть, как различные интерпретации соотносятся друг с другом. В следующих разделах я обсуждаю девять основных блоков значений, которые были выделены из широкого обзора литературы, относящейся к культуре. По этим блокам будет видно, как концепция культуры разошлась как онтологически (природа реальности, которую представляет культура), так и эпистемологически (виды свидетельств или знаний, которые могут описать эту реальность).

Некоторые смысловые группы не удивят непрофессионала, поскольку они тесно связаны с повседневным пониманием, поэтому не требуют особых объяснений. Один блок в значительной степени устарел в своем первоначальном применении, но сегодня имеет другую актуальность. Другие блоки возникают в результате развития социальных наук, и в этих случаях тратится немного больше времени на изложение соответствующих теорий, чтобы значение, применяемое к культуре, было понятно неспециалисту. Что касается незападного понимания культуры, я сосредоточусь, в частности, на взглядах коренных народов и опираюсь на литературу, относящуюся к небольшому числу коренных народов. Я не могу полностью отдать должное этой теме, потому что на самом деле потенциально существуют тысячи различных незападных точек зрения, и нет причин думать, что они согласуются или должны совпадать. Мое намерение состоит в том, чтобы просто открыть двери для совершенно разных интерпретаций, мировоззрений и языковых систем, чтобы способствовать пониманию культуры» (https://link.springer.com/chapter/10.1007/978-3-031-25515-1_2).

Джанет Стивенсон начинает исследование понятия «культура», как и многие другие исследователи – с его исконного значения как «воспитания», «возделывания», «культивирования». Об этом она пишет в параграфе «Культура как воспитание».

«Первоначальное значение культуры было сродни земледелию, относящемуся к уходу, уходу и выращиванию растений и животных (Williams, 1976). Это корневое значение используется сегодня в таких словах, как «сельское хозяйство» и «садоводство», и имеет специальное применение к лабораторным «культурам», где оно относится к искусственно поддерживаемым клеткам или бактериям (Bennett et al., 2005). Хотя это значение отсутствует в большинстве дискуссий о культуре в социальных науках, я считаю, что это коренное значение имеет важные последствия для устойчивости.

В последние десятилетия наблюдается повсеместный рост промышленного сельского хозяйства. Это включает в себя все более крупные сельскохозяйственные операции, монокультуры сельскохозяйственных культур и животных, интенсивное использование удобрений, гербицидов и пестицидов, крупные ирригационные системы и механизированные сельскохозяйственные процессы. Эти операции часто заменяют более мелкие и более разнообразные фермы или создаются на ранее покрытых лесом землях. Воздействия включают увеличение выбросов парниковых газов, потерю среды обитания и видов, загрязнение водоемов и нехватку воды с последующими социальными последствиями, включая усиление неравенства, подрывающие здоровье последствия и отсутствие продовольственной безопасности (IPES-Food, 2018; Программа Организации Объединенных Наций по окружающей среде, 2021).

Глобальные организации, такие как Организация Объединенных Наций и Продовольственная и сельскохозяйственная организация, все чаще призывают к преобразованию сельского хозяйства от промышленной модели к возврату к продовольственным и сельскохозяйственным системам, где основное внимание уделяется не только получению желаемых результатов, но и развитию природных систем, которые поддерживают их производство. Традиционно общины в большинстве частей мира заботились о местных продовольственных системах таким образом, что это привело к созданию уникальных экокультурных систем, которые одновременно поддерживали процветание местных экосистем и человеческих сообществ, и они могут быть восстановлены (Koohafkan and Altieri, 2016). Другие более современные формы устойчивого земледелия включают агроэкологию или регенеративное сельское хозяйство, которые направлены на деинтенсификацию земледелия и развитие взаимовыгодного взаимодействия между растениями, животными, людьми и окружающей средой (Burns, 2020).

Во всех этих последних случаях «культура» в сельском хозяйстве возвращается ближе к своему первоначальному значению ухода, заботы и воспитания. Это требует культурного сдвига среди фермеров в более широком смысле этого слова. Регенеративное земледелие, например, было описано как социальное движение как изменение методов ведения сельского хозяйства, включающее изменения в «убеждениях, ценностях, эмоциях, мировоззрениях, структурах смыслообразования и сознании в целом» (Gosnell et al., 2019, 1). Чтобы обратить вспять разрушительное воздействие промышленно развитого сельского хозяйства на климат, воду, экологию, здоровье и средства к существованию, потребуется вернуть «культуре» сельского хозяйства и садоводства ее первоначальный смысл:

заботиться не только о сельскохозяйственных культурах и животных, но и об экологических и социальных системах, которым они взаимно запутаны.

Интерпретация культуры как воспитания вызывает такие вопросы, как: как выглядит более питательная форма сельского хозяйства? В чему мы можем научиться у фермеров, которые уже ведут устойчивое хозяйство? » (https://link.springer.com/chapter/10.1007/978-3-031-25515-1_2).

Данный параграф демонстрирует достаточно оригинальную интерпретацию, которую Джанет Стивенсон делает по отношению к изначальному смыслу понятия «культура». Как правило, другие исследователи только сообщают о нем и далее показывают, что исторически это значение было преодолено и сохранилось в биотехнологиях и сельском хозяйстве в узкопрофессиональном смысле. Другое дело, Джанет Стивенсон. Она считает, что именно это исконное значение очень важно для устойчивости, что необходимо увидеть эту первую культуру в современной аграрной деятельности тех фермеров, которые не просто производят сельскохозяйственную продукцию, но при этом сохраняют и воспроизводят базисные природные системы, которые дают возможность получать необходимые им продукты питания.

В следующем разделе главы «Дивергенция культуры» Джанет Стивенсон анализирует значение понятия «культура» как «прогресс».

«С XVII в. культура стала метафорой человеческого развития, как в культивировании разума в направлении идеального состояния существования. К концу XIX вю, благодаря различным языковым и социальным влияниям, это стало ассоциироваться с идеей о том, что существует вершина цивилизации, к которой должны развиваться человеческие общества (Williams, 1976). Неудивительно, что эта цивилизация была описана с точки зрения европейских интеллектуальных, духовных и эстетических приоритетов.

Эта концептуализация культуры имела разрушительные последствия, поскольку она лежала в основе колониальной и империалистической деятельности, а западные страны частично оправдывали свои действия тем, что они несли «цивилизацию» остальному миру (Ferguson, 2012). Точно так же в рамках зарождающейся дисциплины антропологии ранние исследования «примитивных культур» исходили из того, что существовал естественный прогресс, посредством которого общества развивались, чтобы стать более продвинутыми или цивилизованными, что соответствовало предполагаемому превосходству западной культуры (Hammersley, 2019). Эти представления в настоящее время широко осуждаются из-за их роли в гегемонии власти, расизме и неравенстве.

В то же время в результате промышленной революции значение культуры приобрело антипрогрессивное измерение. Индустриализация привела к массовому перемещению сельского населения в города, опустошению природных территорий за счет добычи полезных ископаемых и промышленного развития, а также к новым формам работы и социальной организации. Многие представители интеллектуальной элиты были потрясены влиянием индустриализации на традиционный образ жизни. Новые урбанизированные общества были неблагоприятны по сравнению с английскими и европейскими сельскими «народными» культурами (Hammersley, 2019). С этой точки зрения культура относилась к традиционным образам жизни, утраченным в результате современности.

Культура по-прежнему используется в этом значении идеального набора социальных качеств. Пагубные последствия данной интерпретации видны от личной шкалы изгоя из желаемой социальной группы до обществ, в которых опасно демонстрировать отличие, до агрессивных войн, которые стремятся уничтожить или подчинить себе тех, кто придерживается иных верований, обычаев или языков. С точки зрения устойчивости это также заметно в социотехнических представлениях, которые идеализируют современность и ее зависимость от ископаемого топлива, потребления и роста (Jasanoff & Kim, 2015; Stoddard et al., 2021).

Несмотря на негативные коннотации, культура-как-прогресс может быть описана и по-другому, так что вместо описания идеализированного набора культурных атрибутов она описывает идеальный набор результатов. Если «прогресс» переопределить как культурные изменения в направлении более устойчивых результатов, это означает оценку нескольких различных подходов к устойчивости. При таком использовании не существует плана «идеального» набора культурных мероприятий. Культурное разнообразие становится крайне важным.

Эта перспектива вызывает такие вопросы: «Как мы узнаем, что культура является устойчивой? Какие конкретные культурные особенности (нормы, убеждения, практика и т. д.) соответствуют более устойчивым результатам? Чему мы можем научиться у культур, установивших устойчивый образ жизни? Какой процесс изменений мы наблюдаем в культурах, которые со временем становятся более устойчивыми?»» (https://link.springer.com/chapter/10.1007/978-3-031-25515-1_2).

Таким образом, культура как прогресс оказывается двойственной. Если мы понимаем под прогрессом технологическое совершенствование, то индустриализация несомненно была таким прогрессом. Но те изменения, которые она внесла в образ жизни людей, никто не может назвать исключительно благоприятными, поскольку экологические

проблемы, отношение к индустриальным рабочим, разрушение народных традиций нельзя назвать «прогрессом». Джанет Стивенсон полагает, что необходимо пересмотреть понятие «прогресса», поставив во главу угла устойчивость. И тогда культурно прогрессивными окажутся не столько индустриальные общества, сколько все те сообщества, которые умеют развиваться и при этом сохранять свои экологичные устои.

Следующий блок значений понятия «культура» связан с характерной – «культурной» - продукцией. Об этом Джанет Стивенсон пишет в параграфе «Культура как продукт».

«С конца XVIII в. культура стала использоваться для обозначения продуктов описанной выше идеализированной концепции западной цивилизации. Поэт и литературный критик Мэтью Арнольд оказал особое влияние на принятие культуры для обозначения лучшего из того, что было известно и сказано в мире (Collini, 1993). С этой точки зрения культура относилась к определенным типам эстетических и интеллектуальных продуктов — литературе, искусству, музыке, драме и идеям, — которые олицетворяли собой вершину цивилизации. Это было началом того, что культура стала тесно ассоциироваться с искусством, а также с высшим и средним классами.

Использование культуры в этом смысле оставалось элитарным до XX в., когда идея монополии на культуру как на нормативный стандарт начала разрушаться. Новые формы медиа способствовали распространению фильмов, музыки и других форм искусства (некоторые из которых прямо бросали вызов элитарности), что привело к появлению концепций «массовой культуры» или «популярной культуры». Теоретики культуры ввели термин «культурная индустрия» для описания той части капиталистической системы, которая производит культурные артефакты для массового потребления и поддерживает собственное воспроизведение (Adorno and Horkheimer, 1944). Наряду с этим стали более широко признаваться и цениться художественные произведения рабочего класса и незападных обществ.

Сегодня культура в этом значении используется для обозначения чрезвычайно широкого спектра продуктов и практик, включая произведения искусства, музыку, театр, танцы, визуальные медиа, моду, онлайн-контент, а также структуры и места, которые представляют общие ценности, смыслы или предпочтения. Остатки культуры как «высокого искусства» все еще сохраняются (например, отсылки к классической музыке, произведениям искусства и драме), но в значительной степени затмеваются ее демократизацией: сегодня почти каждый может производить культурные артефакты, а культурными продуктами может быть почти что угодно, если другие признают это как таковое.

Эта интерпретация культуры нашла отражение в понятии «культурный капитал». Первоначально это понятие было введено Пьером Бурдьё, и оно относилось к знакомству людей с «высокой культурой» и их способности использовать это знание в своих интересах в своей социальной жизни (Bourdieu, 1984). Термин «культурный капитал» теперь используется более широко для обозначения знакомства с культурными продуктами, использования языка и символизма, идей, вкусов и предпочтений, а также навыков и знаний, которые можно стратегически использовать для продвижения своих интересов (Hanquinet & Savage, 2015).

С точки зрения устойчивого развития культура как продукт имеет решающее значение, потому что результаты культуры оказывают большое влияние на формирование того, как люди воспринимают мир. Например, доминирующие формы культурных медиа (радио, телевидение, кино и, в последнее время, цифровой мир) уже давно поощряют неустойчивую деятельность, нормализуя образ жизни и деловые операции, которые ценят чрезмерное потребление, жадность и индивидуализм. Эти идеи проникли во многие общества до такой степени, что стали почти бесспорными, внедренными в качестве невидимых утверждений о «нормальности». Напротив, общества, которые не настолько укоренены в западных культурных идеалах, могут выражать совершенно иные взгляды через свое искусство, истории и другие культурные продукты (Yunkarorta, 2020).

Хотя в искусстве уже наблюдается значительная активность в поддержку устойчивого будущего, это все еще относительно небольшой сегмент культурного производства. Культура как продукт предлагает сосредоточиться на таких вопросах: «Как мы можем создать новое видение устойчивого будущего? Как искусство может помочь выявить и бросить вызов неустойчивым практикам? Как мы можем создать культурный капитал, который позволит людям принимать активное участие в переходе к устойчивому развитию?» (https://link.springer.com/chapter/10.1007/978-3-031-25515-1_2).

Еще одним распространенным словоупотреблением культуры является использование этого термина в значении «образ жизни». Здесь возникает академическое пространство социологии культуры, где изучаются различия между сообществами. Сумма этих различий в их универсальном измерении и называется культурой данного сообщества. Джанет Стивенсон раскрывает динамику понимания культуры как образа жизни.

«В середине-конце XIX в. культура стала использоваться как дескриптор всего образа жизни любой группы людей. Первоначально это была преимущественно академическая концепция, возникшая как реакция на господство западных культурных идеалов, отраженных в культуре как прогрессе и культуре как продукте. Раннее влияние оказала работа немецкого антрополога Франца Боаса, который утверждал, что оценочная

иерархия, подразумеваемая культурой как прогрессом, социально вредна и что все общества устанавливают свои собственные ценности (Bennett et al., 2005).

Вместо того, чтобы соответствовать узкой интерпретации цивилизации, культура стала применяться к отличительным образам жизни групп людей. Антропологические исследования изучали материальные аспекты культуры, такие как одежда, продукты питания и инструменты, наряду с практиками и ритуалами, и стремились понять значения, знания и верования, которые разделялись в данной социальной группе. Ранним антропологическим определением культуры в этом смысле было «то сложное целое, которое включает в себя знание, веру, искусство, закон, мораль, обычаи и любые другие способности, и привычки, приобретенные человеком [sic] как членом общества» (Tylor, 1920, 1).

Исследование культуры как образа жизни стало центральным элементом антропологии с 1920-х годов. Первоначально исследования касались незападных сообществ или этнических групп, часто с упором на социальные структуры, такие как брак, родство и методы обмена, а также модели повседневной жизни (Ortner, 1984). С середины XX в. антропологи (а позже и социологи) начали интересоваться культурами западного мира, включая разнообразные, но самобытные группы, такие как молодежные культуры, гей-культуры, спортивные культуры и другие так называемые субкультуры и контркультуры. -культуры (Hammersley, 2019). Культурный анализ включал религиозные, профессиональные или рекреационные аспекты повседневной жизни.

Позже, в XX в., культура стала рассматриваться в более широком смысле как система взаимосвязанных характеристик, сосредоточенных на общих значениях, что отражено в следующем определении: «не только верования и ценности социальных групп, но также их язык, формы знания и общие принципы». смысл, а также продукты, интерактивные практики, ритуалы и образ жизни, установленные ими» (Haas, 1994, 65). Язык в этом смысле включает в себя тонкий набор слов, фраз и моделей речи, которые являются общими для группы, включая стили речи, термины, диалекты и жаргон. Здравый смысл относится к общему пониманию того, что является «нормальным» и в значительной степени бесспорным для этой группы. Культура как образ жизни признает материальные черты культуры, но также включает в себя ее более нематериальные качества, такие как общие смыслы, убеждения и ценности.

Сегодня культура как образ жизни продолжает изучаться академически через многие дисциплинарные рамки, включая социологию, географию и антропологию. В настоящее время широко признано, что многие люди в современном мире «живут культурно», а не в рамках определенной культуры. Люди переключаются между культурами в разных сферах

своей жизни, перемещаясь относительно плавно между различными культурными ожиданиями (например, между домом, работой и спортом, и в зависимости от того, с кем они). В то же время культурные явления, которые передаются из поколения в поколение и среди населения (например, идеи, нормы, практики, физические объекты), оказывают влияние на поддержание преемственности во времени и пространстве и, таким образом, являются важными (но не единственными) каузальными факторами в социальных процессах. траектории (Patterson et al., 2004).

Образ жизни людей — их повседневная деятельность, действия, приобретения, инструменты, продукты, убеждения, нормы и ценности — явно влияет на устойчивость. Некоторые ансамбли культурных особенностей будут иметь лучшие результаты в области устойчивого развития, чем другие. Если бы мы использовали выбросы углерода в качестве меры устойчивости, например, люди, которые едят мало мяса, редко летают и всегда используют активный и общий транспорт, будут иметь меньше выбросов углерода, чем те, кто придерживается мясной диеты и активно пользуется частными транспортными средствами. автомобилей и авиаперелетов. Если бы экологический след был мерой устойчивости, то культуры, которые ценят демонстративное потребление, скорее всего, окажут гораздо более сильное воздействие на окружающую среду, чем те, которые предпочитают более скромный образ жизни. Культуры, которые отдают предпочтение индивидуальным правам, а не коллективному благополучию, как правило, имеют гораздо более высокий уровень неравенства в доходах. Различные образы жизни имеют прямое влияние на экологические, социальные и экономические результаты.

Взгляд на культуру с точки зрения образа жизни побуждает исследовать причинно-следственные связи между культурными атрибутами и устойчивостью. Это вызывает такие вопросы: «Какой образ жизни дает наилучшие шансы на достижение устойчивого будущего? Какие корректировки убеждений, ожиданий, правил поведения, привычных практик и материальных ценностей могут потребоваться? Можем ли мы получить представление о более устойчивом образе жизни из культур, отличных от нашей собственной?» (https://link.springer.com/chapter/10.1007/978-3-031-25515-1_2).

Все выявленные значения понятия «культура» Джанет Стивенсон применяет к практике устойчивого образа жизни. В конце каждого параграфа она задает вопросы, на которые она и другие современные ученые должны дать ответы. Это важно, чтобы научные исследования культуры перешагнули пороги кафедр и университетов для практического применения, для стратегического планирования таких трансформаций, которые не обернулись бы катастрофами для сообществ, переживающих эти трансформации.

Следующий параграф главы «Дивергенция культуры» связан с описанием такого значения культуры как «задавать систему смыслов, осмыслять». В этом значении культура исследуется в социальной антропологии, в социологии и других смежных научных дисциплинах.

«С 1970-х годов академическое изучение культуры претерпело явные изменения и стало уделять пристальное внимание общим значениям и символическим. Влияние на этот интеллектуальный сдвиг оказали работы Клиффорда Гирца, Пьера Бурдьё и Мишеля Фуко, которые исследовали, как общие значения лежат в основе социальных процессов, таких как социальная сплоченность, власть и изоляция (Bourdieu, 1977; Foucault, 1978, 1980; Geertz, 1973). С этой точки зрения культура представляла собой набор идеологий и других механизмов управления поведением, включающий «системы значений, с помощью которых мы придаем форму, порядок, цель и направление нашей жизни» (Geertz, 1973, 13).

Культура в этом значении включает в себя невидимый мир общих идей, символов, чувств, верований и ценностей. Обычно она не включает эмпирически наблюдаемые следы этих когнитивных процессов: «то, что люди на самом деле делают, как они себя ведут, институты, которые они создают, и физический обмен деньгами и властью, в которых они участвуют, не являются частью культуры». (Wuthnow и др., 1984, 4). Объекты, тексты или действия изучаются на предмет общих значений, которые они передают, того, как они влияют на людей когнитивно и эмоционально, а также их имплицитных сообщений (например, о власти, классе, исключительности и принадлежности) (Kasanga, 2015).

Культура как значение получила широкое распространение в социальных и гуманитарных науках, что привело к появлению новых субдисциплинарных ветвей в антропологии, социологии и географии, а также к ее широкому внедрению в исследованиях средств массовой информации. Новая междисциплинарная группа, известная как культурология, под влиянием марксизма проявляла особый интерес к власти и идеологии (During, 1999). Эти ветви еще больше разошлись по теоретическим вопросам, например, состоит ли социальный мир только из общих значений или включает в себя осязаемые явления, и является ли процесс смыслообразования сознательным или происходит ниже уровня сознательного осознания (Hammersley, 2019). Культурные теории значения можно сгруппировать в три основные области: те, которые определяют источник общих значений в явлениях, передающих символы, таких как объекты, тексты или дискурсы; те, которые определяют источник общего значения в символах, хранящихся в сознании людей; и те, которые идентифицируют его в способах, которыми люди взаимодействуют и общаются друг с другом (также известные как культуралистский текстуализм, культуралистский

ментализм и интерсубъективизм (Reckwitz, 2002). Культура как значение также породила новые методологические подходы, которые стремились интерпретировать дискурсы, тексты, изображения и ментальные состояния, чтобы определить их основные значения и интерполировать то, как они формируют социальные явления, такие как идеологии, институты и социальные действия.

Культура как смысл имеет потенциально сильное отношение к вопросам устойчивости. В основе неустойчивых систем производства и потребления лежат идеологии, общие смыслы и символика, которые часто транслируются открыто через рекламу, а также скрыто через взаимодействие с влиятельными людьми и другими механизмами; сообщений, которые заставляют потребителей хотеть большего (Heath & Chatzidakis, 2012). Согласно стандартным капиталистическим моделям, корпорации должны быть корыстными агентами, сосредоточенными на постоянном росте и богатстве, и эти идеологии допускают эксплуатацию рабочих и экологически разрушительную добычу и производство ресурсов. Чтобы добиться перехода от таких моделей, крайне важно раскрыть лежащие в их основе идеологии и символы и начать заменять их новыми значениями, соответствующими устойчивым продуктам, услугам и образу жизни. Начало такого сдвига можно увидеть в растущей ценности, которую потребители придают устойчивым продуктам и услугам, а также в компаниях, которые коренным образом перестраивают свои ценности и цели с целями устойчивого развития, но нам еще многое предстоит сделать.

Культура как смысл предлагает нам рассмотреть такие вопросы: «Как мы можем сделать видимыми проблематичные идеологии/системы верований, на которых основано чрезмерное потребление? Какие новые значения и символы передают концепции устойчивого развития и каково их влияние на социальный мир? В какой степени концепция устойчивого развития развивает свои собственные идеологии и смыслы, и соответствуют ли они действительно устойчивому будущему?»» (https://link.springer.com/chapter/10.1007/978-3-031-25515-1_2).

Завершая вторую часть обзора культурной теории профессора Джанет Стивенсон, которую она выстраивает в контексте применения теории к практике достижения устойчивых культурных трансформаций, необходимо отметить, что Дж. Стивенсон охватывает практически все научные гуманитарные и социальные дисциплины, предметом которых является культура. Она намерена выявить 9 важнейших блоков значений культуры, каждое из которых могло бы стать основой для устойчивого развития. В дальнейшем мы увидим, как Дж. Стивенсон включает все культурные значения в теорию и практику современной устойчивости.

Список литературы

1. Andrew R. M., Peters G. P. The Global Carbon Project's fossil CO₂ emissions dataset (2021, V.34). <https://doi.org/10.5281/zenodo.5569235>
2. Artelle K. et al. Values-led management: the guidance of place-based values in environmental relationships of the past, present, and future // *Ecology and Society*. – 2018. – V. 23. – №. 3.
3. Ayres R., Van den Berrgh J., Gowdy J. Strong versus weak sustainability: Economics, natural sciences, and consilience // *Environmental Ethics*. – 2001. – V. 23. – №. 2. – P. 155-168.
4. Bardazzi R., Paziienza M. G. Switch off the light, please! Energy use, aging population and consumption habits // *Energy Economics*. – 2017. – V. 65. – P. 161-171.
5. Bell M. et al. Socio-technical barriers to the use of energy-efficient timber drying technology in New Zealand // *Energy Policy*. – 2014. – V. 67. – P. 747-755.
6. Bennett T., Grossberg L., Morris M. (ed.). *New keywords: A revised vocabulary of culture and society*. – John Wiley & Sons, 2013. 452 p.
7. Berkes F. *Sacred ecology: Traditional ecological knowledge and resource management*. Taylor & Francis, 1999. 392 p.
8. Boston J. Living within biophysical limits: green growth versus degrowth // *Policy Quarterly*. – 2022. – V. 18. – №. 2. – P. 81-92.
9. Bourdieu P. *Distinction: A social critique of the judgement of taste*. – Harvard university press, 1987. 632 p.
10. Bourdieu P. *Outline of a theory of practice*. Cambridge University Press, 1977. 255 p.
11. Büchs M., Koch M. Challenges for the degrowth transition: The debate about wellbeing // *Futures*. – 2019. – V. 105. – P. 155-165.
12. Burns E. A. Thinking sociologically about regenerative agriculture // *New Zealand Sociology*. – 2020. – V. 35. – №. 2. – P. 189-213.
13. Chaney D. *Lifestyles*. Routledge, 1996.
14. Chaney D. *The cultural turn: Scene setting essays on contemporary cultural history*. – Routledge, 2002. 233 p.
15. Climate Analytics and New Climate Institute. The CAT thermometer. Retrieved from Climate Action. 2022. URL: <https://climateactiontracker.org/global/cat-thermometer/>
16. Collini, S. (Ed.). *Arnold: "Culture and anarchy" and other writings*. Cambridge University Press, 1993. 282 p.

17. Cultural and Anthropological Studies of Indigenous Peoples of Krasnoyarsk Krai Childhood (based on the field studies of Siberian Federal University in 2010-2013) / N. P. Koptseva, K. V. Reznikova, N. N. Pimenova, A. V. Kistova // Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences. – 2014. – Vol. 7, No. 8. – P. 1312-1326. – EDN SJUABB.
18. Dew N., Aten K., Ferrer G. How many admirals does it take to change a light bulb? Organizational innovation, energy efficiency, and the United States Navy's battle over LED lighting //Energy research & social science. – 2017. – V. 27. – P. 57-67.
19. Dunlap R. E., Brulle R. J. Sources and amplifiers of climate change denial //Research Handbook on Communicating Climate Change. – 2020. – P. 49-61.
20. Dynamics of Krasnoyarsk Urban Space in the Early 21st Century / Yu. N. Avdeeva, K. A. Degtyarenko, S. V. Metlyaeva [et al.] // Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences. – 2019. – Vol. 12, No. 6. – P. 953-974. – DOI 10.17516/1997-1370-0434. – EDN OYMWLO.
21. Ekwurzel B. et al. The rise in global atmospheric CO₂, surface temperature, and sea level from emissions traced to major carbon producers //Climatic Change. – 2017. – V. 144. – №. 4. – P. 579-590.
22. Faulkner S. L. et al. Layers of meaning: An analysis of definitions of culture //Redefining culture. – Routledge, 2006. – P. 51-76.
23. Ferguson N. Civilization: The West and the rest. – Penguin, 2012. 464 p.
24. Geels F. W. Technological transitions as evolutionary reconfiguration processes: a multi-level perspective and a case-study //Research policy. – 2002. – V. 31. – №. 8-9. – P. 1257-1274.
25. Geels F. W., Pieters T., Snelders S. Cultural enthusiasm, resistance and the societal embedding of new technologies: psychotropic drugs in the 20th century //Technology Analysis & Strategic Management. – 2007. – V. 19. – №. 2. – P. 145-165.
26. Geels F. W., Verhees B. Cultural legitimacy and framing struggles in innovation journeys: A cultural-performative perspective and a case study of Dutch nuclear energy (1945–1986) //Technological Forecasting and Social Change. – 2011. – V. 78. – №. 6. – P. 910-930.
27. Giddens A. The constitution of society: Outline of the theory of structuration. University of California Press, 1984.
28. Goggins G. et al. The role of culture in advancing sustainable energy policy and practice //Energy Policy. – 2022. – V. 167. – P. 113055.

29. Gosnell H., Gill N., Voyer M. Transformational adaptation on the farm: Processes of change and persistence in transitions to 'climate-smart' regenerative agriculture //Global Environmental Change. – 2019. – V. 59. – P. 101965.
30. Griffin P. The carbon major's database CDP carbon majors report 2017. – 2017.
31. Hammersley M. The concept of culture //A History and Reappraisal. – 2019. 120 p.
32. Hanquinet L., Savage M. (ed.). Routledge international handbook of the sociology of art and culture. – London: Routledge, 2016. 480 p.
33. Hawkins G. et al. (ed.). Culture and waste: The creation and destruction of value. – Rowman & Littlefield Publishers, 2002. 142 p.
34. Hays S. Structure and agency and the sticky problem of culture //Sociological theory. – 1994. – P. 57-72.
35. Hopkins D., McCarthy A. Change trends in urban freight delivery: A qualitative inquiry //Geoforum. – 2016. – V. 74. – P. 158-170.
36. Hopkins D., Stephenson J. Generation Y mobilities through the lens of energy cultures: a preliminary exploration of mobility cultures //Journal of Transport Geography. – 2014. – V. 38. – P. 88-91.
37. Hopkins D., Stephenson J. The replication and reduction of automobility: Findings from Aotearoa New Zealand //Journal of transport geography. – 2016. – V. 56. – P. 92-101.
38. Horkheimer M., Adorno T. W., Noeri G. Dialectic of enlightenment. – Stanford University Press, 2002. 305 p.
39. IPBES. Global assessment report on biodiversity and ecosystem services of the Intergovernmental Science-Policy Platform on Biodiversity and Ecosystem Services (E. S. Brondizio, J. Settele, S. Díaz, & H. T. Ngo, Eds.). IPBES secretariat. 2019.
40. IPCC. Climate change 2022: Mitigation of climate change. Contribution of Working Group III to the sixth assessment report of the intergovernmental panel on climate change. Intergovernmental Panel on Climate Change.
41. IPES-Food. Breaking away from industrial food and farming systems: Seven case studies of agroecological transition. Food and Agriculture Organisation. 2018.
42. Jackson T. Post growth: Life after capitalism. – John Wiley & Sons, 2021. 256 p.
43. Jasanoff S., Kim S. H. Dreamscapes of modernity: Sociotechnical imaginaries and the fabrication of power. – University of Chicago Press, 2015. 360 p.
44. Jürisoo M. et al. Old habits die hard: Using the energy cultures framework to understand drivers of household-level energy transitions in urban Zambia //Energy Research & Social Science. – 2019. – V. 53. – P. 59-67.
45. Kallis G. Degrowth. – Newcastle upon Tyne. – Agenda Publishing, 2018. 240 p.

46. Kartha S. et al. The Carbon Inequality Era: An assessment of the global distribution of consumption emissions among individuals from 1990 to 2015 and beyond. – 2020.
47. Klein N. This changes everything: Capitalism vs. the climate. – Simon and Schuster, 2015.
48. Koohafkan P., Altieri M. A. Forgotten agricultural heritage: Reconnecting food systems and sustainable development. – Taylor & Francis, 2016. 296 p.
49. Koptseva, N. P. Environmental Management in Central Siberia (Based on Analysis of the Krasnoyarsk Territory) / N. P. Koptseva, A. A. Sitnikova // IOP Conference Series: Earth and Environmental Science: 2, Kuala Lumpur, 16–18 января 2018 года. – Kuala Lumpur, 2018. – P. 012020-20. – DOI 10.1088/1755-1315/164/1/012020. – EDN RVOGIX.
50. Krasnoyarsk Urban Environment: Main Characteristics / Yu. S. Zamaraeva, A. V. Kistova, M. A. Kolesnik [et al.] // Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences. – 2019. – Vol. 12, No. 6. – P. 1106-1123. – DOI 10.17516/1997-1370-0443. – EDN XYOYJE.
51. Kroeber A. L., Kluckhohn C. Culture: A critical review of concepts and definitions //Papers. Peabody Museum of Archaeology & Ethnology, Harvard University. – 1952. 223 p.
52. Lade S. J. et al. Human impacts on planetary boundaries amplified by Earth system interactions //Nature sustainability. – 2020. – V. 3. – №. 2. – P. 119-128.
53. Latour B. On actor-network theory: A few clarifications //Soziale welt. – 1996. – P. 369-381.
54. Lawson R., Williams J. Understanding energy cultures //conference of the Australian and New Zealand Marketing Academy. – 2012. – P. 3-5.
55. Manouseli D., Anderson B., Nagarajan M. Domestic water demand during droughts in temperate climates: synthesising evidence for an integrated framework //Water resources management. – 2018. – V. 32. – P. 433-447.
56. McCauley D., Heffron R. Just transition: Integrating climate, energy and environmental justice //Energy Policy. – 2018. – V. 119. – P. 1-7.
57. McCracken G. D. Culture and consumption: new approaches to the symbolic character of consumer goods and activities. – Indiana University Press, 1990. – V. 1. 168 p.
58. McKague F. et al. Understanding the energy consumption choices and coping mechanisms of fuel poor households in New Zealand //New Zealand Sociology. – 2016. – V. 31. – №. 1. – P. 106-126.
59. Midgely G. Systems thinking. Sage, 2003.
60. Ortner S. B. Theory in Anthropology since the Sixties //Comparative studies in society and history. – 1984. – V. 26. – №. 1. – P. 126-166.

61. Overview of Relevant Regional Culture Studies (the Krasnoyarsk Krai): Challenges and Approaches / K. A. Degtyarenko, S. V. Metlyaeva, D. S. Pchelkina [et al.] // Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences. – 2019. – Vol. 12, No. 8. – P. 1568-1588. – DOI 10.17516/1997-1370-0465. – EDN UEXPPA.
62. Parrique T. et al. Evidence and arguments against green growth as a sole strategy for sustainability //European Environmental Bureau. – 2019. URL: <https://www.almendron.com/tribuna/wp-content/uploads/2019/11/decoupling-debunked.pdf>
63. Patterson O. Culture and continuity: Causal structures in socio-cultural persistence //Matters of culture: Cultural sociology in practice. – 2004. – V. 40. – P. 71-109.
64. Patterson O. Making sense of culture //Annual review of sociology. – 2014. – V. 40. – P. 1-30.
65. Peace A., Connor L. H., Trigger D. Environmentalism, culture, ethnography //Oceania. – 2012. – V. 82. – №. 3. – P. 217-227.
66. Piketty T. Capital and ideology. – Harvard University Press, 2021. 1104 p.
67. Quinn E., Westwood B. (ed.). Thinking Veganism in Literature and Culture: Towards a Vegan Theory. – Springer, 2018. 300 p.
68. Raworth K. Doughnut economics: seven ways to think like a 21st-century economist. – Chelsea Green Publishing, 2017. 320 p.
69. Reckwitz A. Toward a theory of social practices: A development in culturalist theorizing //European journal of social theory. – 2002. – V. 5. – №. 2. – P. 243-263.
70. Scott M. G. et al. Evaluating the impact of energy interventions: home audits vs. community events //Energy Efficiency. – 2016. – V. 9. – P. 1221-1240.
71. Scott M. G., Lawson R. The road code: encouraging more efficient driving practices in New Zealand //Energy Efficiency. – 2018. – V. 11. – P. 1617-1626.
72. Sertakova, E. A. Formation of the Russian Siberian Identity in the Wood Engravings of the Krasnoyarsk Craftsmen / E. A. Sertakova, A. A. Gerasimova // Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences. – 2011. – Vol. 4, No. 12. – P. 1719-1726. – EDN OKHXHN.
73. Shove E., Spurling, N. (Eds.). Sustainable practices: Social theory and climate change. Routledge, 2013.
74. Sovacool B. K., Griffiths S. Culture and low-carbon energy transitions //Nature Sustainability. – 2020a. – V. 3. – №. 9. – P. 685-693.

75. Sovacool B. K., Griffiths S. The cultural barriers to a low-carbon future: A review of six mobility and energy transitions across 28 countries //Renewable and Sustainable Energy Reviews. – 2020b. – V. 119. – P. 109569.
76. Spangenberg J. H. Hot air or comprehensive progress? A critical assessment of the SDGs //Sustainable Development. – 2017. – V. 25. – №. 4. – P. 311-321.
77. Steffen W. et al. Planetary boundaries: Guiding human development on a changing planet //Science. – 2015. – V. 347. – №. 6223. – P. 1259855. 576 p.
78. Stephenson J. 14 Sustainability Cultures: Exploring the Relationships Between Cultural Attributes and Sustainability Outcomes //The Cambridge Handbook of Environmental Sociology. – Cambridge University Press, 2020. – V. 2. – P. 236-248.
79. Stephenson J. Culture and Sustainability: Exploring Stability and Transformation with the Cultures Framework. – Springer International Publishing, 2023. 243 p. <https://doi.org/10.1007/978-3-031-25515-1>
80. Stephenson J. et al. Energy cultures policy briefs. – 2016. URL: <https://researchcommons.waikato.ac.nz/bitstream/handle/10289/11149/EC%20Policy%20Briefs%20compiled.pdf?sequence=3&isAllowed=y>
81. Stephenson J. et al. Energy cultures: A framework for understanding energy behaviors //Energy policy. – 2010. – V. 38. – №. 10. – P. 6120-6129. <https://doi.org/10.1016/j.enpol.2010.05.069>
82. Stephenson J. et al. The energy cultures framework: Exploring the role of norms, practices and material culture in shaping energy behaviors in New Zealand //Energy Research & Social Science. – 2015. – V. 7. – P. 117-123.
83. Stephenson J. R., Sovacool B. K., Inderberg T. H. J. Energy cultures and national decarbonisation pathways //Renewable and Sustainable Energy Reviews. – 2021. – V. 137. – P. 110592.
84. Stephenson J. Sustainability cultures and energy research: An actor-centred interpretation of cultural theory //Energy Research & Social Science. – 2018. – V. 44. – P. 242-249.
85. Stoddard I. et al. Three decades of climate mitigation: why haven't we bent the global emissions curve? //Annual Review of Environment and Resources. – 2021. – V. 46. – P. 653-689.
86. Syme T., Gebhardt T. Yunkaporta, T. Sand talk: How Indigenous thinking can save the world. Text Publishing Company. 2019. 285 pp.
87. Transformation of the Krasnoyarsk Urban Space in the 90s of the 20th Century / V. S. Lusan, N. N. Pimenova, M. Ya. Khrebtov [et al.] // Journal of Siberian Federal University.

- Humanities and Social Sciences. – 2019. – Vol. 12, No. 6. – P. 1017-1034. – DOI 10.17516/1997-1370-0438. – EDN ZYLRXV.
88. Tylor E. B. Primitive culture. J.P. Putnam's Sons, 1920. 502 p.
89. United Nations Environment Programme, & and Climate and Clean Air Coalition. Global methane assessment: Benefits and costs of mitigating methane emissions. UNEP, 2021.
90. United Nations. The sustainable development goals report, 2022.
91. United Nations. Transforming our world: The 2030 agenda for sustainable development. 2015.
92. Urry J. The 'system' of automobility // Theory, culture & society. – 2004. – V. 21. – №. 4-5. – P. 25-39.
93. Walton S. et al. Energy Transitions: Lighting in Vanuatu (Project Report). – 2014.
94. Walton S., Zhang A., O'Kane C. Energy eco-innovations for sustainable development: Exploring organizational strategic capabilities through an energy cultures framework // Business Strategy and the Environment. – 2020. – V. 29. – №. 3. – P. 812-826.
95. Williams R. Keywords: A vocabulary of culture and society. – Oxford University Press, 2014. 341 p.
96. Wilson S., Carlson A., Szeman I. (ed.). Petrocultures: Oil, politics, culture. – McGill-Queen's Press-MQUP, 2017. 544 p.
97. Winkler H. Towards a theory of just transition: A neo-Gramscian understanding of how to shift development pathways to zero poverty and zero carbon // Energy research & social science. – 2020. – V. 70. – P. 101789.
98. Young W., Middlemiss L. A rethink of how policy and social science approach changing individuals' actions on greenhouse gas emissions // Energy Policy. – 2012. – V. 41. – P. 742-747.
99. Zamaraeva, Yu. S. History of Complex Identity Research / Yu. S. Zamaraeva, N. P. Koptseva // Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences. – 2020. – Vol. 13, No. 7. – P. 1216-1229. – DOI 10.17516/1997-1370-0637. – EDN JPNKZK.
100. Бережнова, М. И. Миграция как средство развития территории: исторический пример Колымского края / М. И. Бережнова, Н. Н. Пименова // Современные проблемы науки и образования. – 2015. – № 1-1. – С. 1886. – EDN VIFGFT.
101. Дегтяренко, К. А. Культурная память и конструирование этнокультурной идентичности коренных народов: концептуальные основания исследования / К. А. Дегтяренко // Социальная антропология Сибири. – 2020. – Т. 1, № 1. – С. 31-37. – EDN QTЛИЕМ.

102. Дегтяренко, К. А. Теоретико-методологические основания современных исследований этничности / К. А. Дегтяренко // Сибирский антропологический журнал. – 2021. – Т. 5, № 4. – С. 11-24. – DOI 10.31804/2542-1816-2021-5-4-11-24. – EDN NAXVBF.
103. Ермаков, Т. К. Базовые схемы взаимодействия и алгоритмы властных отношений в видеоиграх / Т. К. Ермаков // Северные Архивы и Экспедиции. – 2023. – Т. 7, № 1. – С. 88-96. – EDN FKFXWJ.
104. Ермаков, Т. К. Гуманитарные исследования техники: перспективы развития научного направления / Т. К. Ермаков // Специфика этнических миграционных процессов на территории Центральной Сибири в XX-XXI веках: опыт и перспективы: Материалы Международной научно-практической конференции, Красноярск, 25–27 ноября 2021 года. – Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2022. – С. 207-214. – EDN OFKRCC.
105. Жанкова, Л. А. Практики сохранения культурной идентичности у армян Красноярского края / Л. А. Жанкова, М. А. Колесник // Специфика этнических миграционных процессов на территории Центральной Сибири в XX-XXI веках: опыт и перспективы: Материалы Международной научно-практической конференции, Красноярск, 26–27 ноября 2020 года. – Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2021. – С. 355-358. – EDN PFISPU.
106. Замаараева, Ю. С. Понятия "нация", "национализм", "национальное государство" как элементы проекта модерна / Ю. С. Замаараева // Социальная антропология Сибири. – 2021. – Т. 2, № 2. – С. 36-67. – EDN ACQVQM.
107. Замаараева, Ю. С. Региональные культурные практики формирования сложных форм идентичности в Красноярском крае / Ю. С. Замаараева // Специфика этнических миграционных процессов на территории Центральной Сибири в XX-XXI веках: опыт и перспективы : Материалы Международной научно-практической конференции, Красноярск, 25–27 ноября 2021 года. – Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2022. – С. 176-180. – EDN IVZEPU.
108. Замаараева, Ю. С. Формирование понятия "сложная идентичность" в современных гуманитарных науках / Ю. С. Замаараева // Сибирский антропологический журнал. – 2020. – Т. 4, № 2. – С. 89-102. – DOI 10.31804/2542-1816-2020-4-2-87-100. – EDN YBRGNW.
109. Исследование отношения населения Красноярского края к изменению климата и новым источникам энергетических ресурсов: Электронный ресурс / Н. П.

- Копцева, Ю. Н. Авдеева, М. И. Букова [и др.]. – Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2017. – 162 с. – ISBN 978-5-763
110. Кисова, А. В. Культурные факторы в контексте этнической идентификации / А. В. Кисова // Специфика этнических миграционных процессов в XX–XXI веках: опыт и перспективы: материалы Международной научно-практической конференции, Красноярск, 27–29 сентября 2018 года. – Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2019. – С. 170-176. – EDN ISZABP. 8-3715-5. – EDN ZHOGQB.
111. Кисова, А. В. Синтетическая модель культуры и культурные практики / А. В. Кисова // Сибирский антропологический журнал. – 2020. – Т. 4, № 2. – С. 111-121. – DOI 10.31804/2542-1816-2020-4-2-109-119. – EDN KLMBSN.
112. Кисова, А. В. Формирование коммуникативного (интерпретативного) этнографического метода в современном социальном познании / А. В. Кисова // NB: Проблемы общества и политики. – 2014. – № 11. – С. 62-72. – EDN SXREQB.
113. Копцева, Н. П. Культурная память и этническая идентификация / Н. П. Копцева, Ю. Н. Менжуренко, К. А. Дегтяренко; Сибирский федеральный университет, Гуманитарный институт. – Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2022. – 250 с. – ISBN 978-5-7638-4502-0. – EDN NTSGGY.
114. Копцева, Н. П. Культурные трансформации: возможности изучения / Н. П. Копцева, Н. Н. Пименова // Сибирский антропологический журнал. – 2020. – Т. 4, № 3. – С. 36-44. – DOI 10.31804/2542-1816-2020-4-3-36-44. – EDN ENUIWR.
115. Копцева, Н. П. Последствия внезапного изменения климата (предчувствие сюрпризов) / Н. П. Копцева, Э. В. Пашова // Сибирский антропологический журнал. – 2022. – Т. 6, № 1. – С. 10-16. – DOI 10.31804/2542-1816-2022-6-1-10-16. – EDN LQMJKU.
116. Копцева, Н. П. Социальные последствия изменения климата: Бланш Верли "Учимся жить с изменениями климата. От беспокойства к трансформации" / Н. П. Копцева, Э. В. Пашова // Северные Архивы и Экспедиции. – 2022. – Т. 6, № 1. – С. 208-214. – DOI 10.31806/2542-1158-2022-6-1-208-214. – EDN TOQSYK.
117. Копцева, Н. П. Социальные последствия изменения климата: мировые практики изучения и прогнозирования / Н. П. Копцева, Э. В. Пашова // Журнал Сибирского федерального университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2022. – Т. 15, № 2. – С. 280-293. – DOI 10.17516/1997-1370-0911. – EDN QDQESA.

118. Копцева, Н. П. Сумма методов современной урбанистической антропологии: постановка проблемы / Н. П. Копцева, Е. А. Сертакова // Урбанистика – 2015. – № 2. – С. 40-53. – DOI 10.7256/2310-8673.2015.2.16354. – EDN UHXSRJ.
119. Лещинская, Н. М. Традиционная экономика коренных народов Северной Азии, проживающих в зонах с экстремальным климатом / Н. М. Лещинская, Е. А. Сертакова, Э. В. Пашова // Сибирский антропологический журнал. – 2021. – Т. 5, № 1. – С. 20-29. – DOI 10.31804/2542-1816-2021-5-1-20-29. – EDN XAILEV.
120. Либакова, Н. М. Аккультурационный стресс и технологии его преодоления / Н. М. Либакова // Социодинамика. – 2016. – № 2. – С. 89-97. – DOI 10.7256/2409-7144.2016.2.17683. – EDN VIDHCX.
121. Либакова, Н. М. Культурологическое исследование коренных малочисленных народов Севера Красноярского края: результаты экспертного интервью / Н. М. Либакова, Е. А. Сертакова // Современные проблемы науки и образования. – 2014. – № 4. – С. 598. – EDN STRTPB.
122. Либакова, Н. М. Экспедиция в поселок Суринда Эвенкийского муниципального района. Дневник полевого исследования / Н. М. Либакова, Е. А. Сертакова // Северные Архивы и Экспедиции. – 2018. – Т. 2, № 2. – С. 6-29. – EDN OSAXXV.
123. Методы изучения культуры / Н. П. Копцева, Ю. Н. Авдеева, К. А. Крупкина [и др.]; Сибирский федеральный университет, Гуманитарный институт. – Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2020. – 184 с. – ISBN 978-5-7638-4350-7. – EDN GEDBOV.
124. Новые перспективы для энцев: исследовательские и прикладные проекты / Н. П. Копцева, Ю. Н. Авдеева, Ю. С. Замараева [и др.]. – Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2020. – 196 с. – (Путь в будущее. XXI век. Сибирь глазами ученых). – ISBN 978-5-7638-4057-5. – EDN GPRDXS.
125. Общая характеристика основных составляющих городской среды Красноярска / Ю. С. Замараева, А. В. Кистова, М. А. Колесник [и др.] // Сибирский антропологический журнал. – 2019. – Т. 3, № 3. – С. 43-56. – DOI 10.31804/2542-1816-2019-3-3-43-56. – EDN IKOUBL.
126. Пашова, Э. В. Психологические особенности экологического сознания и экологического поведения: обзор мировых и российских исследований / Э. В. Пашова // Северные Архивы и Экспедиции. – 2022. – Т. 6, № 1. – С. 112-121. – DOI 10.31806/2542-1158-2022-6-1-112-121. – EDN WVAWVL.

127. Середкина, Н. Н. Социологические основания общероссийской гражданской идентичности / Н. Н. Середкина // Специфика этнических миграционных процессов на территории Центральной Сибири в XX-XXI веках: опыт и перспективы: Материалы Международной научно-практической конференции, Красноярск, 25–27 ноября 2021 года. – Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2022. – С. 16-28. – EDN KSCIJJ.
128. Середкина, Н. Н. Трансформация этнической идентичности: концептуальный анализ / Н. Н. Середкина // Северные Архивы и Экспедиции. – 2022. – Т. 6, № 4. – С. 53-62. – DOI 10.31806/2542-1158-2022-6-4-53-62. – EDN ZMDOXS.
129. Сертакова, Е. А. Культурная география А. Лефевра в свете гуманитарных исследований социального пространства города / Е. А. Сертакова // Теория и практика общественного развития. – 2012. – № 3. – С. 24-26. – EDN OWWBBT.
130. Сертакова, Е. А. Философские основания современной урбанистической антропологии / Е. А. Сертакова // Сибирский антропологический журнал. – 2018. – Т. 2, № 2. – С. 70-86. – EDN UWASBH.
131. Ситникова, А. А. Концепт "север" в творчестве Рокуэлла Кента / А. А. Ситникова // Человек и культура. – 2014. – № 2. – С. 1-27. – EDN SCEIBV.
132. Ситникова, А. А. Теоретические, прикладные и синтетические методы исследования культуры как социально-антропологической системы / А. А. Ситникова // Социальная антропология Сибири. – 2021. – Т. 2, № 2. – С. 6-17. – EDN ICEFEC.
133. Ситникова, А. А. Экологический менеджмент в Центральной Сибири (на материале анализа Красноярского края) / А. А. Ситникова // Сибирский антропологический журнал. – 2018. – Т. 2, № 1. – С. 58-66. – EDN XOQVQL.
134. Трансформация городской среды Красноярска в 1991–2017 годы / Е. А. Сертакова, К. А. Крупкина, А. В. Кистова [и др.]; Сибирский федеральный университет, Гуманитарный институт. – Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2019. – 76 с. – ISBN 978-5-7638-4177-0. – EDN CMBQME.
135. Управление брендингом сибирской территории в свете "нового регионализма" / К. В. Резникова, Н. Н. Пименова, А. В. Кистова [и др.] // Социодинамика. – 2016. – № 1. – С. 137-161. – DOI 10.7256/2409-7144.2016.1.17395. – EDN VIDGXX.
136. Шпак, А. А. Значение культуры в экономических, технологических и социальных трансформациях. Часть 1 / А. А. Шпак // Азия, Америка и Африка:

- история и современность. – 2023. – Т. 2, № 1. – С. 76-101. – DOI 10.31804/2782-540X-2023-2-1-76-101. – EDN ADWFQK.
137. Шпак, А. А. Исследования сложной этнической идентичности в Красноярском крае / А. А. Шпак // Социология искусственного интеллекта. – 2021. – Т. 2, № 3. – С. 60-64. – DOI 10.31804/2687-0606-2021-2-3-60-64. – EDN LJGDZB.
138. Шпак, А. А. Конструирование сложных идентичностей и межгрупповые взаимодействия в полиэтничном пространстве / А. А. Шпак // Специфика этнических миграционных процессов на территории Центральной Сибири в XX-XXI веках: опыт и перспективы: Материалы Международной научно-практической конференции, Красноярск, 25–27 ноября 2021 года. – Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2022. – С. 75-80. – EDN PFYTHH.
139. Шпак, А. А. Концептуальные и методологические основы исследования сложных социальных идентичностей / А. А. Шпак // Социальная антропология Сибири. – 2020. – Т. 1, № 1. – С. 48-60. – EDN LJMMEJ.
140. Шпак, А. А. Сложные формы идентичности: проблемы исследования / А. А. Шпак, Ю. С. Замираева, Н. П. Копцева. – Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2021. – 248 с. – ISBN 978-5-7638-4503-7. – EDN RSHYFZ.

Эффективные стратегии обучения в XXI веке: концепция А.А. Оздогру

Наталья Петровна Копцева

Сибирский федеральный университет, Красноярск, Россия, nkoptseva@sfu-kras.ru,
<https://orcid.org/0000-0003-3910-7991>

Аннотация. В статье анализируется раздел «Пересмотр эффективных стратегий обучения для учащихся XXI века» коллективной монографии «Теория образования в XXI веке» (Springer, 2022), автор А.А. Оздогру. В данном разделе представлена авторская модель наиболее эффективных образовательных стратегий, в результате применения которых приобретаются навыки, необходимые для людей, живущих в XXI веке. Последовательно рассматривают такие стратегии как цифровое обучение, обучение на основе запросов, кооперативное и совместное обучение, системы и поддержки обучающихся, социальное и эмоциональное обучение. А.А. Оздогру полагает, что настало время выполнить интеграцию этих стратегий в глобальном масштабе, поскольку задачи формирования новых навыков были поставлены в международных документах глобального уровня. Ценность авторской модели А.А. Оздогру заключается в том, что данная модель опирается лишь на те результаты, которые прошли серьезную эмпирическую проверку. Особое значение концепция Оздогру имеет в связи с тем, что наиболее эффективные образовательные стратегии рассмотрены здесь не отдельно друг от друга, а в интеграции. Тем самым научная модель Оздогру представляет собой и исследовательскую программу педагогических наук.

Ключевые слова: стратегии обучения, А.А. Оздогру, навыки XXI века, образовательные результаты

Effective learning strategies in the 21st century: the concept of A.A. Ozdogru

Natalia P. Koptseva

Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia, nkoptseva@sfu-kras.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3910-7991>

Abstract. The article analyzes the section "Revising Effective Learning Strategies for 21st Century Students" of the collective monograph "Theory of Education in the 21st Century"

(Springer, 2022), author A.A. Ozdogru. This section presents the author's model of the most effective educational strategies, as a result of which the skills necessary for people living in the 21st century are acquired. Strategies such as digital learning, inquiry-based learning, cooperative and collaborative learning, systems and support for learners, social and emotional learning are consistently considered. A.A. Ozdogru believes that the time has come to integrate these strategies on a global scale, since the tasks of forming new skills have been set in international documents at the global level. The value of the author's model A.A. Ozdogru lies in the fact that this model relies only on those results that have undergone serious empirical testing. The concept of Ozdogru is of particular importance due to the fact that the most effective educational strategies are considered here not separately from each other, but in integration. Thus, the scientific model of Ozdogru is also a research program of pedagogical sciences.

Keywords: effective learning strategies in the 21st century: the concept of A.A. Ozdogru

Научно-технические и социальные достижения XXI века оказывают глубокое воздействие на теорию образования. Преобразование обучающих проектов, управления образовательным процессом, подходов к обучению и преподаванию и компетенций преподавателей обсуждаются в контексте более широких социальных, культурных и технологических изменений. В 2023 г. в издательстве Springer вышла коллективная монография «Educational Theory in the 21st Century», которая принадлежит к серии «Maarif Global Education Series». Как сказано на сайте Springer, ««Maarif Global Education Series» посвящена преобразованиям, происходящим в информатике, экономике, политике, технологиях, людях и обществе, и обсуждает, как они влияют на образовательную политику от дошкольного до высшего образования в глобальном масштабе с точки зрения макроэкономики. Серия предлагает практические, реалистичные, устойчивые политические рекомендации и стратегии.

Концепция Maarif, включенная в название серии, представляет собой самопознание и уважение к себе и другим, азарт в обучении и обучении и смирение перед истиной. Поэтому работы, опубликованные в серии в виде отредактированных книг и монографий, обсуждают теорию и философию образования с глобальной точки зрения, включая как западный, так и восточный образовательный опыт.

Книги, изданные в рамках этой серии, будут полезны лицам, принимающим решения, педагогам, академикам и студентам высших учебных заведений, обучающимся в сфере образования, чтобы узнать об образовательном опыте различных культур и понять современные преобразования в этой области. Книги серии будут подготовлены в академическом стиле при участии авторов из разных стран»

(<https://link.springer.com/series/16667>). Таким образом, одним из предназначений издания данной серии является презентация не только западных, но и восточных концепций образования, чтобы найти эффективные решения для организации образования XXI века совместно исследователям всего мира, опирающимся на различный социальный и культурный опыт.

Монография «Educational Theory in the 21st Century» («Теория образования в XXI веке») была опубликована в 2022 году под редакторством Юсуфа Алпайдина (рис.1) и Джихада Демирли (рис.2). Юсуф Алпайдин – доцент Департамента педагогических наук, Университета Мармара (Стамбул, Турция), специалист в области управления и планирования образования, педагогических наук. Джихад Демирли – профессор, доктор наук, председатель совета по образованию министерства национального образования Турции.

Монография состоит из 11 глав, которые составляют три основных раздела: первый раздел называется «Научно-технические разработки и образовательные парадигмы», второй раздел – «Образование в контексте новой культуры и концепций общества», третий раздел – «Новое обучение, школа и учителя». В первом разделе представлены главы «Вызовы, стоящие перед философией образования в XXI веке», «Сдвиг научной парадигмы и учебный план: опыт перехода к социально-конструктивистскому образованию в Турции и Сингапуре», «Влияние онлайн-образования на экологию обучения и процессы социального обучения», «Концепция изменений и роль учителей в осуществлении технологической трансформации школы». Во втором разделе представлены такие главы, как «Изменение культурных парадигм в глобальном образовании: к деколонизации знаний», «Есть ли будущее у религиозного образования в 21 веке? Антрополог о сохраняющейся актуальности исламского образования», «Представления об обществе и парадигма образования в XXI веке»

Рис.1. Юсуф Алпайдин, редактор монографии «Теория образования в XXI веке» (Springer, 2022).

Источник изображения:

<https://www.yekder.org.tr/kisi/yusuf-alpaydin>

Рис.2 Профессор, доктор Джихад Демирли, председатель совета по образованию министерства национального образования Турецкой Республики. источник изображения:

<https://www.sonhaberler.com/cihad-demirli-kindir-nerelidir-kac-yasindadir-haber-838421>

В третий раздел входят следующие главы: «Пересмотр эффективных стратегий обучения для учащихся XXI века», «Текущие тенденции в управлении школами: лидерство школы в образовании 4.0», «Новые школьные проекты и устойчивое развитие», «Компетенции учителей XXI века и тенденции в подготовке учителей».

Все главы монографии имеют различных авторов, связанных по роду деятельности с турецкими университетами и занимающихся исследованиями в области педагогических наук (рис.3). Таким образом, в данной коллективной монографии представлен обобщенный опыт турецких ученых-педагогов, создающих научную модель образования XXI века.

Особое внимание привлекают главы, посвященные новым подходам к эффективности современного образования. Одна из них – «Пересмотр эффективных стратегий для учащихся XXI века», автором которой является Асиль Али Оздогру, доцент Университета Ускюдар (Стамбул, Турция) (рис.4). Объясняя основные идеи своей концепции и основное содержание главы, А.А. Оздогру пишет:

«Быстрые изменения в обществе и технологиях мира XXI века поставили перед человечеством уникальные задачи. В этой главе обобщаются некоторые стратегии и системы поддержки эффективного обучения и преподавания в двадцать первом веке при решении некоторых из этих проблем. Обучение — это динамический процесс, поддерживаемый механизмами памяти и мышления, а также индивидуальным мышлением,

привычками, целями и мотивацией. Теории и исследования подразумевают, что обучение — это не только когнитивный процесс, но и социально-эмоциональный процесс, происходящий в окружающей среде и культуре на протяжении всей жизни человека. Стратегии поощрения эффективного обучения и преподавания должны быть направлены на развитие процесса, который является более активным, аутентичным, совместным, творческим, интерактивным, персонализированным, реляционным и саморегулирующимся. Эффективное обучение сосредоточено на учащемся и знаниях, способствует концептуальному пониманию и метапознанию, а также использует оценку и технологии в соответствии с целями обучения. Продуктивные стратегии обучения, используемые в заботливой и благоприятной среде, встроенной в системы обслуживания и поддержки, способствуют когнитивному, социальному и эмоциональному развитию учащихся.

Будущее человечества зависит от современных систем образования. Молодое поколение, получившее образование в современных системах образования, будет формировать мир в ближайшем и далеком будущем. То, как дети и молодежь получают образование, имеет далеко идущие последствия. Образование играет ключевую роль в стремлении человечества создать лучший мир. Качественное образование подготовит эффективных специалистов по поиску и решению проблем, которые будут решать проблемы, которые ставит жизнь и будущее» (https://link.springer.com/chapter/10.1007/978-981-16-9640-4_8).

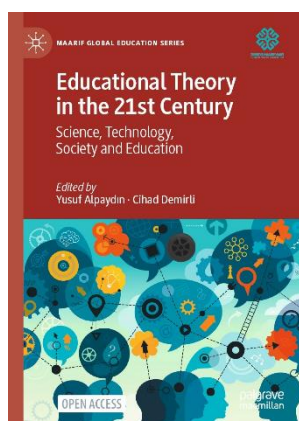

Рис.3. Обложка книги «Теория образования в XXI веке» (Springer, 2022).
Источник изображения:
https://link.springer.com/chapter/10.1007/978-981-16-9640-4_8

Рис.4. Асиль Али Оздогру, доцент Университета Ускюдар (Стамбул, Турция), автор главы «Пересмотр эффективных стратегий обучения для учащихся XXI века». Источник изображения:
<https://uskudar.edu.tr/tr/icerik/5283/covid-19-uluslararası-ogrenci-iyilik-halini-arastiriyoruz>

Глава, которую написал А.А. Оздогру, в свою очередь, также делится на параграфы: «Вызовы XXI века», «Навыки для учащихся XXI века», «Эффективные образовательные стратегии для XXI века», «Заключение». Рассмотрим эти параграфы более подробно и начнем с параграфы «Вызовы XXI века».

«Современные люди населяют Землю около 200 000 лет. На протяжении многих лет человеческая деятельность в качестве кочевников-охотников-собирателей и земледельческих поселенцев находилась в гармонии с природой. В течение последних тысячелетий рост империй и географические исследования привели к научным и технологическим достижениям. Промышленная революция XVIII-XIX веков и научно-техническая революция XX века проложили путь цифровой революции конца XX века. Мир XXI века — это быстро меняющаяся среда, которая ставит перед человечеством множество проблем.

Вызовы XXI века связаны с экологическими, экономическими и социальными проблемами, которые необходимо решить людям. Загрязнение, вырубка лесов, изменение климата и стихийные бедствия угрожают основным системам поддержки жизни на Земле. Рост населения, экономический застой и финансовые кризисы усугубляют бедность и неравенство. Политическая нестабильность, военные конфликты, вынужденная миграция, дискриминация и дезинформация создают враждебную среду для выживания и процветания человечества. Как видно из последнего случая пандемии коронавирусной болезни 2019 года (COVID-19), вызовы XXI века угрожают состоянию человека в глобальном масштабе. Для решения этих все более сложных проблем образование играет ключевую роль в воспитании новых поколений людей, способных справиться с этими проблемами.

Системы образования во всем мире не застрахованы от вызовов XXI века. Социально-экономические проблемы отражаются в образовательной среде. Равный доступ к качественному образованию является скудной возможностью во многих частях мира. Школы и образовательные учреждения по всему миру имеют дело с ограниченными ресурсами и реагируют на быстро меняющиеся требования заинтересованных сторон. У студентов, учителей, администраторов, родителей, политиков, предприятий и других участников системы разные, а иногда и конкурирующие ожидания. Быстрые изменения в технологии и обществе разрушили традиционные системы формального образования. Системы образования и специалисты должны противостоять этим сложностям и лучше готовить своих учащихся к будущему» (https://link.springer.com/chapter/10.1007/978-981-16-9640-4_8).

А.А. Оздогру указывает на глобальные проблемы, решение которых он видит в подготовке новых людей, готовых к управлению сложным миром, не застрахованным от внезапных катастроф, подобных коронавирусной эпидемии 2019 года. Одновременно должно измениться и само образование, чтобы соответствовать этим новым вызовам и задачам. Обучающиеся должны освоить новые навыки.

«Сложные проблемы и задачи XXI века сделали определенные навыки более важными для решения этих проблем. Несколько человек и организаций предложили идеи о том, что необходимо для эффективного решения проблем в новом мире. Распространено мнение, что содержательная передача знаний в традиционных системах образования уже не подходит для обучения нового поколения учащихся. Обсуждается важность новых наборов навыков и способностей для решения проблем быстро меняющегося цифрового мира, в котором мы живем.

В 2002 году группа организаций, включающая крупные технологические фирмы, сформировала Партнерство для развития навыков XXI века (P21). P21 определила три основных предмета и семь навыков как навыки двадцать первого века (Thrilling and Fadel, 2009). Основными предметами являются чтение, письмо и математика с темами XXI века. Семь навыков были определены как критическое мышление и решение проблем, креативность и инновации, сотрудничество и работа в команде, межкультурное понимание, грамотность в области коммуникаций и средств массовой информации, грамотность в области вычислительной техники и информационно-коммуникационных технологий (ИКТ), а также уверенность в своих силах в карьере и обучение.

Подобно классификации P21, Всемирный экономический форум (2015 г.) предложил набор из 16 основных навыков для нового видения образования XXI века. Эти навыки включают в себя шесть основных навыков грамотности, четыре компетенции и шесть качеств характера. Базовые грамотности — это грамотность, умение считать, научная грамотность, грамотность в области ИКТ, финансовая грамотность и культурная/гражданская грамотность. Компетенции включают критическое мышление/решение проблем, креативность, общение и сотрудничество. Качествами характера являются любознательность, настойчивость и выдержка, способность к адаптации, лидерство и социальная/культурная осведомленность.

Организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) также предлагает видение будущего навыков и образования. В Структуре обучения ОЭСР на период до 2030 г. определены три преобразующие компетенции: создание новых ценностей, преодоление противоречий и дилемм и принятие на себя ответственности (ОЭСР, 2018 г.). Создание новых ценностных компетенций связано с индивидуальной приспособляемостью,

креативностью, любознательностью и непредубежденностью. Компетентность примирения противоречий и дилемм включает в себя мышление и действия комплексным, взаимосвязанным и взаимозависимым образом. Способность брать на себя ответственность связана с чувством ответственности, саморегуляцией, самоконтролем, самоэффективностью и решением проблем. Будущие учащиеся, обладающие этими компетенциями, будут проявлять инициативу в развитии как личного, так и общественного благополучия.

Навыки и компетенции, предложенные многими учеными и организациями, указывают на необходимость всеобъемлющего набора знаний, навыков, способностей и других характеристик (KSAO = Knowledge, Skills, Abilities and Other Characteristics¹), необходимых для XXI века. Эти компетенции включают не только содержательные знания, такие как базовая грамотность, но и технические навыки, такие как вычислительная техника и ИКТ, а также личностные характеристики, такие как саморегуляция, любознательность и адаптивность. XXI век характеризуется важностью этих KSAO, а также динамичных и гибких систем образования, которые могут эффективно развивать их.

Несмотря на некоторую критику движения за навыки XXI века с точки зрения его содержания, дискурса и доказательной базы (Davies, 2018; Greenlaw, 2015; Lucas, 2019), растущий объем литературы поддерживает его основные положения (Chu et al., 2021; Griffin et al., 2012). Системы образования во всем мире пытаются обеспечить эти навыки без какого-либо общего определения или стратегии (Joynes et al., 2019). Чтобы воспитать эти KSAO XXI века в новых поколениях, образовательная практика должна адаптировать системы и стратегии, основанные на фактических данных. Научная литература предлагает руководство по этим эффективным методам обучения и системам поддержки» (https://link.springer.com/chapter/10.1007/978-981-16-9640-4_8)»).

В своей концепции А.А. Озгюру опирается на стратегические документы международного характера. Он перечисляет ряд навыков, которые должны быть освоены в ходе современного образования и одновременно утверждает, что никакой общемировой

¹ Знания, навыки, умения и другие характеристики (KSAO) — это атрибуты, необходимые для выполнения работы:

Знание относится к объему фактической или процедурной информации, которая может быть применена, например, знание иностранных языков или языков компьютерного программирования.

Навыки — это способности, необходимые для точного выполнения задач, таких как психомоторные действия, например, скорость набора текста или умение водить машину.

Способности — это более стабильные характеристики, которые могут включать когнитивные, сенсорные и физические способности, например, такие как эмпатия.

Другие характеристики — это черты, которые не вписываются в другие категории, включая ценности, стиль работы, личность, а также степени и сертификаты.

образовательной стратегии для формирования этих навыков не предложено. Однако именно система образования предназначена для решения поставленных задач:

«Навыки XXI века можно развивать с помощью эффективных образовательных процессов. Для поддержки образовательных процессов и мероприятий необходимо использовать эффективные методы и стратегии обучения и преподавания. Базовые теории и исследования в области обучения и развития человека предлагают нестареющие решения для специалистов в области образования. Исследования и приложения в педагогических науках, психологии и многих других смежных областях предлагают ценные стратегии для образовательной практики» (https://link.springer.com/chapter/10.1007/978-981-16-9640-4_8).

В своей концепции А.А. Озогру предлагает следующие эффективные стратегии для образования XXI века: цифровое обучение, обучение на основе запросов (IBL), кооперативное и коллаборативное обучение, социальное и эмоциональное обучение, системы и поддержки для обучающихся XXI века.

«Цифровое обучение. Цифровая революция конца двадцатого века представила множество новых технологий для образования, работы и повседневной жизни. Внедрение ИКТ, таких как персональные компьютеры, мобильные телефоны и Интернет, коренным образом изменило многие системы. Технологические инновации и распространение побудили отдельных лиц и организации принять и интегрировать эти новые инструменты и системы. Системы образования быстро отреагировали на эти изменения, оснастив свои учебные среды этими технологиями. На основные процессы и процедуры обучения и преподавания повлияла интеграция технологий в образование. Эффективное использование технологий теперь является неотъемлемым элементом обучения двадцать первого века, которое также включает в себя элементы отношения и мотивации учащихся, вдумчивого участия, 2011).

Цифровое обучение — это концепция, используемая для обозначения набора технологических методов, которые применяются для помощи учащимся в обучении, репетиторстве, обучении и оценке (Wheeler, 2012). Первоначально названное электронным обучением (или e-learning), цифровое обучение (т. е. d-learning) представляет собой широкую концепцию, охватывающую как электронное, так и мобильное обучение (т. е. m-learning; Basak et al., 2018). Цифровое обучение объединяет контент, инструкции и технологии, предлагая различные возможности обучения, такие как дистанционное и онлайн-обучение, открытое и распределенное обучение, гибридное и смешанное обучение, адаптивное и персонализированное обучение. Цифровое обучение является не только дополнением к очному обучению, но также может использоваться в качестве

альтернативного средства обучения, поскольку оно использовалось в качестве экстренного дистанционного обучения во время пандемии COVID-19 (Hodges et al., 2020).

Цифровое обучение — это ценная форма обучения и преподавания, которая может улучшить результаты обучения. Исследования, сравнивающие очное обучение и цифровое обучение, показывают, что онлайн-обучение не хуже очного обучения с точки зрения знаний, навыков и удовлетворенности учащихся (McCutcheon et al., 2015; Paul and Jefferson, 2019). Хорошо продуманный опыт цифрового обучения может даже привести к более высоким результатам обучения по сравнению с очным обучением (Thai et al., 2020).). Как и в случае с традиционными образовательными практиками, результаты цифрового обучения зависят от многих факторов, связанных с учащимися, учителями и учебным планом. Предыдущие KSAO учащихся влияют на их отношение, удовлетворенность и успеваемость в среде цифрового обучения (Islam, 2016; Kauffman, 2015; Özdoğru, 2005). Знания и навыки учителей в области содержания, педагогики и технологий имеют основополагающее значение для их эффективного обучения с использованием технологий (Gurley, 2018; Koehler and Mishra, 2008; Shea et al., 2006).). Учебные особенности дизайна, такие как оценка потребностей, методы доставки, взаимодействие учащегося, контента и тьютора, стратегии оценки, также влияют на результаты онлайн-образования (Driscoll and Carliner, 2005; McNaught et al., 2012).

Эффективному цифровому обучению в онлайн-средах и средах смешанного обучения можно способствовать, создавая совместный опыт на основе конструктивистского подхода. Структура исследовательского сообщества (CoI) предлагает модель процесса для эффективного цифрового обучения с помощью трех основных взаимосвязанных элементов: когнитивного, социального и преподавательского присутствия (Garrison, 2016). Когнитивное присутствие связано с возможностями, которые учащиеся имеют для построения и подтверждения осмысленных знаний путем постоянного размышления и обсуждения. Социальное присутствие — это то, как участники чувствуют себя принадлежащими к учебному сообществу, взаимодействуют в доверенной среде и строят межличностные отношения. Преподавательское присутствие влечет за собой проектирование, обеспечение и руководство познавательными и социальными процессами для достижения лично ценных и значимых для образования результатов. Структура CoI подчеркивает важность социально-эмоционального характера обучения и чувства общности в учебной среде.

Цифровое и электронное обучение — многогранный процесс, включающий множество элементов дизайна. Схема Хана (2001) описывает восемь аспектов эффективной среды электронного обучения: институциональный, педагогический, технологический,

дизайн интерфейса, оценка, управление, ресурсная поддержка и этические аспекты. Как указано ниже, каждое измерение включает в себя множество подизмерений, которые следует учитывать при эффективном использовании электронного обучения (Khan, 2015) (рис. 5).

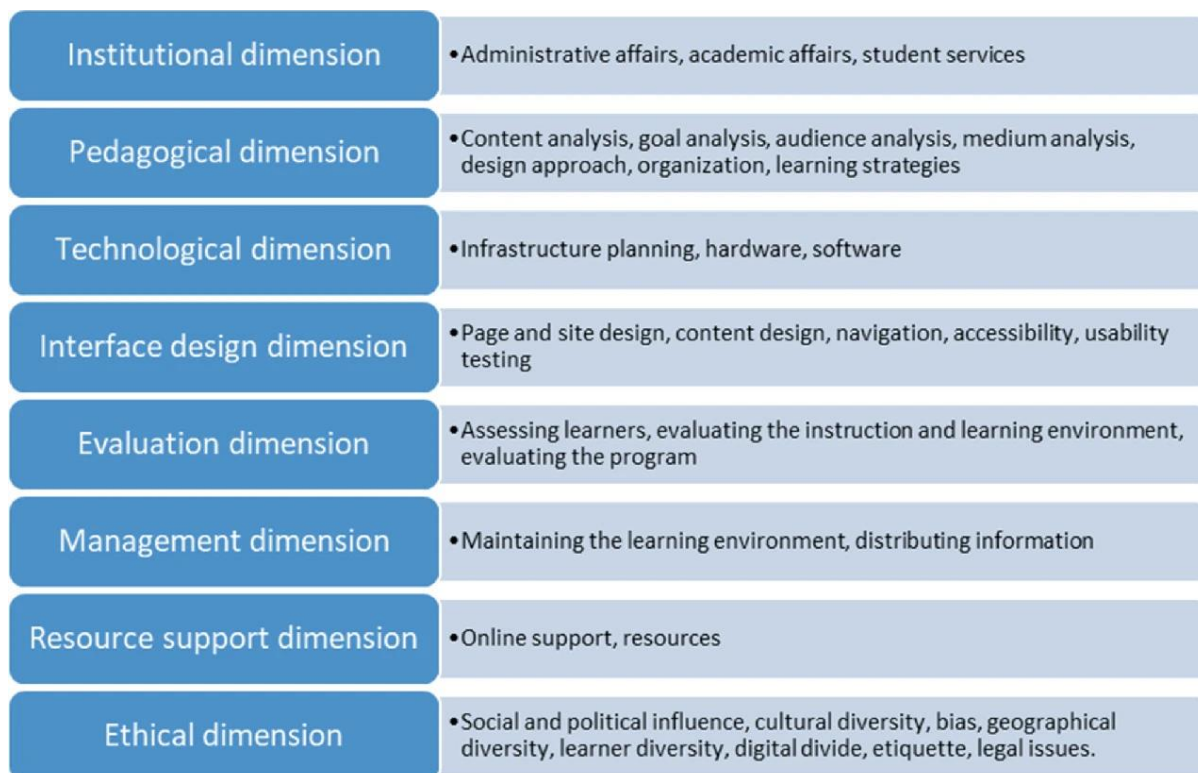

Рис.5. Хан (Khan) (2001): восемь аспектов эффективной среды электронного обучения. Источник изображения: https://link.springer.com/chapter/10.1007/978-981-16-9640-4_8/figures/1

Другая модель была предложена для критических факторов успеха электронного обучения для развивающихся стран. Основываясь на литературе и мнениях экспертов по ИКТ и преподавателей, исследователи определили иерархическую модель из шести измерений: характеристики обучающихся, характеристики инструкторов (тьюторов), качество учреждения и обслуживания, качество инфраструктуры и системы, качество курса и информации, а также внешняя мотивация (Bhuasiri et al., 2012). Как указано ниже, параметры включают в общей сложности 22 критических фактора успеха в электронном обучении (рис. 6).

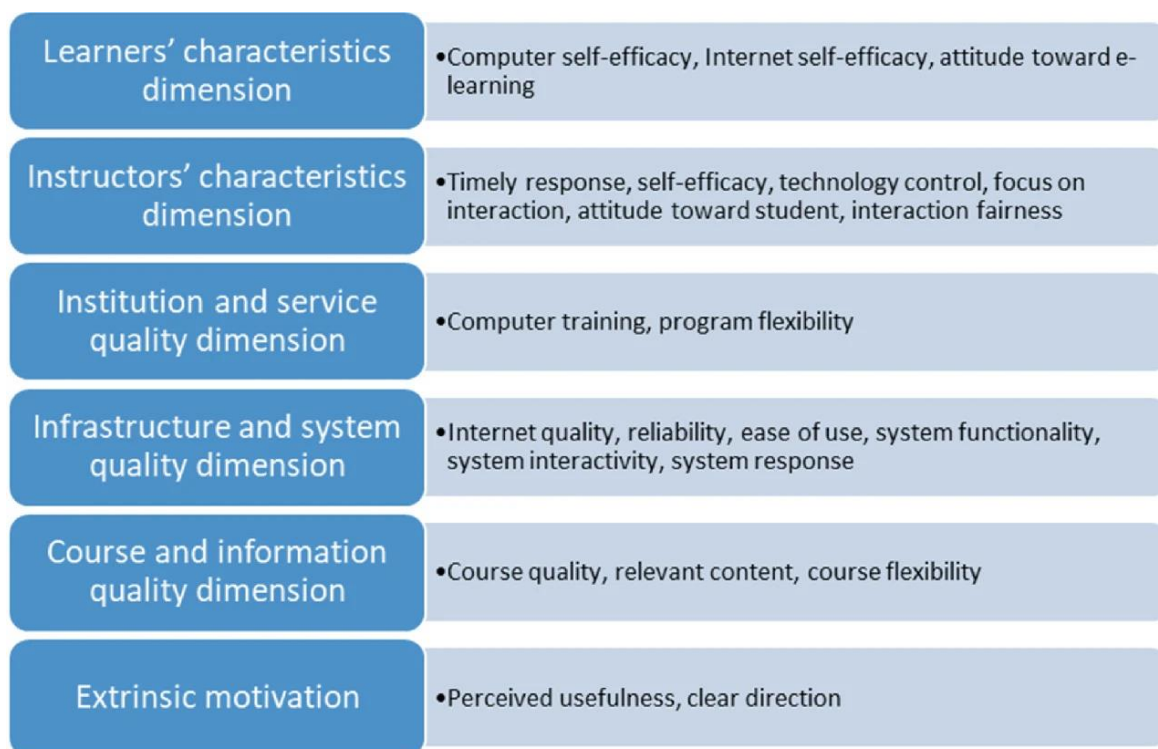

Рис.6. Bhuasiri et al. (2012) критические факторы успеха для электронного обучения.
 Источник изображения: https://link.springer.com/chapter/10.1007/978-981-16-9640-4_8/figures/2

Как видно из этих моделей и структур, цифровое обучение может быть разработано как ценный образовательный опыт для поддержки обучения и развития учащихся и учителей. Опыт цифрового обучения связан не только с технологиями и учреждениями, но, что более важно, с отдельными людьми и отношениями. В соответствии с навыками XXI века эффективный опыт цифрового обучения может способствовать развитию технологической грамотности и навыков, а также личностных характеристик и компетенций.

Обучение на основе запросов. Человеческое обучение — это предприятие, требующее активного участия и соучастия от учащегося. Когда существует любознательность и потребность в знаниях, обучение становится необходимостью, и учащийся активно стремится к его достижению. Чтобы использовать эти аспекты обучения, были предложены исследовательские подходы к обучению. Обучение, основанное на запросах, определяется как «ряд подходов к обучению, в которых обучение стимулируется вопросом или проблемой, обучение основано на конструировании новых знаний и понимания, роль учителя является одной из фасилитаторов², и есть движение к самоанализу, направленное обучение» (Spronken-Smith et al., 2011, 15). В обучении,

² Фасилитатор – человек, осуществляющий эффективную групповую коммуникацию.

основанном на запросах, которое также известно как управляемое исследование, учащиеся активно участвуют в создании своих собственных знаний в одном классе или в течение семестра вместо того, чтобы пассивно получать и запоминать информацию. Обучение на основе запросов считается одним из индуктивных методов преподавания и обучения, которое представляет собой семейство подходов, включающих обучение на основе конкретных случаев, обучение на основе дизайна, обучение на основе открытий, обучение по принципу «точно в срок», обучение на основе проблем и обучение на основе проектов (Prince & Felder, 2006).

Обучение на основе запросов имеет различные характеристики и режимы. Процесс исследования способствует пониманию учащимися, проблематизируя ситуацию, создавая спрос на знания, делая возможными открытия и уточнения, а также применяя полученные знания (Edelson et al., 1999). Пять характеристик обучения на основе запросов включают в себя: вовлечение учащегося в сложную открытую проблему или сценарий, управление учащимся методами и стратегиями исследования, использование учащимся существующих знаний для определения потребностей в обучении, задачи, стимулирующие любопытство, которые побуждают учащегося исследовать и исследовать, а также анализ учащимися и представление доказательств, подтверждающих их реакцию на проблему (Kahn and O'Rourke, 2005). В зависимости от степени, в которой учителя обеспечивают поддержку, могут иметь место три режима обучения на основе запросов (Spronken-Smith and Walker, 2010). В структурированном опросе учителя предлагают проблему и план решения. При управляемом исследовании учителя предлагают вопросы, стимулирующие исследование, а учащиеся работают самостоятельно, чтобы изучить эти вопросы. В открытом опросе учащиеся создают вопросы и сами проходят весь процесс.

Исследования эффективности обучения, основанного на запросах, показывают, что оно может во многих отношениях способствовать обучению и развитию. Метаанализ 37 экспериментальных и квазиэкспериментальных исследований, опубликованных в период с 1996 по 2006 год, показал средний эффект в пользу преподавания наук, основанного на запросах, большое влияние на эпистемическую деятельность по сравнению с другими и большее влияние на учителя. опрос под руководством студентов по сравнению с опросом под руководством студентов (Furtak et al., 2012). Другой метаанализ 19 исследований, проведенных с 2005 по 2015 год в Турции с общей выборкой из 1521 учащегося, показал, что обучение на основе запросов по сравнению с традиционным обучением оказывает большое влияние на успеваемость учащихся в школе и среднее влияние на рабочие навыки учащихся. в науке и отношении к науке (Aktamiş et al., 2016). Другой метаанализ 72 исследований, в которых изучались результаты руководства в обучении, основанном на

запросах, показал, что руководство оказывает среднее влияние на учебную деятельность, результаты обучения и успехи в работе, что зависело от типа руководства (Lazonder and Harmsen, 2016). Эффективность программ обучения на основе запросов, интегрированных с мобильными устройствами, изучалась в другом метаанализе 34 исследований, в которых приняли участие 2316 человек в период с 2007 по 2016 год (Zheng et al., 2018). Результаты показали, что приложения для мобильных устройств оказывают большое влияние на улучшение успеваемости учащихся с большим влиянием на когнитивные результаты для исследований средней продолжительности (5–8 недель) и небольших размеров выборки (20–50) с использованием квазиэкспериментального дизайна и количественного анализа.

Эффективное применение основанного на запросах обучения требует соответствующей разработки и реализации учебной деятельности. Эпистемическая деятельность и сочетание концептуальной, процедурной и социальной деятельности в исследовательском обучении оказались более эффективными, чем концептуальная, процедурная и социальная деятельность сами по себе (Furtak et al., 2012). Учебная деятельность, основанная на эпистемологических исследованиях, включает обучение природе науки, получение выводов на основе доказательств, регистрацию и описание данных, а также прикладную деятельность. Исследования в области обучения, основанного на запросах, показали важность руководства и указаний учителя, таких как обеспечение ограничений процесса, обзоры состояния, подсказки, эвристики, шаблоны и объяснения (Lazonder & Harmsen, 2016). Было предложено, чтобы эффективное обучение, основанное на запросах, имело пять фаз и девять подэтапов: этап ориентации, этап концептуализации (подэтапы вопросов и выдвижения гипотез), этап исследования (подэтапы исследования, экспериментирования и интерпретации данных), этап обсуждения (подэтапы общения и размышления) и этап заключения (Pedaste et al., 2015). При реализации программ обучения на основе запросов было предложено рассмотреть несколько аспектов, связанных с учителями, курсами и институциональными атрибутами, перечисленными ниже, для эффективной реализации (Spronken-Smith et al., 2011) (рис. 7).

Обучение на основе запросов особенно актуально в контексте среды двадцать первого века. Простота доступа к информации позволяет учащимся быть более активными в своем обучении. Эффективное внедрение обучения на основе запросов в традиционной и цифровой среде будет способствовать развитию компетенций и навыков двадцать первого века (Chu et al., 2021). Благодаря использованию этих индуктивных методов преподавания и обучения учащимся может быть оказана поддержка в плане творчества, критического мышления и решения проблем.

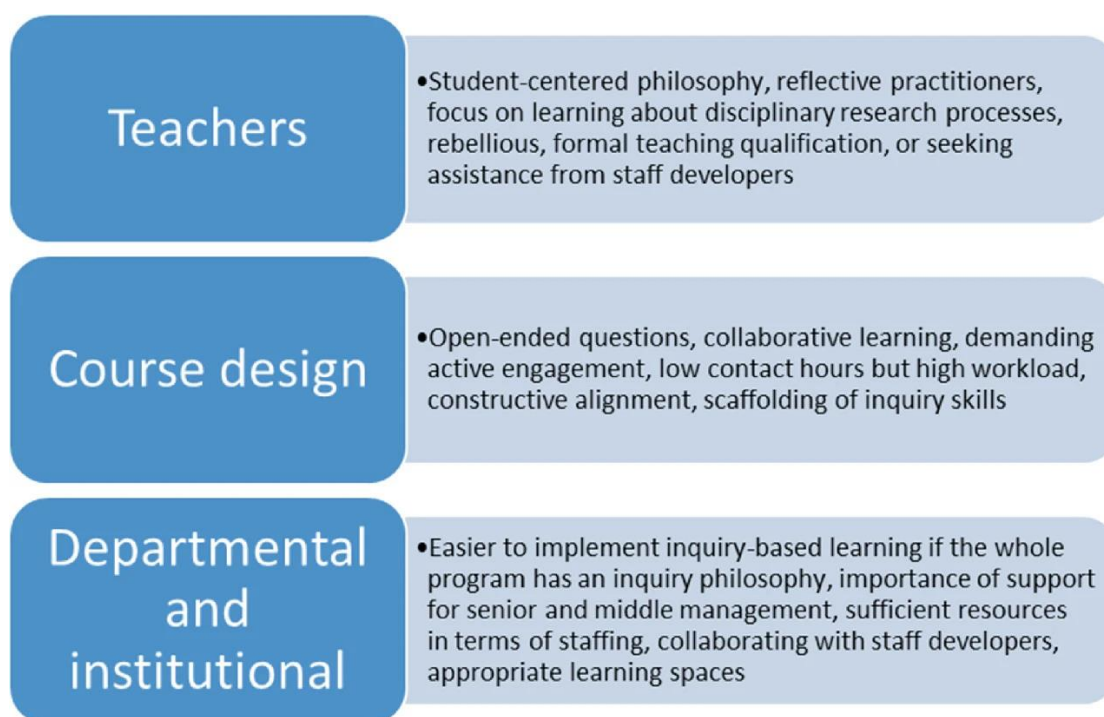

Рис.7. Атрибуты Spronken-Smith et al. (2011) для эффективной реализации программ обучения на основе запросов. Источник изображения: https://link.springer.com/chapter/10.1007/978-981-16-9640-4_8/figures/3

Кооперативное и коллаборативное обучение. Человеческий разум работает не в вакууме, а во взаимодействии с другими разумами. Социальная природа человеческого разума и поведения явно проявляется в процессах обучения и преподавания. Чтобы воспользоваться силой других умов, кооперативное и коллаборативное обучение предлагается как эффективное средство обучения и преподавания. В отличие от индивидуального и конкурентного обучения, совместное обучение использует небольшие группы, чтобы максимально использовать индивидуальное и групповое обучение (Razzouk and Johnson, 2012). Точно так же совместное обучение определяется как процесс, в котором учащиеся работают в парах или небольших группах с целью поиска и признания способностей и предложений отдельных участников (Udvari-Solner, 2012). Члены кооперативных групп и групп совместного обучения обычно имеют общие полномочия и ответственность за групповые действия и результаты. При совместном обучении учителя действуют как центральная власть в классе и предлагают более закрытые групповые задания. Напротив, члены группы совместного обучения работают взаимозависимо над открытыми и сложными задачами, чтобы обсудить и создать совместное проблемное пространство, в котором они совместно прорабатывают свой личный смысл и знания (Baker, 2015).

Кооперативное и совместное обучение имеет различные характеристики и элементы. Johnson and Johnson (1999) выделили пять элементов и выделили три типа совместного

обучения. Пять основных элементов совместного обучения включают позитивную взаимозависимость, индивидуальную ответственность, стимулирующее взаимодействие, социальные навыки и групповую обработку. Учащиеся в неформальных совместных учебных группах работают над целями совместного обучения временно, от нескольких минут до одного часа занятий. При формальном совместном обучении учащиеся работают над конкретными задачами и заданиями с общими учебными целями, от одного часа занятий до нескольких недель. Кооперативные базовые группы состоят из разнородных членов, поддерживающих друг друга в академическом и социальном плане в течение одного или нескольких лет. Tinzmann et al. (1990) описали четыре характеристики среды совместного обучения и несколько ролей, которые учителя и ученики играют в этой среде. Четыре характеристики заявлены как: общие знания между учителями и учениками, общий авторитет среди учителей и учеников, учителя как посредники и разнородные группы учеников. Роли учителей включают в себя содействие, моделирование и коучинг, тогда как роли учащихся включают постановку целей, разработку учебных задач, наблюдение за членами группы и оценку групповой работы.

Несколько исследований сообщают о положительных результатах совместной и совместной учебной деятельности. Мета-анализ 65 исследований, опубликованных с 1995 по 2011 годы, посвященных совместному обучению лицом к лицу в начальной школе и в университете, показал, что оно оказывает большое влияние на успеваемость, меньшее влияние на отношение и отсутствие влияния на восприятие (Kyndt et al. 2013). То же исследование также показало наличие сдерживающего эффекта для предметной области, возраста учащихся и культуры на результаты. Точно так же другой метаанализ 31 дипломной работы в Турции показал, что, хотя совместное обучение оказывает большое влияние на успеваемость учащихся, оно оказывает среднее влияние на отношение и не влияет на психомоторные результаты (Alacarpinar and Uysal, 2020). Другой метаанализ, в котором изучалась эффективность компьютерного совместного обучения (CSCL) в образовании в области естественных наук, технологий, инженерии и математики (STEM), основанный на 143 исследованиях, опубликованных в период с 2005 по 2014 годы, показал, что STEM CSCL оказывает в целом умеренный эффект, а наибольшее влияние оказывают результаты процесса (например, время, затрачиваемое людьми на выполнение задач и последовательностей аргументации), за которыми следуют когнитивные результаты (например, фактические и прикладные знания, навыки и оценка) и аффективные результаты (например, удовлетворенность, мотивация, эффективность, и отношение; Jeong et al., 2019). В том же исследовании было обнаружено, что эффекты сдерживаются типами технологий и педагогики, уровнями образования учащихся и областями обучения.

Кооперативное и совместное обучение можно использовать в качестве эффективного учебного подхода как в традиционной, так и в цифровой среде обучения. Как видно из научной литературы, эффект от совместных и совместных приложений обучения зависит от многих факторов, таких как возраст учащихся, предметные области, технологии, педагогика и культура. Эффективные приложения учитывают эти факторы при разработке педагогической практики, соответствующей развитию и культуре. Традиционные совместные методы обучения включают в себя разделение учащихся на группы по достижениям, командные игры и турниры, командную индивидуализацию или командное ускоренное обучение, совместное интегрированное чтение и сочинение, мозаику, совместное обучение, групповое исследование и конструктивные споры (Kyndt et al., 2013). Совместное обучение предлагается разрабатывать на основе пяти элементов целей и стимулов, задач, групп, процессов сотрудничества и оценки (Cho, 2015). Используя пять компонентов совместного обучения Johnson and Johnson (1999), был разработан инструмент наблюдения для измерения 10 характеристик обучающихся групп, перечисленных ниже (Kern et al., 2007) (рис. 8).

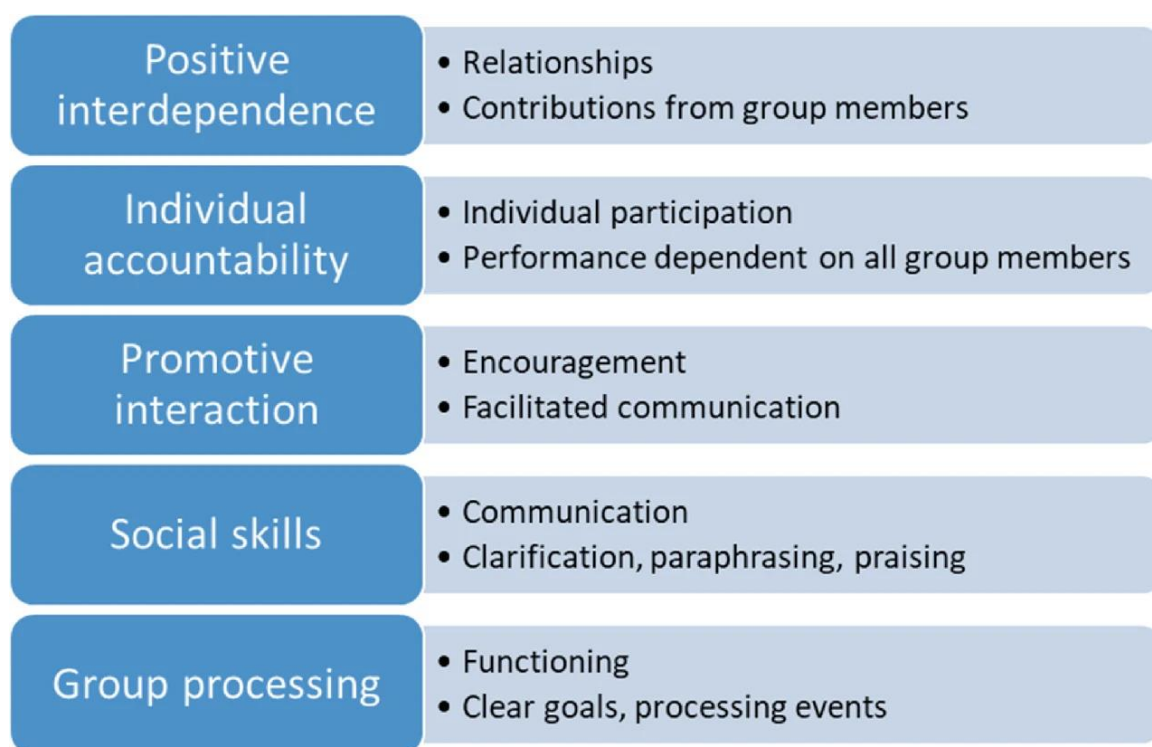

Рис.8. Kern et al. (2007): характеристики групп совместного обучения. Источник изображения: https://link.springer.com/chapter/10.1007/978-981-16-9640-4_8/figures/4

Кооперативное и совместное обучение имеет важное значение для развития навыков двадцать первого века. Сложные проблемы XXI века требуют, чтобы люди учились и работали вместе. Хорошо продуманные стратегии кооперативного и совместного обучения в традиционной и цифровой среде обучения позволят развивать навыки общения, сотрудничества, командной работы и лидерства.

Социальное и эмоциональное обучение. Успеваемость в учебе и когнитивное развитие уже много лет являются основными результатами систем образования. В 1990-х годах интерес к социально-эмоциональному развитию возродился с публикацией книги Дэниела Гоулмана (1995) «Эмоциональный интеллект» и созданием Совместного академического, социального и эмоционального обучения (CASEL). CASEL — это некоммерческая организация, состоящая из педагогов, исследователей и защитников в Соединенных Штатах, продвигающих научно обоснованные процессы социального и эмоционального обучения в образовательных учреждениях K-12³. С тех пор ученые и практики работают над разработкой и оценкой программ социального и эмоционального обучения и вмешательств.

Социальное и эмоциональное обучение (SEL) определяется как «(а) овладение и надлежащее использование навыков межличностного общения и работы в малых группах (например, распознавание, управление и надлежащее выражение своих эмоций) и (б) интернализация просоциальных установок и ценностей, необходимые для достижения целей, решения проблем, эмоциональной вовлеченности в учебу и работу, а также для достижения успеха в учебе и на протяжении всей жизни» (Johnson & Johnson, 2004, 40). SEL далее описывается двумя важными компетенциями межличностной эффективности и самореализации, а также тремя основными условиями кооперативного сообщества, конструктивного разрешения конфликтов и гражданских ценностей. CASEL предлагает модель систематического SEL в образовательных учреждениях с пятью областями компетенции: самосознание, самоуправление, социальная осведомленность, навыки взаимоотношений и ответственное принятие решений (Weissberg et al., 2015). Модель описывает системное программирование SEL с партнерскими отношениями на уровне класса, школы, семьи и сообщества и несколькими уровнями поддержки в продвижении краткосрочных и долгосрочных результатов в отношении отношения и поведения учащихся.

³ Система K-12 означает «от детского сада до 12-го класса». Это примерно соответствует возрасту поступления в школу от пяти до двенадцати классов в возрасте около 18 лет. Система разбита на три этапа: начальная школа (классы K-5), средняя школа (классы 6-8) и старшая школа. школа (9-12 классы).

Исследования программ социального и эмоционального обучения показывают важные преимущества участия учащихся. Метаанализ 213 исследований с участием более 270 тысяч учащихся К-12 показал, что учащиеся универсальных школьных программ SEL показали лучшие результаты в успеваемости, социальных и эмоциональных навыках, отношении к себе и другим, позитивном социальном поведении, поведении. проблемы и эмоциональный стресс по сравнению с контрольными группами (Durlak et al., 2011). Другой метаанализ 82 вмешательств, в которых приняли участие более 97 тысяч учащихся К-12) в нескольких странах, показал положительные эффекты вмешательств SEL, которые были обнаружены в течение 18 лет после окончания программ (Taylor et al., 2017). По сравнению с контрольной группой участвующие студенты всех рас, социально-экономических статусов и географических групп имели лучшие долгосрочные результаты в академических и социально-эмоциональных результатах, включая более высокий уровень безопасного сексуального поведения при выпуске и более низкий уровень употребления наркотиков.

Воздействие программ SEL зависит от элементов дизайна и применения. Было обнаружено, что использование определенных практик в программах SEL снижает результаты этих программ. Программы, которые являются последовательными, активными, сфокусированными и явными (SAFE), были более эффективными в содействии положительному академическому и социально-эмоциональному развитию (Durlak et al., 2011). В программах SAFE используется последовательный пошаговый подход к обучению, в котором используются стратегии активного обучения, основное внимание уделяется развитию навыков в течение достаточного времени и используются четкие цели и задачи обучения. Эффективные программы SEL укомплектованы взрослыми, обладающими личными и профессиональными способностями, чтобы внедрять и расширять основанные на фактических данных практики, создавать инклюзивную культуру, которая способствует заботливым отношениям и самоопределению молодежи, а также создавать возможности для сотрудничества между школой, семьей и сообществом для поддержки развития учащихся (Mahoney et al., 2020). С экологической точки зрения эффективное программирование должно учитывать интерактивные процессы во вложенных условиях классов, школ, семей, сообществ, городов, регионов и стран.

Навыки XXI века включают в себя не только базовые грамотности и компетенции, но и личностные характеристики. Социальные и эмоциональные учебные мероприятия и программы являются хорошо подходящими стратегиями для развития таких характеристик учащегося, как адаптивность, настойчивость, выдержка, чувство ответственности, саморегуляция, самоконтроль, самоэффективность, лидерство и социальная/культурная осведомленность. Высококачественные программы социального и эмоционального

обучения в цифровой и нецифровой среде обучения необходимы для развития и поддержки учащихся XXI века.

Системы и поддержка для учащихся XXI века. Необходимы эффективные, основанные на фактических данных учебные стратегии для развития навыков XXI века у нынешних и будущих учащихся. В дополнение к ранее изложенным стратегиям должны быть разработаны системы и средства поддержки, обеспечивающие достижение желаемых результатов. Поддерживающая среда и системы поддержки должны быть объединены для обучения ребенка в целом посредством его академического, когнитивного, этического, физического, психологического и социально-эмоционального развития. Основываясь на экологической перспективе и структуре систем развития, Linda Darling-Hammond et al. (2020) изложили последствия науки об обучении и развитии для образовательной практики. Их последствия суммируются в четырех областях: продуктивные учебные стратегии, социальное и эмоциональное развитие, благоприятная среда и система поддержки.

Стратегии продуктивного обучения и методы социального/эмоционального развития были частично обобщены ранее. Эти учебные стратегии предназначены для обучения, ориентированного на учащегося, которое способствует концептуальному пониманию и мотивации к обучению, а также обучению тому, как учиться. Обучение, ориентированное на учащегося, использует предшествующие знания и опыт, обучает готовности и предлагает индивидуальное и совместное обучение с когнитивной поддержкой. Концептуальное понимание можно стимулировать, сопоставляя концепции области обучения и предоставляя четкие инструкции и обучение на основе запросов. Мотивацию учащихся можно повысить с помощью сложных задач, соответствующих строительным лесам и учебным занятиям, ориентированных на интерес. Обучение тому, как учиться, можно поддерживать с помощью метакогнитивной осведомленности и навыков, формирующая обратная связь и оценка производительности, ориентированная на мастерство. Социальное и эмоциональное обучение важно для развития внутриличностных и межличностных навыков, установки на рост, внимательности, самоэффективности, саморегуляции и чувства общности.

Поддерживающая учебная среда включает в себя элементы эффективных структур по уходу за детьми, учебных сообществ и связей между семьей и персоналом. Для структур по уходу за детьми необходимы меньшие размеры классов и школ, более продолжительный период обучения (например, К-8 или 6–12), цикличность или непрерывность ухода, блочное расписание, а также группы преподавателей и консультационные системы. Эффективные учебные сообщества в классе и школе могут быть созданы с помощью последовательного расписания, безопасной среды, преднамеренных упражнений по

построению сообщества и культурной компетентности. Связи между семьей и персоналом можно улучшить за счет доверительных отношений, сотрудничества сотрудников, подлинного участия семьи, родительских собраний и домашних посещений.

Поскольку обучение и развитие происходят не только в классах и школах, хорошо продуманная система поддержки имеет решающее значение для обучения «всего ребенка в рамках всей школы и всего сообщества» (Darling-Hammond et al., 2020, 99). Многоуровневая система поддержки обеспечивает универсальный дизайн для обучения учащихся и развивает знания о развитии ребенка на первом уровне, тогда как второй уровень ориентирован на диагностические услуги, а на третьем уровне реализуются интенсивные вмешательства. Скоординированные и интегрированные инклюзивные услуги в области здравоохранения, психического здоровья и социальных услуг должны создаваться на основе партнерства семьи и сообщества. Наконец, необходимо использовать расширенные возможности обучения, такие как внешкольные мероприятия и летние программы.

Заключение. Сложные проблемы и вызовы XXI века делают эффективные стратегии обучения и преподавания необходимыми для обучения новых поколений необходимым знаниям, навыкам и характеристикам. Использование эффективных методов обучения, таких как цифровое обучение, обучение на основе запросов, совместное и совместное обучение, а также социальное и эмоциональное обучение, было бы полезно в этом стремлении. Учащиеся XXI века нуждаются в поддержке в классе и за его пределами с помощью соответствующих систем и средств поддержки. Поддерживающая учебная среда и системы поддержки должны создаваться вокруг учащихся, их семей и сообществ. Отдельные люди и общества должны объединиться и действовать сообща в этом коллективном стремлении создавать, внедрять и поддерживать качественное образование для всех» (https://link.springer.com/chapter/10.1007/978-981-16-9640-4_8).

Таким образом, концепция А.А. Оздогру представляет собой интегральное описание наиболее эффективных образовательных стратегий, прошедших определенную прикладную апробацию и зарекомендовавших себя в аспекте результативности. Особое значение имеет то, что различные образовательные стратегии в модели А.А. Оздогру связаны между собой, исследователь показывает, как они дополняют и усиливают друг друга. Очевидно, что концепция А.А. Оздогру имеет большую практическую ценность и является как моделью эффективных образовательных стратегий, так и своего рода исследовательской программой в области современных педагогических наук.

Список литературы

1. Aktamiş H., Hiçde E., Özden B. Effects of the inquiry-based learning method on students' achievement, science process skills and attitudes towards science: A meta-analysis science //Journal of Turkish Science Education. – 2016. – V. 13. – №. 4. – P. 248-261.
2. Alacapinar F. G., Uysal H. The effect of cooperative learning in education: A meta-analysis study //Research on Education and Psychology. – 2020. – V. 4. – №. 1. – P. 54-72.
3. Alpaydın Y., Demirli C. Educational Theory in the 21st Century: Science, Technology, Society and Education. – Springer Nature, 2022. 267 p.
4. Baker M. J. Collaboration in collaborative learning //Interaction studies. – 2015. – V. 16. – №. 3. – P. 451-473.
5. Basak S. K., Wotto M., Bélanger P. E-learning, M-learning and D-learning: conceptual definition and comparative analysis // E-Learn. Digit. Media. – 2018. – 15 (4). – P. 191–216.
6. Beers S. Teaching 21st century skills: An ASCD action tool. – ASCD, 2011. 224 p.
7. Bhuasiri W. et al. Critical success factors for e-learning in developing countries: A comparative analysis between ICT experts and faculty //Computers & Education. – 2012. – V. 58. – №. 2. – P. 843-855.
8. Cho Y. H. Collaborative learning and 21st-century skills //The SAGE encyclopedia of educational technology. – 2015. – V. 2. – P. 129-130.
9. Chu S. K. W. et al. 21st century skills development through inquiry-based learning from theory to practice. – Springer International Publishing, 2021. 210 p.
10. Darling-Hammond L. et al. Implications for educational practice of the science of learning and development //Applied developmental science. – 2020. – V. 24. – №. 2. – P. 97-140.
11. Davies S. A critical examination of calls for a '21st-century education'. Uncommon Ground Media, 2018, March 12. <https://uncommongroundmedia.com/21st-century-education-conundrum/>
12. Driscoll M., Carliner S. Advanced web-based training strategies: Unlocking instructionally sound online learning. – John Wiley & Sons, 2005. 500 p.
13. Durlak J. A. et al. The impact of enhancing students' social and emotional learning: A meta-analysis of school-based universal interventions //Child development. – 2011. – V. 82. – №. 1. – P. 405-432.
14. Edelson D. C., Gordin D. N., Pea R. D. Addressing the challenges of inquiry-based learning through technology and curriculum design //Journal of the learning sciences. – 1999. – V. 8. – №. 3-4. – P. 391-450.

15. Furtak E. M. et al. Experimental and quasi-experimental studies of inquiry-based science teaching: A meta-analysis //Review of educational research. – 2012. – V. 82. – №. 3. – P. 300-329.
16. Garrison D. R. E-learning in the 21st century: A community of inquiry framework for research and practice. – Taylor & Francis, 2016. 220 p.
17. Greenlaw J. Deconstructing the metanarrative of the 21st century skills movement //Educational Philosophy and Theory. – 2015. – V. 47. – №. 9. – P. 894-903.
18. Griffin, P., McGaw, B., & Care, E. (Eds.). (2012). Assessment and teaching of 21st-century skills. 314 p.
19. Gurley L. E. Educators' Preparation to Teach, Perceived Teaching Presence, and Perceived Teaching Presence Behaviors in Blended and Online Learning Environments //Online learning. – 2018. – V. 22. – №. 2. – P. 197-220.
20. Herring M. C. et al. (ed.). Handbook of technological pedagogical content knowledge (TPACK) for educators. – New York: Routledge, 2016. – V. 3. – P. 189-200.
21. Hodges C. B. et al. The difference between emergency remote teaching and online learning. – 2020. <https://vtechworks.lib.vt.edu/bitstream/handle/10919/104648/facdev-article.pdf?sequence=1>
22. Islam A. K. M. N. E-learning system use and its outcomes: Moderating role of perceived compatibility //Telematics and Informatics. – 2016. – V. 33. – №. 1. – P. 48-55.
23. Jeong H., Hmelo-Silver C. E., Jo K. Ten years of computer-supported collaborative learning: A meta-analysis of CSCL in STEM education during 2005–2014 //Educational research review. – 2019. – V. 28. – P. 100284.
24. Johnson D. W., Johnson R. T. Making cooperative learning work //Theory into practice. – 1999. – V. 38. – №. 2. – P. 67-73.
25. Johnson D. W., Johnson R. T. The three Cs of promoting social and emotional learning //Building academic success on social and emotional learning: What does the research say. – 2004. – P. 40-58.
26. Joynes, C., Rossignoli, S., Fenyiwa Amonoo-Kuofi, E. 21st century skills: Evidence of issues in definition, demand and delivery for development contexts (K4D Helpdesk Report). Institute of Development Studies, 2019. https://assets.publishing.service.gov.uk/media/5d71187ce5274a097c07b985/21st_century.pdf
27. Kahn P., O'Rourke K. Understanding enquiry-based learning //Handbook of enquiry & problem-based learning. – 2005. – V. 2. – P. 1-12.

28. Kauffman H. A review of predictive factors of student success in and satisfaction with online learning //Research in Learning Technology. – 2015. – V. 23. https://www.researchgate.net/publication/281564342_A_review_of_predictive_factors_of_student_success_in_and_satisfaction_with_online_learning
29. Kern A. L., Moore T. J., Akillioglu F. C. Cooperative learning: Developing an observation instrument for student interactions //2007 37th Annual Frontiers //Education Conference-Global Engineering: Knowledge Without Borders, Opportunities Without Passports. – IEEE, 2007. – P. T1D-1-T1D-6.
30. Khan B. H. A framework ofor Webbased learning //Web-based training, BH Khan, Editor. – 2001. <https://asianvu.com/bk/appendix/Appendix%20O%20-%20The%20Global%20e-Learning%20Framewor.pdf>
31. Kyndt E. et al. A meta-analysis of the effects of face-to-face cooperative learning. Do recent studies falsify or verify earlier findings? //Educational research review. – 2013. – V. 10. – P. 133-149.
32. Lazonder A. W., Harmsen R. Meta-analysis of inquiry-based learning: Effects of guidance //Review of educational research. – 2016. – V. 86. – №. 3. – P. 681-718.
33. Lucas B. Why we need to stop talking about twenty-first century skills. – 2019. 24 p.
34. Mahoney J. L. et al. Systemic social and emotional learning: Promoting educational success for all preschool to high school students //American Psychologist. – 2021. – V. 76. – №. 7. – P. 1128.
35. McCutcheon K. et al. A systematic review evaluating the impact of online or blended learning vs. face-to-face learning of clinical skills in undergraduate nurse education //Journal of advanced nursing. – 2015. – V. 71. – №. 2. – P. 255-270.
36. McNaught C., Lam P., Cheng K. F. Investigating relationships between features of learning designs and student learning outcomes //Educational Technology Research and Development. – 2012. – V. 60. – P. 271-286.
37. Organisation for Economic Co-operation and Development. OECD Learning Framework 2030 (Position paper). OECD. [http://www.oecd.org/education/2030-project/contact/E2030_Position_Paper_\(05.04.2018\).pdf](http://www.oecd.org/education/2030-project/contact/E2030_Position_Paper_(05.04.2018).pdf)
38. Özdoğru A. A. Revisiting Effective Instructional Strategies for Twenty-First-Century Learners //Educational Theory in the 21st Century: Science, Technology, Society and Education. – Singapore: Springer Nature Singapore, 2022. – P. 175-195.
39. Paul J., Jefferson F. A comparative analysis of student performance in an online vs. face-to-face environmental science course from 2009 to 2016 //Frontiers in Computer Science. – 2019. – V. 1. – P. 7. <https://www.frontiersin.org/articles/10.3389/fcomp.2019.00007/full>

40. Pedaste M. et al. Phases of inquiry-based learning: Definitions and the inquiry cycle //Educational research review. – 2015. – V. 14. – P. 47-61.
41. Prince M. J., Felder R. M. Inductive teaching and learning methods: Definitions, comparisons, and research bases //Journal of engineering education. – 2006. – V. 95. – №. 2. – P. 123-138.
42. Razzouk R., Johnson T.E. Cooperative Learning. In: Seel, N.M. (eds) Encyclopedia of the Sciences of Learning. Springer, Boston, MA, 2012. https://doi.org/10.1007/978-1-4419-1428-6_207https://link.springer.com/referenceworkentry/10.1007/978-1-4419-1428-6_207
43. Shea P., McCall S., Ozdogru A. Adoption of the multimedia educational resource for learning and online teaching (MERLOT) among higher education faculty: Evidence from the State University of New York Learning Network //MERLOT Journal of Online Learning and Teaching. – 2006. – V. 2. – №. 3.
44. Spronken-Smith R., Walker R. Can inquiry-based learning strengthen the links between teaching and disciplinary research? //Studies in higher education. – 2010. – V. 35. – №. 6. – P. 723-740.
45. Taylor R. D. et al. Promoting positive youth development through school-based social and emotional learning interventions: A meta-analysis of follow-up effects //Child development. – 2017. – V. 88. – №. 4. – P. 1156-1171.
46. Thai N. T. T., De Wever B., Valcke M. Face-to-face, blended, flipped, or online learning environment? Impact on learning performance and student cognitions //Journal of Computer Assisted Learning. – 2020. – V. 36. – №. 3. – P. 397-411.
47. Tinzman M. B., Jones, B. F., Fennimore T. F., Bakker J., Fine C., Pierce J. What is the collaborative classroom? North Central Regional Educational Laboratory, 1990. http://onlineacademy.org/modules/a402/support/xpages/a402b0_20400.html
48. Trilling B., Fadel C. 21st century skills: Learning for life in our times. – John Wiley & Sons, 2009. 243 p.
49. Udvari-Solner A. Collaborative learning. In N. M. Seel (Ed.), Encyclopedia of the sciences of learning. Springer, 2012. https://doi.org/10.1007/978-1-4419-1428-6_817
50. Weissberg R. P., et al. Social and emotional learning: Past, present, and future. In J. A. Durlak, C. E. Domitrovich, R. P. Weissberg, T. P. Gullotta (Eds.), Handbook of social and emotional learning: Research and practice (pp. 3–19). The Guilford Press, 2015.
51. Wheeler S. e-Learning and Digital Learning // N. M. Seel (Ed.), Encyclopedia of the sciences of learning. Springer, 2012. https://doi.org/10.1007/978-1-4419-1428-6_431

52. World Economic Forum, 2015. New vision for education: Unlocking the potential of technology. World Economic Forum. http://www3.weforum.org/docs/WEFUSA_NewVisionforEducation_Report2015.pdf
53. Zheng L. et al. The effectiveness of integrating mobile devices with inquiry-based learning on students' learning achievements: a meta-analysis // International Journal of Mobile Learning and Organisation. – 2018. – V. 12. – №. 1. – P. 77-95.
54. Дегтяренко, К. А. Концептуальные основания этнических исследований / К. А. Дегтяренко // Северные Архивы и Экспедиции. – 2021. – Т. 5, № 4. – С. 8-16. – DOI 10.31806/2542-1158-2021-5-4-8-16. – EDN UYCDCY.
55. Замаараева, Ю. С. Анализ понятия "глобальные трансформации". Воздействие глобальных трансформаций на культуру и этническую идентичность (теоретическое исследование) / Ю. С. Замаараева // Цифровизация. – 2021. – Т. 2, № 1. – С. 27-40. – DOI 10.37993/2712-8733-2021-2-1-27-40. – EDN XEAVNH.
56. Замаараева, Ю. С. Особенности этнической миграции в социально-психологическом восприятии (на материале анализа результатов эксперимента по методике "Серийные тематические ассоциации) / Ю. С. Замаараева // NB: Проблемы общества и политики. – 2014. – № 9. – С. 63-82. – EDN SXPIEV.
57. Замаараева, Ю. С. Понятия "нация", "национализм", "национальное государство" как элементы проекта модерна / Ю. С. Замаараева // Социальная антропология Сибири. – 2021. – Т. 2, № 2. – С. 36-67. – EDN ACQVQM.
58. Замаараева, Ю. С. Сложные формы этнической идентичности / Ю. С. Замаараева // Северные Архивы и Экспедиции. – 2020. – Т. 4, № 2. – С. 75-89. – DOI 10.31806/2542-1158-2020-4-2-75-89. – EDN FJIAPV.
59. Замаараева, Ю. С. Формирование понятия "сложная идентичность" в современных гуманитарных науках / Ю. С. Замаараева // Сибирский антропологический журнал. – 2020. – Т. 4, № 2. – С. 89-102. – DOI 10.31804/2542-1816-2020-4-2-87-100. – EDN YBRGNW.
60. Кистова, А. В. Культура как фактор социальной динамики / А. В. Кистова // Северные Архивы и Экспедиции. – 2020. – Т. 4, № 2. – С. 100-111. – DOI 10.31806/2542-1158-2020-4-2-100-111. – EDN SABKQD.
61. Кистова, А. В. Синтетическая модель культуры и культурные практики / А. В. Кистова // Сибирский антропологический журнал. – 2020. – Т. 4, № 2. – С. 111-121. – DOI 10.31804/2542-1816-2020-4-2-109-119. – EDN KLMBSN.
62. Колесник, М. А. Дайджест новостей в сфере развития искусственного интеллекта / М. А. Колесник, Н. М. Лещинская, Н. А. Сергеева // Социология искусственного

- интеллекта. – 2022. – Т. 3, № 1. – С. 18-28. – DOI 10.31804/2712-939X-2022-3-1-18-28. – EDN AKUVFE.
63. Копцева, Н. П. К проблеме сохранения этнической идентичности в современной поликультурной системе / Н. П. Копцева, Н. Н. Неволько // Традиционные ценности и современный мир: Материалы конференции, Омск, 10–11 января 2013 года. – Омск: Омская митрополия, 2013. – С. 114-117. – EDN HNDHTC.
64. Копцева, Н. П. Культурная память и этническая идентификация / Н. П. Копцева, Ю. Н. Менжуренко, К. А. Дегтяренко; Сибирский федеральный университет, Гуманитарный институт. – Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2022. – 250 с. – ISBN 978-5-7638-4502-0. – EDN NTSGGY.
65. Копцева, Н. П. Культурные трансформации: возможности изучения / Н. П. Копцева, Н. Н. Пименова // Сибирский антропологический журнал. – 2020. – Т. 4, № 3. – С. 36-44. – DOI 10.31804/2542-1816-2020-4-3-36-44. – EDN ENUIWR.
66. Копцева, Н. П. Своеобразие культурных сообществ сегодня: опыт изучения трансформаций в культурных пространствах и классификация Т. Х. Эриксона / Н. П. Копцева, Н. Н. Пименова // Северные Архивы и Экспедиции. – 2020. – Т. 4, № 3. – С. 57-69. – DOI 10.31806/2542-1158-2020-4-3-57-69. – EDN QNOFTB.
67. Либакова, Н. М. Аккультурационный стресс и технологии его преодоления / Н. М. Либакова // Социодинамика. – 2016. – № 2. – С. 89-97. – DOI 10.7256/2409-7144.2016.2.17683. – EDN VIDHCX.
68. Методы изучения культуры / Н. П. Копцева, Ю. Н. Авдеева, К. А. Крупкина [и др.]; Сибирский федеральный университет, Гуманитарный институт. – Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2020. – 184 с. – ISBN 978-5-7638-4350-7. – EDN GEDBOV.
69. Пчелкина, Д. С. Способы этнической манифестации в виртуальном пространстве: концептуальный анализ / Д. С. Пчелкина, Ю. Н. Авдеева // Северные Архивы и Экспедиции. – 2020. – Т. 4, № 2. – С. 143-152. – DOI 10.31806/2542-1158-2020-4-2-143-153. – EDN IGEZFT.
70. Сергеева, Н. А. Рецензия на книгу Кай-Фу Ли "ИИ-2041. Десять образов нашего будущего" / Н. А. Сергеева, Ю. С. Замараева // Социология искусственного интеллекта. – 2022. – Т. 3, № 3. – С. 52-68. – DOI 10.31804/2712-939X-2022-3-3-52-68. – EDN JSZOCQ.
71. Середкина, Н. Н. Антропологические и этнологические подходы к изучению общероссийской гражданской идентичности / Н. Н. Середкина // Сибирский

- антропологический журнал. – 2022. – Т. 6, № 1. – С. 111-121. – DOI 10.31804/2542-1816-2022-6-1-111-121. – EDN AHNUED.
72. Середкина, Н. Н. Научные подходы к понятию "этническая культурная идентичность" / Н. Н. Середкина // Специфика этнических миграционных процессов в XX–XXI веках: опыт и перспективы: материалы Международной научно-практической конференции, Красноярск, 27–29 сентября 2018 года. – Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2019. – С. 176-180. – EDN ZMQJWO.
73. Середкина, Н. Н. Общероссийская гражданская идентичность как фактор интеграции общества / Н. Н. Середкина // Сибирский антропологический журнал. – 2022. – Т. 6, № 2. – С. 125-135. – DOI 10.31804/2542-1816-2022-6-2-125-135. – EDN LUYUQN.
74. Сертакова, Е. А. Социальные системы, модели, трансформации: анализ теоретических подходов / Е. А. Сертакова // Социальная антропология Сибири. – 2021. – Т. 2, № 2. – С. 18-35. – EDN ZUOLQV.
75. Ситникова, А. А. Образ Китая в творчестве красноярского художника Сергея Форостовского / А. А. Ситникова, С. Ли // Северные Архивы и Экспедиции. – 2022. – Т. 6, № 4. – С. 87-98. – DOI 10.31806/2542-1158-2022-6-4-87-98. – EDN OOXZNN.
76. Ситникова, А. А. Теоретические, прикладные и синтетические методы исследования культуры как социально-антропологической системы / А. А. Ситникова // Социальная антропология Сибири. – 2021. – Т. 2, № 2. – С. 6-17. – EDN ICEFEC.
77. Шпак, А. А. Концептуальные и методологические основы для исследования феномена сложных идентичностей / А. А. Шпак // Специфика этнических миграционных процессов на территории Центральной Сибири в XX–XXI веках: опыт и перспективы : Материалы Международной научно-практической конференции, Красноярск, 28–30 ноября 2019 года. – Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2020. – С. 68-73. – EDN NOAUNL.
78. Шпак, А. А. Концептуальные и методологические основы исследования сложных социальных идентичностей / А. А. Шпак // Социальная антропология Сибири. – 2020. – Т. 1, № 1. – С. 48-60. – EDN LJMMEJ.

УДК 7.036

Снежана Олеговна Сиренко, Юлия Сергеевна Замараева

Сибирский федеральный университет, Красноярск, Россия

yzamaraeva@sfu-kras.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1299-6741>

Партиципаторные практики современного искусства (на материале анализа художественных произведений Тихару Сиоты)

Аннотация. В данной статье раскрыто концептуальное содержание понятия «партиципаторные практики» и представлены результаты анализа избранных произведений современной японской художницы Тихару Сиоты, известной созданием масштабных инсталляций и перформансов, а также художественных картин и скульптурных произведений. Основным материалом художницы – шерстяные нитки, основной принцип построения произведения – модульный. Художницу нередко сравнивают с пауком – из ниток чёрного, белого и красного цветов она выплетает огромные паутины-лабиринты, в которые часто бывают вплетены от одного до множества однородных предметов: стульев, платьев, ботинок, ключей, листков бумаги и так далее. Авторами статьи предложена классификация работ, на основании которой структурируется достаточно объёмное творчество художницы: по принципу использования нитей, по цвету нитей, по типу используемых предметов, по теме, по способу взаимодействия зрителя с произведением.

Ключевые слова: партиципаторные практики, инсталляция, современное японское искусство, Тихару Сиота.

Snezhana O. Sirenko, Yulia S. Zamaraeva

Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia

Participatory practices of contemporary art (based on the analysis of works of art by Chiharu Shiota)

Abstract. This article reveals the conceptual content of the concept of “participatory practices” and presents the results of an analysis of selected works by contemporary Japanese artist Chiharu Shiota, known for creating large-scale installations and performances, as well as art paintings and sculptures. The main material of the artist is woolen threads, the main principle of the construction of the work is modular. The artist is often compared to a spider – from threads of black, white and red colors she spins huge labyrinth webs, into which from one to many homogeneous objects are often woven: chairs, dresses, shoes, keys, pieces of paper and so on. The

authors of the article proposed a classification of works, on the basis of which a rather voluminous work of the artist is structured: by the principle of using threads, by the color of the threads, by the type of objects used, by topic, by the way the viewer interacts with the work.

Key words: participatory practices, installation, contemporary Japanese art, Chiharu Shiota.

Введение. Понятие «партиципация» в гуманитарных науках.

Термин «партиципация» происходит от английского слова participation – «участие», «сопричастность» и используется в широком спектре наук – философии, психологии, антропологии, политике, социологии и т.д. Общим определением термина позволительно назвать как «возможность быть частью чего-то».

В широкий обиход термин «партиципация» вошёл в 2005 году, когда американский бизнесмен Скотт Макнили, будучи главой компании по компьютерным технологиям Sun Microsystems, написал в статье «Financial Times» фразу «Добро пожаловать в век сопричастности!» (“Welcome to Participation Age!”). В этом высказывании ёмко заключено наблюдение Макнили о новом культурном феномене того времени: участии потребителей в создании товара. Век сопричастности, или век партиципации, характеризуется набирающим популярность трендом подключать покупателей к производству продукции компании. Потребителей же теперь интересует не столько сам товар, а сколько опыт, который можно от него получить (Almenberg, 2010).

Искусство в век партиципации претерпевает изменения: появляется всё больше работ, требующих большей вовлечённости зрителя, а не пассивного наблюдения. Считается, что будущее искусства принадлежит тем художникам, способным организовать креативные способности многих людей и направить эти способности на кооперативное создание произведений (Almenberg, 2010). В искусствоведении под термином «партиципация» или «партиципаторное искусство» понимается подход в искусстве, который предполагает коллективное и коммуникативное творчество, то есть, вовлечённость зрителя в процесс создания произведения.

Вопросом партиципаторных практик – по-другому, «искусстве участия» – занимались теоретики искусства Николя Буррио и Клер Бишоп. Роман Осминкин в статье «Партиципаторное искусство: от “эстетики взаимодействия” к постпартиципаторному искусству» даёт краткий обзор теорий каждого из авторов. Николя Буррио дематериализирует произведение искусства из материального объекта в процесс и, отделяя его от капиталистического контекста, переносит его в сферу естественных отношений между людьми. Чтобы сделать последнее возможным, Буррио рекомендует художникам

забыть о производстве объектов и сфокусироваться на создании способов жизни и моделей взаимодействия. По Буррио, одной из главных техник современных художников искусства партиципации должен стать «оперативный реализм» как выполнение рабочих действий в «сложившейся производственно-обменной среде, связанная с включением в уже сложившуюся систему социальных связей или же их воссозданием» (Осминкин, 2016). С другой стороны, Клер Бишоп разграничивает понятия «интерактивность» и «парципаторность». В первом случае зритель делает то, что художник ожидает от него (например, если в произведении искусства используются гаджеты, то от зрителя требуется нажимать на определённые кнопки; зритель что-то пробует на ощупь, на вкус и т.д.). В таком случае действия зрителя предсказуемы. Партиципаторность же подразумевает, что зритель действительно участвует в создании произведения искусства: «Произведение создают несколько человек, каждый из которых также является медиумом, средством внутри этой работы».

Антон Вальковский, объединяя понятия Буррио и Бишоп, добавляет к ним фактор социальности, культуры соучастия: «Партиципаторные художественные практики – это такие художественные практики актуального искусства, (1) которые основаны на коллективном действии и в которых реципиенты совместно активно вовлечены в процесс создания и реализации художественного произведения, в конструирование художественной ситуации. Они фактически становятся не просто потребителями, но производителями – сотворцами произведения искусства и его медиумом, (2) и в которых формируется социальная общность и особый характер intersубъективных взаимоотношений, основанных на установлении солидарности, взаимопонимании на базе эмпатии, заботе и ответственности за Другого». Выводя в своём исследовании термин «культура соучастия», А.В. Вальковский имеет в виду, что искусство последних лет, созданное в парадигме практик взаимодействия, занимается социальным конструированием и помогает создавать новые общественные пространства (Вальковский, 2017).

Представленное в виде любых медиа – фотографии, инсталляции, перформанса, видео, текста или звука – партиципаторное искусство даёт возможность зрителю использовать свои творческие способности здесь и сейчас, что во многом приравнивает его к художнику, использующему свою креативность для создания места и момента, где зритель может творить. Партиципаторное искусство стремится раскрыть креативность в каждом участнике. Таким образом, партиципаторное искусство – это особое течение, которое кардинально пересматривает роль зрителя, возводя его практически на один пьедестал с художником.

В партиципаторных практиках содержится идея контакта, коммуникации, сотрудничества, взаимодействия, выстраивания нового социального качества и социальных отношений в художественных проектах (Бала, 2018). Современные художественные практики становятся посредниками (медиумами) *в производстве взаимоотношений* между людьми, позволяют налаживать взаимодействие между ними (Буррио, 2016).

Обсуждение

Основные тенденции партиципаторного искусства.

Партиципаторное искусство уходит корнями в постановки футуристов и дадаистов начала двадцатого века, которые были призваны провоцировать публику, вызывать бурную реакцию или даже провоцировать скандал (Participatory Art: <https://www.hisour.com/participatory-art-22711/>).

Зарождение партиципаторного искусства произошло в манифестах футуристов. Итальянский художник-футуризм Арденго Соффичи писал, что «зритель должен жить в центре изображённого действия». Многие для своих постановок футуристы брали из представлений театра-варьете, так как считалось, что именно варьете подталкивал зрителей к соучастию. «При таком сотрудничестве публики с фантазией актёров действие происходит одновременно на сцене, в ложах и в партере», – говорилось в футуристическом манифесте.

Венгерский художник-авангардист Ласло Мохой-Надь в своём эссе 1924 года «Театр, цирк, варьете» писал: «Пора начать заниматься сценической деятельностью того рода, что не даст массам и дальше оставаться немymi зрителями, что позволит им слиться с действием на сцене» (Голдберг, 2013).

В конце 1950-х годов художник Аллан Капроу придумал перформансы, называемые хепенингами, в которых он заставлял участвовать в том числе и зрителей. Французский кинорежиссер и писатель Ги Дебор, основатель ситуационизма, так же болел за партиципаторное искусство, поскольку он хотел свести на нет пассивность позиции зрителя.

Та же тенденция сохраняется и по сей день: современная британская художница Монстр Четвинд полностью полагается на зрителей при создании своих перформансов-переосмыслений знаковых исторических событий. Другая кубинская художница – Таня Бругера – в своей работе о проблемах иммиграции «Surplus Value» просила зрителей долго стоять в очереди, после чего поделила их случайным образом на две группы: на тех, кто мог

участвовать в работе, и на тех, кого заставили пройти тесты на детекторе лжи (Participatory Art: <https://www.hisour.com/participatory-art-22711/>).

Развитие практики партиципаторного искусства также проходило параллельно с развитием программ паблик-арта, многие из которых появлялись в контексте крупномасштабных инициатив по обновлению и регенерации городов. Программы партиципаторного искусства с акцентом на вовлечение и участие общественности могут быть важным элементом как в процессе достижения общественного консенсуса, так и в критике таких инициатив по городскому возрождению. Экономический спад и социально-политические потрясения 1980-х годов в сочетании с отчуждающими эффектами капитализма и его влиянием на общественные структуры привели к растущему осознанию потенциала искусства как средства решения социальных проблем, в частности вопросов социальной интеграции. Под влиянием более ранних форм социально-вовлеченного и активистского искусства в этот период возникло множество общественных организаций и инициатив в области искусства. Использование искусства для решения вопросов, не связанных с искусством, способствовало продолжающимся дебатам о роли искусства и его взаимоотношениях с аудиторией, которые продолжают влиять на обсуждение современного партиципаторного искусства. Партиципаторное искусство поднимает важные вопросы о значении и цели искусства в обществе, о роли художника и зрительском опыте соучастника.

Условия партиципации зрителя можно условно разделить на три категории: относительные (relational), активистские (activist) и противодействующие (antagonistic). Относительным можно назвать такое произведение, в котором зритель участвует добровольно, придя в некоторое место, контекстуально связанное с искусством (например, музей). Примером относительных условий партиципации может служить инсталляция Риркрита Тиравани «Untitled (Free)»: пришедшие в музей зрители наблюдали инсталляцию из полной еды тайских глубоких сковородок для приготовления лапши. Посыл инсталляции был очень прост – художнику хотелось создать ситуацию, в которой зрители оказались бы за одним «кухонным столом», и были бы уже не просто незнакомцами, пришедшими в галерею, а группой людей, которых связал общий приём пищи. Такого рода создают временные и мелкомасштабные дружеские моменты и считаются экспериментами в области межличностных отношений (Kelly, 2014).

Активистское партиципаторное искусство не обязательно должно находиться в типичном для искусства контексте – как правило, площадкой для активистского партиципаторного искусства становятся городские улицы. Цель такого вида партиципации

– привлечь внимание к социальным проблемам и подтолкнуть людей к коллективному поиску их решений: «Результаты исследований подтверждают сильную и положительную связь между совместным искусством и гражданской/политической активностью. Была выявлена потенциальная полезность “искусства для политики”; то есть использование партиципаторного искусства как формы политического выражения и средства, с помощью которого слои общества могут не только выражать себя политически, но и развивать навыки политической грамотности и осознание ценности активной гражданской позиции» (Flinders, 2017).

Участие в активистских партиципаторных практиках так же добровольное, в отличие от противодействующих практик. Объект исследования такого рода партиципация – отношение человека и власти. Зрителю некой фигурой, обладающей большей властью, чем он сам, даются определённые инструкции. Зритель принудительно начинает взаимодействовать с произведением, однако в его силе принять решение бороться с навязанными ему наказаниями (Kelly, 2014).

В современном мире многие художники ожидают публикации отзывов и мнений о своих работах в Интернете. Более того, благодаря новым технологиям художники получили возможность быстрее обмениваться информацией, договариваться о совместной работе и изучать произведения друг друга. За достаточно короткое время мы привыкли к сверхскоростной интерактивности, и партиципаторное искусство, отражающее такое взаимодействие и активное участие, глубоко резонирует с нами. Превращая просмотр искусства в инклюзивный опыт, художник укрепляет наше понимание произведения и, возможно, вдохновляет посетителя тратить немного больше времени на каждую картину или скульптуру (Participatory Art: <https://www.hisour.com/participatory-art-22711/>).

Следовательно, основными тенденциями партиципаторного искусства можно назвать, во-первых, отрицание и неприятие пассивной роли зрителя; во-вторых, поиск ответа на вопросы о роли художника и зрителя, о взаимоотношении общества и искусства, и о природе искусства как такового; в-третьих, наблюдается тренд использования искусства для целей, не имеющих отношения к искусству (активистские партиципаторные практики); и, в-четвёртых, активное использование современных технологий для создания произведения и/или художественного образа.

Современное партиципаторное искусство в Японии.

Один из трендов, который достаточно чётко прослеживается в японском искусстве – это взаимодействие с пространством, погружение зрителя в определённое пространство с

целью подтолкнуть его к определённом решению. Этим приёмом часто пользуется японская художница Яёи Кусاما, живущая в Токио, но часто выставляющаяся в Нью-Йорке. Например, в работе «The Souls of Millions of Light Years Away» она с помощью зеркал и LED-лампочек создаёт кажущееся бесконечным пространство. Оказавшись в нём, зритель испытывает нечто схожее с опытом внетелесных путешествий.

Ещё один пример такого пространства – «Flower Gallery» художницы ОН Акиёси. Эта инсталляция представляет собой галерею с пустыми рамами вместо картин, стены которой выкрашены в ярко-розовый цвет и украшены фантастическими цветами. Однако здесь интересно не только взаимодействие зрителя с пространством, но и эстетика этого пространства. Розовый цвет, плавные линии, скруглённые лепестков и камерность самой галереи, ясно указывает на японскую эстетику «каваии». В работе Инухико Ёмота «Теория каваяи», где анализируется этот термин с лингвистической, социальной и культурной точек зрения, говорится, что «каваии» – это нечто одновременно и ужасно близкое, и милое, и романтическое, и эмоциональное (Ёмота, 2018). Эстетика каваяи свойственна не только предметам искусства, но и повседневным объектам, начиная от резинок для волос и ручек, заканчивая дизайном интерьера.

Все работы ОН Акиёси, которая определяет себя как создательницу «цветущего» искусства, так или иначе выполнены в рамках этой эстетики. Например, ещё одно произведение «Coffin for the Living» представляет собой определённо гроб, выполненный в стиле, считающимся милым, а именно с большим использованием розового цвета, кружев, мягких тканей, красивых лент. Забравшись внутрь, зритель может насладиться просмотром телепередач, чтобы не заскучать.

Обращается к японским традициям и художница Ёко Оно несмотря на то, что уже длительное время живёт в Нью-Йорке. 8 декабря 2019 года она провела в Токио перформанс «Токуо Wish Tree», в ходе которого зрителям было предложено написать свои желания на бумажках и повесить их на ветки цветущего красным клёна. Идея этого перформанса восходит корнями к обычаям японского храма синто, рядом с которым обычно стоят деревья, полностью увешанные бумажками с желаниями прихожан. В этом перформансе, несмотря на то что зритель обладает большей свободой, чем при взаимодействии с пространством, его действия, всё же, ограничены инструкцией: написать желание и прикрепить его к ветке дерева.

По схожей формуле создана ещё одна коллективная инсталляция Ёко Оно – «My Mommy is Beautiful». Зрителям предлагается написать несколько слов о своей маме на листочках бумаги и прикрепить их к стене. Некоторые люди прикрепляли фотографии, а надписи не ограничивались лишь английским языком несмотря на то, что инсталляция

находится в Вашингтоне. Об этой инсталляции говорят, что она представляет собой огромное облако мыслей самых разных людей о том, что такое семья.

Инструменты, которыми пользуются японские художники, не ограничиваются лишь бумагой и ручкой или холстом с кистями. «TeamLab» – это междисциплинарная группа художников, созданная в 2001 году в Токио (Япония). Представители группы (художники, программисты, инженеры, аниматоры компьютерной графики, математики и архитекторы) называют себя «Ультра-технологами». Цель группы «TeamLab» – исследовать взаимоотношения между человеком и миром с помощью искусства. Однако искусство это создаётся с учётом последних технических достижений. Большинство работ teamLab – это пространства, похожие по своему воздействию на пространства Яёи Кусамы. Но есть у них и произведения, требующие большего участия зрителя. Например, в аттракционе «Нарисованный аквариум» (お絵かき水族館) зрителям предлагается раскрасить изображение рыбы, после чего это изображение сканируется, и рыба появляется на экране-аквариуме. Эту рыбу можно кормить, а также, если нажать на неё два раза, то она отплывёт в сторону – другими словами, свою рыбу можно ещё и пугать. В этой работе мы видим не только взаимодействие произведения и зрителя, где зритель становится создателем произведения, но и использование компьютерных технологий, что нередко свойственно японскому искусству.

Ещё одно течение, которое можно выделить в рамках партиципаторного искусства – это эко-арт. Одноимённая статья искусствоведа Марии Радукану коротко освещает это направление и его проявление в работах современных японских художников. Появление этого течения автор обосновывает желанием художников адресовать проблемы изменения климата и других экологических проблем, используя в своих работах природные и перерабатываемые материалы – камень, дерево, металл. Основная цель таких работ – побудить зрителя что-то предпринять для спасения планеты. Автор рассматривает работы нескольких японских художников – Мии Андо, Минэо Мидзуно, Хидэо Кумаки, Тихару Сиоты и Исаны Ямада. Во многих отношениях произведения японских эко-художников становятся местом медитации для зрителя, местом, где зритель может восстановить отношения между собой и природой. Нередко для японского эко-арта свойственен анимизм – т.е. наделение неодушевлённых предметами свойствами предмета одушевлённого. Также автор обращается к традиционному японскому «природному искусству» – японским садам в стиле «дзэн», которые представляют собой целую вселенную, но в человеческом масштабе.

Наконец, ещё одна художница, которая работает с пространством, создавая в нём масштабные инсталляции из нитей – это Тихару Сиота. Одна из её самых знаменитых

инсталляций – это «The Key in the Hand», представленная в 2015 года на Венецианской Биеннале. Инсталляция состояла из пожертвованных художнице 180000 ключей, связанных между собой 400 километрами красной нити. В отличие от многих работ, представленных на той Биеннале, инсталляция Тихару Сиоты не несла в себе политического подтекста, а исследовала человеческую чувствительность, уязвимость, загадку человеческих душ и эмоций. Работы способствует погружению зрителя в свои воспоминания. В этой же работе мы видим отношение художницы к повседневным предметам – они одушевлены и являются носителями человеческой памяти.

Обобщая всё вышесказанное, можно предположить, что для Японии в меньшей степени характерно активистские партиципаторные практики, наблюдается большое количество относительных, relational, произведений. Многие художники пользуются руками зрителей для создания самого произведения и/или его художественного образа, но при этом групповых взаимодействий практически нет – находясь в группе других зрителей, человек, всё же, действует в одиночку. Кроме того, заметно преобладание произведений, представляющих собой масштабные пространства, которые как бы «заглатывают» зрителя, делая его частью художественного образа. В таком случае можно говорить об противоборствующих партиципаторных практиках, однако инструкции зрителю диктует не какое-то вышестоящее лицо, а само пространство, и зритель вправе решать, отдаться ли этому пространству, одновременно обратив взор внутрь себя, или же не вступать с пространством ни в какие взаимоотношения.

Характеристика художественного творчества Тихару Сиоты.

Краткая биография Тихару Сиоты. Тихару Сиота родилась в Японии, в городе Осака в 1972 г. В период 1992-1996 гг. художница изучала живопись в университете Сэйка в городе Киото. Первой её стажировкой была стажировка в Художественной школе в Канберре в 1994 г., и сразу после окончания университета она переехала в Германию. В Германии Тихару Сиота два года обучалась в Высшей школе изобразительных искусств в Брауншвейге, после этого – в Берлинском университете искусств. Её наставницами были Марина Абрамович и Ребекка Хорн, влияние которых заметно в работах художницы о теле и его опыте в пространстве (Ландихова, 2011). Хотя в настоящее время художница живёт в Берлине, в её работах проявляются следы японского наследия.

Список выставок, в которых Тихару Сиота участвовала, довольно внушительный. Среди особо значимых можно выделить выставки в Ludwig-Forum в Ахене, House of World Cultures в Берлине и Queensland Art Museum в Нью-Йорке, а также – участие в Триеннале современного искусства в Иокогаме и в 56-ой Венецианской Биеннале. Участие в таких

крупномасштабных проектах способствовали продвижению художницы и её международному призванию. Её работы и персональные выставки можно найти в музеях по всему миру: Mori Art Museum, Токио (2019); Gropius Bau, Берлин (2019); Art Gallery of South Australia, Аделаида (2018); Yorkshire Sculpture Park, Великобритания (2018); Power Station of Art, Шанхай (2017). В 2020 году Тихара Сиоту стала преподавателем в Университете искусств Тама и получила 61-ю премию Mainichi Geijutsu-sho., ежегодно присуждаемую заслуженным деятелям японского искусства.

Работы Тихару Сиоты входят в ряд публичных и частных коллекций, среди которых 21st Century Museum of Contemporary Art, Канадзава; Art Gallery of South Australia, Аделаида; Detached, Хобарт; Museum für Neue Kunst Freiburg, Германия; Ömer Koc, Стамбул; Centre PasquArt, Швейцария.

Результаты. Классификация работ Тихару Сиоты.

В первую очередь, Тихару Сиота известна своими масштабными инсталляциями, однако среди её работ присутствуют, в том числе, перформансы, картины и скульптуры. Основной материал художницы – шерстяные нитки, основной принцип построения произведения – модульный. Художницу нередко сравнивают с пауком – из ниток чёрного, белого и красного цветов она выплетает огромные паутины-лабиринты, в которые часто бывают вплетены от одного до множества однородных предметов: стульев, платьев, ботинок, ключей, листков бумаги и так далее.

«Тихару Сиота наиболее известна своими сложными и крупномасштабными инсталляциями, в которых исследуются сложные взаимоотношения между телом и разумом. Она отображает неуловимые ощущения и воспоминания, сплетая материальные объекты – одежду, музыкальные инструменты, мебель, письма и даже сожженное пианино – в обширные запутанные сети, созданные из сотен метров тонкой нити. Фиксируя объекты таким образом, художница создает потустороннюю среду с уникальной атмосферой, вдохновляющей на размышления о прошлом и на мечты о будущем» (Chiharu Shiota's Biography: <https://annaschwartzgallery.com/artist/chiharu-shiota>).

Большинство произведений Тихару Сиоты можно условно классифицировать по пяти признакам: по принципу использования нитей, по цвету нитей, по типу используемых предметов, по теме, по способу взаимодействия зрителя с произведением.

Работы Тихару Сиоты по принципу использования нитей.

В большинстве своих работ Тихару использует нити в качестве инструмента художественной выразительности. Художница обычно не рисует эскизов для своих

«паутин», а плетёт их на месте, пока не почувствует, что работа закончена: «Я могу создавать неограниченные пространства, которые, как мне кажется, постепенно расширяются во вселенную. Когда я больше не могу увидеть, где начинается или заканчивается нить, я считаю произведение законченным» (The thread of relationships: Chiharu Shiota at the Melbourne Arts Festival: <http://artradarjournal.com/2016/10/11/chiharu-shiota-at-the-melbourne-arts-festival-in-pictures/>).

Тихару Сиота пришла к такой технике незадолго после окончания университета. В интервью для журнала «Art Radar» она рассказала, что перешла на паутины из нитей после того, как поняла, что рисунок – слишком плоская для неё техника, не позволяющая создавать бесконечные пространства и, соответственно, добиваться максимальной выразительности.

Разумеется, для каждой из нитей у художницы есть своё собственное значение: «Для меня нити – это нечто, очерчивающие либо личное, либо всеобщее пространство. Черные нити относятся к более универсальному, всеобъемлющему пространству – например, ночному небу или вселенной – и в моих работах черный цвет предполагает универсальные истины и идеи, которые больше склоняются к абстрактному. С другой стороны, красный цвет, связанный с кровью, обозначает происхождение, физиологический путь, с помощью которого мы изучаем нашу родословную, и, в более широком смысле, все взаимосвязи внутри общества».

И всё же, несмотря на важность нити как инструмента для художницы, существует некоторое количество исключений, из чего следует, что все работы художницы можно поделить на три группы: произведения с использованием нитей; произведения, в которых используется инструмент, напоминающий нить; произведения без использования нитей.

К первой группе относится подавляющее большинство произведений художницы. Из последних можно назвать «Navigating the Unknown» (König London, Англия, 2020), «The Language of God» (Gwangju Biennale, Южная Корея, 2020) и «Where Are We Going?» (Fondazione Merz, Италия, 2020). В первой и третьей работах художница использует металлические каркасы для создания предметов, напоминающих плывущие куда-то лодки; во втором же используются страницы из Библии. И лодки, и страницы вплетены в большие пространства – «паутину» – из чёрных или белых нитей. Именно по такому принципу (предмет, дублирующийся несколько раз, плюс «паутина») и создаётся основная часть произведений художницы.

В произведениях второй группы нити не используются – вместо них в качестве связующего инструмента выступают материалы, напоминающие нити. В качестве альтернативы нитям художница использует металлическую проволоку («Relationality»,

2018; The Wanås Foundation - Wanås Konst, Швеция), электрические кабели («Connected to Life», 2010; Poznan, Польша) и пластиковые трубки («Dialogue with Absence», 2010; Christophe Gaillard Pop-up Gallery, Германия). Несмотря на то, что в этих произведениях используются инструменты нетипичные для Тихару Сиоты, все они выполняют ту же функцию, что и шерстяные нити в других работах: проволока, кабели и трубы соединяют, сплетают, связывают. Подтверждение тому – работа 2009 года «Dialogue with Absence» (Kenji Taki Gallery, Япония). В ней мы видим композицию, схожую с «Dialogue with Absence», созданным годом позже. Однако в более ранней версии вместо пластиковых трубок с красной жидкостью были использованы красные шерстяные нити, тянущиеся от белого платя в пустоту, и переплетающиеся на потолке.

К третьей группе – произведениям без нитей – относятся, в основном, скульптурные и графические работы художницы. Тем не менее, даже в них прослеживается почерк художницы, явственно видимый в инсталляциях и перформансах. К примеру, скульптура «In the Hand» (Art Gallery of South Australia, Австралия, 2018) целиком сделана из меди и бронзы, и всё же, объект, который держат бронзовые руки, напоминает собой паутину нитей. Другой пример – рисунки Тихару Сиоты. Они состоят из множества линий, как будто спутанных между собой и напоминающих, скорее, клубок шерстяных линий.

В настоящем исследовании нас, в первую очередь, интересуют инсталляции Тихару Сиоты. В инсталляциях же – по крайней мере, в их подавляющем большинстве – всегда используются нити или материалы с аналогичной функцией, поэтому в дальнейшем мы будем сосредотачиваться именно на такого рода произведениях.

Работы Тихару Сиоты по цвету нитей.

В своих инсталляциях Тихару Сиота ограничивается тремя цветами: чёрным, белым и красным. Другими словами, художница пользуется простыми или, как их определил Мишель Пастуро, «основными» цветами. Люди пользовались этими тремя цветами ещё со времён позднего палеолита – уже тогда в наскальных росписях появились рисунки красного, охрового, чёрного и совсем немного белого цветов. За всё время использования, чёрный, красный и белый обросли множеством значений. Например, в Средневековье чёрный и красный цвет воспринимались как антагонисты белого. Красный олицетворял ткань окрашенный, белый – неокрашенную, но незапачканную и первоначально чистую, а чёрный – ткань окрашенную или запачканную (Пастуро, 2015).

Итало-американский кинооператор Витторио Стораро даёт следующую характеристику этим цветам: «Цвет рождения – красный (цвет боли, крови, разрыва с матерью). Крик рождения означал выход из охраняющего мрака. Видимый свет изначально

причиняет боль рождающемуся человеку. Красный – цвет пульсирующей крови, жизни, природы, мужского начала. Энергия желания жить и покинуть царство мрака до рождения – суть этого цвета. Красный – сияющий, агрессивный цвет, цвет жизненной энергии. Все удовольствие и боль жизни соединены в нем и вместе с кровью составляют неизбывное нутро человека».

«Черный цвет означает начало и конец жизни, бессознательное, иррациональное, женское начало, тело, лоно праматери ночи, материю, хаос, бесконечность»; «Белый цвет формируется из всех цветов спектра. Белый цвет сопровождает чувство достижения цели, выход сознания на уровень прозрения, мудрости» (Тарасова, 2016).

Выше мы уже установили, что у художницы своё понимание этих трёх цветов. Чёрные нити, как в работе «The Language of God» (Gwangju Biennale, Южная Корея, 2020) символизируют Вселенную, общее пространство, всеобщую память, нечто абстрактное и универсальное. С другой стороны, чёрный в её работах может символизировать тишину и одиночество – как в работе «In Silence», (Австралия, 2011) – но, опять-таки, в грандиозных масштабах.

С другой стороны, белый в работах Сиоты зачастую связан с чистотой, смертью и перерождением. Второе значение художница позаимствовала из японской культуры: традиционным цветом траурных одежд в Японии является белый. В работе «Beyond Time» (Yorkshire Sculpture Park, Англия; 2018) мы видим синтез этих значений: инсталляция установлена в часовне. Белый цвет нитей в данном случае должен был отображать духовную сущность места, также, как и его чистоту, и коллективную память о свадьбах, рождениях и смертях (Chiharu Shiota: <https://www.studiointernational.com/index.php/chiharu-shiota-beyond-time-review-yorkshire-sculpture-park>). «Butterfly Dream» (The Museum of Kyoto, Япония; 2018) же даже своим названием намекает на перерождение: в инсталляции мы видим десяток людей, «прикованных» к кроватям белоснежными паутинами. Возможно, эти люди чем-то больны и находятся на грани смерти, однако даже в случае трагического финала их ждёт перерождение.

Значение красного также был адаптировано в работах Сиоты из японских традиций. В Японии существует легенда, согласно которой на мизинец каждого человека привязан конец красной нити. Второй же конец нити привязан к мизинцу другого человека, который предназначен первому судьбой. Для этой нити не существует преград вроде времени и расстояния, она никогда не запутается и не порвётся, но расстояние нити сократится, когда двое наконец встретятся. Похожую интерпретацию красной нити мы видим в инсталляциях Тихару Сиоты: красный у неё обозначает физическое тело, кровное родство, отношения между людьми и связями в обществе. «Обычно эти отношения невидимы для человеческого

глаза, но как только мы попытаемся визуализировать их с помощью красной нити, мы сможем наблюдать множество человеческих отношений в целом» (The Key in the Hand by Chiharu Shiota: <https://artjouer.wordpress.com/2015/10/27/the-key-in-the-hand-by-chiharu-shiota/>).

Из чего можно заключить, что три основных цвета – чёрный, красный и белый – для Тихару Сиоты имеют своё собственное значение, которое, тем не менее, несколько перекликается либо с распространёнными толкованиями этих цветов, либо – с японской традицией. Чёрный, как и в европейском понимании, у Сиоты обозначает бесконечное общее пространство, также, как и тишину, грусть и одиночество. Белый и красный, хоть и взяты Сиотой из её национальной культуры, тоже несколько перекликаются с европейскими толкованиями этих цветов – первый обозначает чистоту, духовность и скорбь, а второй – кровное родство, тело, межличностные взаимоотношения. Следовательно, красный у Сиоты показывает отношение типа «личность и личность», чёрный – «социум и абсолют», а белый – «абсолют».

Работы Тихару Сиоты по типу использования предметов.

Отождествляя нити с отражением собственных чувств, Тихару Сиота вплетает свои переживания и воспоминания в монументальные инсталляции. Художница открыто показывает свои переживания, но не делится ими откровенно, позволяя зрителям погружаться в их собственные воспоминания. Тихару Сиота эмоционально и серьезно относится к своим работам, доказательство чему – использование собственной пуповины в одной из работ. Она использует нити, вплетая в кокон такие большие объекты как больничные койки, огромные свадебные платья и даже саму себя (Baik, 2011).

Из инсталляций Тихару Сиоты за 1999-2020 гг., представленных на её официальном сайте: 25 включают в себя лодки; 25 включают себя мебель, чаще всего – стулья; 20 включают в себя листы бумаги; 20 включают в себя платья; 20 включают в себя кровати; 14 включают в себя старые оконные и дверные рамки; 11 представляют собой дом или интерьер дома; 10 включают в себя обувь; 10 включают в себя музыкальные инструменты, преимущественно – фортепиано; 9 включают в себя старые чемоданы; 4 включают в себя ключи; 4 включают в себя двери; 27 включают в себя другие предметы (ткань, лампы, камни, жёлуди и др.).

За каждым из предметов в творчестве Сиоты стоит собственные значения, о которых она иногда рассказывает в интервью, а иногда – оставляет толкование зрителям. Разумеется, в зависимости от цвета нити несколько меняется значение предмета, но мы на примере нескольких инсталляций проанализируем значения самых часто используемых объектов.

Первый по частоте использования предмет – это лодки. Примером инсталляции с лодками может служить работа 2017 года «Where are we going?» (Bon Marché Rive Gauche, Париж, Франция), в которой металлические каркасы, напоминающие по своей форме лодки, подвешены к потолку белыми нитями под таким углом, что кажется, будто лодки взлетают в небо. Это идея навеяна детскими воспоминаниями Сиоты: «Когда я была ребенком, во время каникул моя семья ездила на пароме из Осаки в Коти. Там мы провели ночь, а на следующий день мы словно попали в новый мир: мир отдыха и моря» (Chiharu Shiota, 2018).

«Where are we going?» визуализирует конечный вопрос о цели жизненного пути как индивидуального, так и коллективного. Каждый в своей лодке отправляется в путешествие в неизвестном направлении; но наши связи друг с другом дают нам ориентиры.

Лодки также используются в одной из самых знаменитых работ художницы, а именно – «The Key in the Hand», представленной на Венецианской Биеннале 2015 года. Между этими двумя инсталляциями есть два существенных отличия. Во-первых, в «Where are we going?» используются белые нити, а в «The Key in the Hand» – красные. Выше мы уже установили, что белые нити у художницы связаны с духовностью, миром Абсолюта. Можно утверждать, что работа «Where are we going?» хоть изначально и воплощает в себе лишь вопрос, она одновременно даёт неясный, но позитивный ответ: и направленность лодок вверх, и символически чистый цвет нитей говорит о том, что, по мнению художницы, все мы идём к более светлому будущему. С другой стороны, в инсталляции «The Key in the Hand» цвет нитей красный – тем самым подчёркивается межличностная связь людей и их коллективное путешествие по жизни.

Второе отличие этих двух инсталляций – в совмещении предметов. Если «Where are we going?» сосредоточена только на лодках, то в «The Key in the Hand» над лодками подвешено более пятидесяти тысяч ключей, которые были добровольно пожертвованы художнице её аудиторией. Эта инсталляция символизирует обширную сеть памяти – связи между ключами, нитями и лодками представляют собой связи между ассоциированными воспоминаниями, людьми и местами.

«Ключ – это знакомый каждому предмет, обладающий большой ценностью, защищая важных нам людей и места. Они также побуждают нас открывать двери в неизведанные миры. Помня об этом, в своей новой инсталляции я использовала пожертвованные мне ключи, которые наполнены различными воспоминаниями, накопленными за длительный период ежедневного использования. Когда я создаю работу в пространстве, воспоминания каждого, кто дает мне свои ключи, пересекаются с моими собственными воспоминаниями. Накладывающиеся друг на друга воспоминания, в свою

очередь, объединятся с воспоминаниями людей со всего мира, которые приезжают посмотреть Биеннале, давая им возможность по-новому взглянуть на общение и лучше понять чувства друг друга» – объясняет Сиота свою задумку. «Ключи имеют такое большое значение. Если я дам тебе свой ключ, значит, я тебе доверяю. Если я потеряю ключ, значит, я потерял надежду. Если у тебя в руках ключ, у тебя есть шанс» (Key in the Hand: <https://artsandculture.google.com/exhibit/the-key-in-the-hand/2wJSFJ9xCfj3Jw>).

Рис. 1. «The Key in the Hand» (Japan Pavilion, 56th Venice Biennale, Италия 2015)

Другая часто используемая категория предметов – это мебель. У художниц больше всего работ со стульями и кроватями (во втором случае в инсталляциях нередко принимают участие и живые люди, нанятые художницей). Всегда пустые и опутанные сетью нитей, стулья символизируют человека. Разумеется, человека мы не видим, но сам стул напоминает нам о его присутствии. «Когда я смотрю на стулья, я вижу нечто большее, чем приземленный объект. Для меня стул олицетворяет присутствие человека» – говорит художница в описании к выставке «Between Us», прошедшей в 2020 году в Сеуле. Через подобные инсталляции художница показывает место, которое однажды занимал человек, но которое теперь им покинуто. В инсталляции «Infinity Lines» 2017-го года (SCAD Museum of Art, США) художница использовала антикварные стулья, сплетя их между собой красной нитью. Ещё один пример – одна из самых широко известных работ Тихару Сиоты «In Silence» (Mori Art Museum, Япония), которая включает в себя не только стулья, но и фортепиано, соединённые метрами и метрами чёрной пряжи, восходящей к потолку галереи. В данной работе мы видим не просто отсутствие когда-то присутствовавшего

человека, но и чувствуем эфемерное присутствие звуков музыки, когда-то доносившихся из сожжённого фортепиано.

Помимо стульев и музыкальных инструментов, в работах Тихару Сиоты часто появляются кровати, и значение этого образа разнится от периода в личной жизни художницы – кровати могут обозначать сон, болезнь или смерть. Инсталляция 2017 года «During Sleep» (Heart, Herning Museum of Contemporary Art, Дания), как и другие инсталляции художницы с похожими мотивами, были вдохновлены даосской притчей «Сон бабочки», в которой мужчина мечтает быть бабочкой, но когда он просыпается, он не уверен, является ли он мужчиной, который мечтал быть бабочкой, или бабочкой, мечтающей стать мужчиной. И действительно, само произведение, обвитое большим количеством пряжи, напоминает куколку спящей бабочки. Для художницы сон и сны – важная основа для ощущения реальности и бытия (Bogdan: <https://the-talks.com/interview/chiharu-shiota/>).

Вторая инсталляция, раскрывающая образ кровати в «словаре» Сиоты называется «Sleeping is like Death» (Galerie Daniel Templon, Бельгия, 2016) и представляет собой паутину, сотканная из черных нитей, которая опутывает три больничные койки, и часть пространства между ними. Паутина как бы покидает место, предназначенное ей, вторгаясь в пространство галереи. Во многом образ кровати или больничной койки символичен для художницы – подобные инсталляции создавались в период, когда Сиота боролась с раком груди. Сама же она поясняет, что использует в своих работах кровати, потому что большинство людей рождается и умирает в них. «Жизнь начинается и заканчивается в постели, где все мы сталкиваемся с мечтами, сном, страхом, смертью ...».

Как и ключи, и кровати, чемоданы – ещё одни постоянные спутники людей, хранящие людскую память, а потом активно используемые в инсталляциях Тихару Сиоты. «Многие люди несут свою жизнь в чемоданах. Я много путешествую, и сама постоянно перевожу чемоданы с личными вещами из страны в страну» (Chiharu Shiota: <https://tlmagazine.com/chiharu-shiota-interview/>).

Рассмотрим инсталляцию «Accumulation – Searching for the Destination» (New Art Gallery Walsall, Великобритания, 2014). Для этой работы художница использовала более 400 винтажных чемоданов, подвесив их на красные нити к потолку так, что чемоданы слегка поворачивались и сталкивались друг с другом. Такое столкновение художница назвала диалогом, а шум, издаваемый чемоданами, сравнила со звуками лёгких ударов своего чемодана о чемоданы других людей при движении в толпе путешественников. Красные нити в работе Сиоты соединяют чемодан с отправной точкой каждого индивидуального путешествия. В некотором смысле, для Сиоты, как для художницы,

рождённой в Японии, но живущей в Европе, чемоданы и поездки связаны с личной темой иммиграции, вечного поиска своего дома в этом мире, и поиска правильного жизненного пути.

Предметы, которые можно назвать схожими по семантике, и которые вступают в переключку с друг другом в разных работах художницы – это оконные рамы, старые двери и дома из металлических стержней. Последний образ обрёл свою популярность благодаря инсталляции «The Home Within», представленной на Мельбурнском фестивале в 2016 году. Инсталляция состоит из трёх узких домов без дверей – проход, открывающийся с лицевой и задней сторон домов создаёт своеобразную анфиладу квадратных арок. Металлические стержни, из которых состоят дома, по обыкновению художницы обвязаны красными нитями, сами же каркасы представляют собой максимально упрощённый образ дома: квадратное основание и треугольная крыша. Несмотря на то, что дом подразумевает обитателей, все дома Сиоты пустые – в них может находиться разве что мебель, но равно и покинутые столы, и стулья, как и пустота внутри дома, подчёркивают отсутствие лица, которое должно там присутствовать, передают память об обитателе дома. Как и в случае с множеством других работ, для Сиоты образ дома – бесконечно личный. Будучи японкой, она никогда не чувствует себя по-настоящему дома в Европе, но возвращаясь на родину, она так же не чувствует себя там своей – слишком много времени прошло с тех пор, как она переехала. «Прожив долгое время в Берлине, я уже иногда и не знаю, «возвращаюсь» ли я в Японию или просто «еду» туда. Какой бы путь я ни выбрала, на данный момент ни один из путей не вернёт меня домой».

Отсутствие дома и его поиск – ещё одна значимая тема, которое может принимать образ дома в работах Сиоты. Однако «The Home Within», всё-таки, сильно отличается от других домов-произведений художницы: будучи изначально пустыми, дома приглашают зрителей пройти сквозь них, наполнить их собой, сделать их по-настоящему домами. «Наша первая кожа – это человеческая кожа. Одежда – это наша вторая кожа. И разве тогда наша третья кожа не состоит из жилых помещений – стен, дверей и окон, окружающих человеческое тело?». Но название инсталляции намекает, что дом – это не только конструкция, и не только место, где обитают люди, но дома находится в сердце человека, «дом внутри», где бы ты ни находился (Chiharu Shiota: <https://madoken.jp/en/interviews/6224/>).

Близкие по значению предметы – окна и двери – появляются в работах Сиоты относительно нечасто, и обычно инсталляция строится по модульному принципу: используя множество оконных рам, художница делает из них дом («House of Windows», Германия, 2005) или комнату («Room of Memory», Япония, 2009). Собираясь в пространства, напоминающие место обитания человека, такого рода инсталляции не только

подчёркивают человеческое отсутствие, но намного лучше передают основной мотив работ Сиоты – человеческую память. Окна и двери, как и ключи и чемоданы, являются повседневными предметами, свидетельствующими человеческую жизнь и принимающими в ней большое, хоть и не всегда заметное, участие. Наконец, ещё одно значение, которое могут принимать стены, окна и двери в работах Сиоты – это граница между мирами. Причем, слово «граница» можно понимать в самом широком смысле: граница между внутренним миром и внешним («The Home Within» как раз обыгрывает именно это значение: находясь дома из-за своей конструкции не обладают ярко выраженным экстерьером и интерьером, а зритель, благодаря *внешнему* проявлению инсталляции оказывается способен найти дом *внутри* себя), граница между Восточным и Западным Берлином («Inside – Outside», Германия, 2009), граница между жизнью и смертью («Other Side», Towner Gallery, Великобритания, 2013).

Границей, «второй кожей» также являются и платья – ещё один часто появляющийся символ в работах художницы. Иногда огромные, иногда обычного размера, платья олицетворяют границу между внутренним и внешним миром человека. Например, в инсталляции «Reflection of Space and Time» (Palazzo Reale Milano, Италия, 2018), где большое белое платье было подвешено напротив зеркала, мы видим своеобразную рекурсию: внешний мир человека виден внутри зеркала. Эта инсталляция также смешивает в сознании зрителя иллюзорное платье в зеркале и реальное платье в пространстве напротив, поднимая вопрос о зыбкости и реальности границ (Shiota Chiharu: <https://www.mori.art.museum/en/exhibitions/shiotachiharu/04/index.html>). Не обходится и без постоянного мотива творчества художницы – подчёркнутого отсутствия человека. Мы видим его, как и в предыдущей работе, так и в работе «Seven Dresses» (Stadtgalerie Saarbrücken, Германия, 2015)

К мотиву человеческой памяти нас возвращает другой предмет, регулярно появляющихся в произведениях Сиоты – обувь. Для этих инсталляций, что, в принципе, типично для художницы, она использует обувь, пожертвованную ей зрителями. Поэтому, например, в работе «Over the continents» (Smithsonian Institution Arthur M. Sackler Gallery, США, 2014) можно найти привязанными к обуви записки такого содержания: «Это туфли, которые поднимали мне настроение, когда я работал на небольшом участке земли и выращивал много овощей» или «Когда я отвозил своего отца в больницу, он был в этих туфлях. После того, как попал в больницу, он потерял сознание. Он не проснулся» (Kutner: <https://www.smithsonianmag.com/smithsonian-institution/whats-shoe-japanese-artist-chiharu-shiota-investigates-180952458/>).

Наконец, последний частый элемент работ Сиоты – это листы бумаги. Под «листами бумаги» здесь понимаются разные бумажные предметы: письма («Letters of Thanks», 2013), страницы из Библии («Lost Words», 2017) или других книг («The Crossing», 2018), белые листы бумаги («Beyond Memory», 2019) или ноты («Beyond Time», 2018). Как и остальные символы, листы бумаги меняют своё значение в зависимости от цвета нитей, местоположения инсталляции или даже текста на самих листах. Например, за инсталляцией «Lost Words», временно располагавшейся в берлинской церкви Святого Николая и включавшей в себя страницы из Библии на разных языках, стоит целая история: «Я хотела связать эту работу с историей христианства в Японии. В 16 веке португальские христиане прибыли на остров в качестве миссионеров, но вскоре после этого христианство было запрещено. Японские христиане исповедовали свою религию в подполье. Опубликовать Библию или даже владеть ею было невозможно, поэтому в Японии сложилась устная библейская традиция. Меня интересовало, как эта устная традиция заставляет сами истории переходить от человека к человеку, а также значения, которые меняются в процессе пересказа. Отрывки, использованные здесь, были выбраны церковью, и все они относятся к иммиграции, которая является частью концепции работы, поскольку я думала о ментальной иммиграции через рассказывание историй» (Perlson: <https://news.artnet.com/art-world/chiharu-shiota-1105391>). Однако если попытаться свести все значения к одному знаменателю, то получается, что листы бумаги в работах Сиоты могут означать коллективную память и знания человечества.

Сиота использует повседневные, почти незаметные предметы, такие как оконные рамы, стулья, кровати, чемоданы и ключи, в своих произведениях искусства, чтобы показать, что наша жизнь конечна, но предметы, оставшиеся после нас, будут по-прежнему хранить воспоминания о наших жизнях. Искусствоведы говорят, что ее работы содержат размышления об отношениях между людьми, а также – между человеком и Вселенной. Также считается, что сложные чувства художницы из ее детских воспоминаний, когда она стала свидетелем пожара в доме своего соседа, страх, который она испытала, когда она увидела могилу своей бабушки, и два курса лечения рака, видны в творениях Сиоты. Определяющим аспектом ее работ является сеть нитей, которые неизбежно объединяют галерею, находящиеся в ней объекты, художника и аудиторию в одно обширное целое.

По теме.

Исходя из значений объектов, которые Тихару Сиота использует в своих работах, произведения художницы можно поделить на следующие категории тем:

1. Память и всеобщие знания

Концепт «память» является ключевой темой в творчестве художницы. В своих работах она обращается к индивидуальной и социальной видам памяти. Ярким примером индивидуальной памяти, проявленной в работах Сиоты, может служить инсталляция «Over the continents» (Smithsonian Institution Arthur M. Sackler Gallery, США, 2014), а социальной – инсталляция «Inside – Outside» (Германия, 2009). Однако, нельзя утверждать, что художница проводит чёткую границу между индивидуальной и социальной памятью – для неё социальная память состоит из обрывков воспоминаний индивидов, что наглядно демонстрируется в инсталляции «The Key in the Hand», представленной на Венецианской Биеннале 2015 года.

Рис. 2. «Over the Continents» (Smithsonian Institution Arthur M. Sackler Gallery, США 2014)

Рис. 3. «The Key in the Hand» (Japan Pavilion, 56th Venice Biennale, Италия 2015)

2. Сон и смерть

Сон и смерть для Тихару Сиоты – это две грани одного явления, а именно – путешествия в другой мир. Единственное, что спящий человек (как в инсталляции «Butterfly Dream», The Museum of Kyoto, Япония, 2018) возвращается в наш мир, а умерший (работа «Sleeping is Like Death», Musja, Италия, 2019) – навсегда остаётся в мире по ту сторону. Многие в работах, связанных со смертью, навеяны личными переживаниями и опасениями художницы, продолжительное время боровшейся с раком. Стоит отметить, что в работах, имеющих отношение к этой теме, художница никогда не использует красную нить, отдавая предпочтению белой или чёрной пряже. Выше мы уже рассмотрели, что эти два цвета могут обозначать как абсолют, так и смерть, но, как нам кажется, в данном случае дело не ограничивается лишь привязкой к символике этих двух цветов. Третий цвет, доминирующий в работах Сиоты – красный; он же, по её словам, обозначает межличностные отношения. Красный не используется в работах о сне и смерти, потому что через каждый из этих процессов человек проходит в одиночестве.

3. Отсутствие тела

Идея отсутствующего тела, детально раскрытая в феноменальной книге американского философа Дрю Ледера «The Absent Body», часто иллюстрируется в работах

Сиоты с помощью предметов, когда-либо использовавшихся людьми (дома, мебель, предметы повседневной жизни) или напоминающих людей (одежда, платья). «Используемое здесь понятие живого тела относится к материальной части человека, наблюдаемой нами как от третьего, так и от первого лица». В своём труде Ледер анализирует, как именно наши тела могут отсутствовать в повседневной жизни: забытые, отторгнутые, неконтролируемые, спрятанные. Одно из положений учёного гласит, что отсутствующее тело устраняет интерсубъективности, связывающих людей в обществе. Отсутствие тела отдаляет нас от той деятельности, которой мы занимаемся, отчуждает нас от социального мира и выталкивает в ограниченную сферу тела. Таким образом, ранее важные проекты становятся несущественными или невозможными, и «все существо насильственно переориентируется» на новую цель: избавиться от телесного вторжения любыми возможными способами (Leder, 1990). В своих инсталляциях Тихару Сиота обращается к «забытым» и «отторгнутым» телам. «Забытое» тело в нашем понимании имеет прямое отношение к концепту памяти – мы видим память о теле, о человеке, как в ранних, так и в самых недавних работах художницы: «Between Us» (Gana Art Center, Южная Корея, 2020) и «State of Being» (Casa Asia, Испания, 2012). «Отторгнутое» тело снова приводит нас к личной борьбе художницы с болезнью, и это проявляется, например, в работе «Out of My Body» (Busan Museum of Art, Южная Корея, 2019). Инсталляция представляет собой части тела, отлитые из бронзы в натуральную величину, разбросанные между сетями из красных нитей. После удаления частей своего тела и прохождения химиотерапии, Сиота почувствовала, что ее душа осталась позади. «Мое тело было раздроблено, собрано вместе, но я не чувствовал себя единым целым. Я хотела разбросать части своего тела по полу, воплотив Отсутствие во мне». «Воплощать» означает представлять или делать видимыми идею или чувство, в то время как «отсутствие» определяется как «состояние отсутствия где-то» или «отсутствие присутствия». В «воплощенном отсутствии» художница пытается изобразить переживание обособленности от собственного тела, инсталляция передает интуитивное признание ее надежд и страхов (Robb: <https://www.agsa.sa.gov.au/collection-publications/about/international-art/curators-insight-absence-embodied/>).

Рис. 4. «Between Us» (Gana Art Center/Gana Art Nineone, Южная Корея, 2020)

4. Границы между мирами

Выше, говоря о наиболее часто используемых в инсталляциях предметах, мы также установили, что Тихару Сиота в своих работах рассматривает разные виды границ, причём, на разных уровнях. Первая граница – это грань между внутренним миром человека и его телесной оболочкой. Эта граница выражается самым телом человека, или, как случае Сиоты, скорее, отсутствием этого тела. Мы хорошо это видим в инсталляции «When My Feet Touch the Earth» (Kenji Taki Gallery, Япония, 2019) – зайдя в пространство работы, зритель может наблюдать бронзовые ступни на полу, над которыми парят подвешенные к потолку красные рыболовные сети. Отсутствие телесной оболочки позволяет нам задуматься о том, насколько она способна сдержать внутренний мир человека, его душу, а рыболовные сети указывают на условный размер территории, охватываемый человеческой душой. Вторая граница – между человеком и пространством. Обычно Сиота показывает такую границу с помощью предметов одежды – платьев или кимоно. С помощью тождества «предмет одежды = человек», Сиота показывает сложные отношения между людьми, а также – между человеком и Космосом. И, наконец, третья граница – между ограниченным и неограниченным пространствами или между нашим и потусторонним миром. Для передачи идеи такой более масштабной границы художница использует привычные нам в быту окна, двери или форму дома. Дом служит границей между привычной человеку реальностью, комфортом его собственного дома, и менее комфортной жизнью «снаружи». С другой стороны, двери часто становятся проводниками в неизвестные миры, как, например, в инсталляции «Secret Passage» (Германия, 2018). В этой интерактивной работе

зрителям предлагается пройти по лабиринту из красных нитей, выбирая наиболее симпатичные для себя двери, и переживая, тем самым, опыт путешествия из известного мира – в неизвестный.

5. Буквальные и метафоричные путешествия и миграция

Поднимая эту тему в своих произведениях, Сиота снова обращается к своей личной истории. Как художнице, иммигрировавшей из Японии в Европу, ей, как никому другому, понятно, что такое бесконечные поездки, поиск собственного дома, одиночество среди чужих людей, вопросы о смысле жизни и конечной точке жизненного пути (последнее два пункта стоит воспринимать больше как метафоричное путешествие, не по земле, а по течению жизни). Образами, олицетворяющими идею движения и поездок, для Сиоты стали лодки и чемоданы. Первые хорошо ассоциируются с такими понятиями как «течение жизни», вторые же напрямую связаны с поездками. Однако чемоданы нельзя свести только к значению «путешествия». В своих инсталляциях Сиота использует винтажные чемоданы, когда-то бывшие в употреблении, поэтому они также несут в себе «жизненный багаж» человека, его воспоминания. Также интересно, что нити в работах о путешествиях, не пересекаются между собой, но подвешены к потолку параллельно друг другу, создавая, тем не менее, бесконечное ритмичное полотно из вертикальных линий. Тем самым художница подчёркивает, что мы все находимся в путешествии – будь оно реальным или метафоричным – однако у каждого это путешествие сугубо личное.

6. Отношение произведение-художник

В своих ранних работах Тихару Сиота активно исследовала взаимоотношения между произведением и художником, уделяя внимание не только созданию произведения, но и становлению произведением. В каком-то смысле, практики Сиоты нарушают устоявшуюся метафору матери и ребёнка, где мать – это художник, а произведение – ребёнок; их отношения проходят через три стадии «генезис» (зачатие, зарождение и рождение идеи для новой работы), «развитие» (отношения между художником и зарождающимся произведением искусства, когда художник взаимодействует со своим медиумом) и «разделение» (выпуск произведения искусства во внешний мир, обычно на выставке) (Townsend, 2014). Эта метафора нарушается на второй стадии, когда в качестве медиума Сиота использует части своего тела (например, пуповину, как в работе «My Existence as a Physical Extension», Япония, 1995), или саму себя, как в перформансе «Becoming Painting» 1994 года (The Australian National University School of Art, Австралия). «В одном сне я двигалась внутри картины, все было серым, черным и белым. Было очень трудно дышать, потому что все было залито масляной краской. В итоге этот сон вдохновил меня на перформанс «Becoming Painting», который был гораздо более экспрессивным. Я нанесла

красную эмалевую краску на все тело. Краска оставила ожоги на коже, мне пришлось состричь волосы, которые были оставались красными в течение нескольких месяцев; эмаль – очень токсичная краска. Я попыталась воплотить сон в перформансе. Я хотела быть частью произведения искусства так, как я чувствовала себя во сне» (Bogdan: <https://the-talks.com/interview/chiharu-shiota/>). Мы видим, что стремление стереть границу между художником и произведением могло потенциально стать началом изучения границ между произведением и зрителем, что в итоге и привело художницу к партиципаторным практикам.

Обобщая всё вышесказанное, можно утверждать, что условно все произведения Тихару Сиоты делятся на шесть категорий тем, за каждой из которой закреплён особенный символ, как например, платья обозначают человека, а ключи – человеческую память. Тем не менее, нельзя сказать, что предметы в работах художницы привязаны лишь к одной теме – большинство из них многогранно и может относиться к двум или трём темам сразу. Те же платья, с одной стороны, указывают на опыт отсутствующего тела, а с другой – становятся инструментом для рассуждения над вопросом о взаимодействии человека и внешнего мира; или, например, чемоданы одновременно служат как символом путешествия, так и своеобразным контейнером человеческой памяти.

По способу взаимодействия зрителя с произведением.

Говоря о том, каким образом взаимодействуют зритель и произведение в работах Тихару Сиоты, можно разделить все работы художницы на две категории:

1. Зритель наблюдает произведение
2. Зритель становится соучастником произведения

Такое разделение имеет своё основание в творческом пути художницы: начиная с живописи, она от перформансов, задающихся вопросом о месте художника в процессе создания произведения, приходит к масштабным инсталляциям, которые требуют участия зрителя.

В теории В.И. Жуковского «зритель-наблюдатель» определяется как один из аспектов участника художественного диалога, зрителя; как потребитель художественного произведения, результатом взаимодействия с которым является чувственно-рациональный продукт (Жуковский, 2004). В данном же случае под словом «зритель-наблюдатель» понимается зритель, взаимодействующий с произведением искусства снаружи, в отдалении от самого произведения. Это могут быть живописные произведения, скульптура или инсталляции, зайти внутрь которых или принять активное участие в которых зритель не способен.

К первой категории произведений Сиоты, где зритель выступает как наблюдатель, относятся ранние рисунки и перформансы художницы первой декады двухтысячных. Например, перформанс «Falling Sand» 2004 года, который в настоящее время демонстрируется как видеоинсталляция, подразумевает пассивное участие зрителя – наблюдение за лежащей в кровати женщиной, на которую из отверстия в потолке падают песчинки, мерцающие в слепящем солнечном свете (Sleeping: https://artguidetokyo.com/en/event/sleeping-lifewithart_momat/).

Тем не менее, абсолютно пассивным зрителя назвать нельзя – вступая в игровые отношения с произведением искусства, зритель, используя навыки визуального мышления, принимает активное участие в создании художественного образа (Жуковский, 2011). Тем самым мы сталкиваемся с проблемой двоякости роли зрителя: с одной стороны, он лишь может наблюдать за произведением, будучи отделённым от него пространством, ограждением, рамой или экраном; с другой стороны, даже не находясь в непосредственном контакте с произведением, зритель играет важную роль в воссоздании художественного образа. Однако художественный образ не требует физического присутствия зрителя рядом с произведением – именно этим и отличаются, в нашем понимании, произведения, требующие зрителя-наблюдателя и зрителя-соучастника. Зритель-соучастник не просто воссоздаёт художественный образ, но, благодаря своему физическому присутствию, может выступать в роли материала или художника, становясь, тем самым, частью художественного образа.

В некотором смысле, идея зрителя-соучастника в работах Сиоты перекликается с идеями школы Баухауз, которая продолжала работать над идеями футуристов, заложивших основу практики партиципаторного искусства. Оскар Шлеммер, художник-авангардист, в своей живописи и театральных постановках экспериментировал над пространством: на картинах были изображены двумерные элементы пространства, театр же представлялся ему местом, где пространство можно испытать на себе. Эл Хансен, один из художников направления Fluxus, говорил о произведениях искусства, которые «заклучают в себе наблюдателя» (Голдберг, 2013).

Произведения, которые требуют от зрителя участия, Тихара Сиота начинает в больших количествах создавать в 2008-2011 годах. Эти произведения уже не анализируют роль художника как творца или материала, но обращают внимание на зрителя. Зрители принимают активное участие даже в самом процессе создания произведений – жертвуют материалы и, вместе с тем, делятся личными историями, как в работе «Over the continents» (Melle, Франция, 2011). «Over the continents» – это масштабная инсталляция, состоящая из четырёх сотен ношенных ботинок разных фасонов и размеров, к каждому из которых

привязана красная нить и небольшая записка, рассказывающая о прошлом каждого конкретного ботинка. К примеру, на маленьком детском кроссовке была записка такого содержания: «Я купила эту обувь 3 года назад. В то время моему сыну только исполнилось четыре года, и он получил свой первый велосипед. Он надевал эти кроссовки и учился в них кататься» (Japanese, 2014).

Ещё одна инсталляция, для создания которой художнице потребовались личные воспоминания её аудитории – это «Letters of Thanks» (Kochi Museum of Art, Япония, 2013). Инсталляция представляла собой массивный чёрный туннель из нитей, в которые были вплетены письма зрителей со словами любви, благодарности, извинений и других чувств, которыми людям хотелось поделиться: «Спасибо тебе. Когда мы расставались, я хотела поблагодарить тебя от самого сердца, но из-за слёз мои очки запотели, и я так и не смогла сказать слов благодарности. Но теперь я могу честно сказать это тебе. Спасибо!» (Takemura: <http://459magazine.jp/art/5441/>).

Таким образом, инсталляции Тихару Сиоты даже на моменте создания можно отнести к партиципаторному искусству: собирая чужие воспоминания (в виде одежды, писем, мебели), художница сплетает их со своими (например, идея туннеля благодарности пришла ей в голову, когда она ехала в метро, а сама инсталляция находится в её родном городе, с которым связана её память о детстве), а также – с воспоминаниями людей, помогающих создавать инсталляцию. Дело в том, что почти каждая из инсталляций художницы настолько масштабна, что собрать их в одиночестве очень проблематично, поэтому Тихару Сиота не отказывается от помощи музейных работников и волонтеров.

Однако партиципаторность в произведениях Сиоты проявляется не только в принципе их создания. Помня об идее Эла Хансена о пространстве, которое включает в себе зрителя, стоит обратить внимание на инсталляцию «Lost Words» (Музей Николаикирхе, Германия, 2017). По своей сути, «Lost Words» – это чёрный туннель из пряжи, в который вплетены страницы из Библии. Входя в туннель, зритель оказывается целиком во власти пространства произведения, а бумажные листы будто взлетают в воздух от его передвижения по туннелю. Похожие мотивы мы видим в инсталляциях «In the Beginning was....» (Fundació Sorigué, Испания), где зритель оказывается в эпицентре Большого Взрыва, и в «Infinity» (Espace Louis Vuitton, Франция) – инсталляции, где зритель будто путешествует по бесконечной Вселенной.

Произведения Тихару Сиоты сложно назвать в полной мере интерактивными: некоторые из зрителей могут принять участие в создании произведения, предоставив художнице материалы, содержащие их собственные воспоминания, или предложив помощь в установке инсталляции. И всё же, законченная инсталляция, которой больше не требуются

ни материалы, ни помощь со стороны, отнюдь не теряет своих партиципаторных свойств. Погружая зрителей в своё пространство, инсталляции Тихару Сиоты объединяют людей, демонстрируя, что все мы являемся частью одного организма или процесса. Вступая в пространство произведения, зритель, одновременно наблюдая своё окружение, погружается вглубь себя, задумывается о своём внутреннем «я», о прошлой, настоящей и будущей жизни. Задача произведений художницы – способствовать не просто наблюдению, а способствовать диалогу: заходя внутрь созданного Сиотой пространства, человек выходит на площадку общения.

Выводы.

Партиципаторное искусство – это арт-течение, которое буквально приравнивает зрителя к художнику, так как зритель принимает непосредственное участие при создании произведения.

Процесс создания предмета партиципаторного искусства делится на три этапа: 1) зарождение идеи у художника; 2) материальное воплощение идеи, при котором зритель одновременно является Создателем, медиумом и частью художественного образа; 3) функционирование постоянно изменяющегося произведения-вещи в качестве предмета художественного восприятия. Зритель в этом процессе играет сразу несколько ролей: во-первых, зритель может как механически участвовать при создании произведения (например, рисовать что-то по задумке художника), так и принимать участие непосредственно в создании художественного образа произведения; во-вторых, зритель в партиципаторных практиках может быть материалом произведения (подобно тому, как сам художник иногда становится частью своих работ); и, в-третьих, зритель – или какая-то его часть, как, например, воспоминания – может сам становиться частью художественного образа. Такая многогранную модель роли зрителя была названа «зритель-соучастник».

Художественное творчество Тихару Сиоты классифицируется как минимум по пяти основаниям (по принципу использования нитей, по цвету нитей, по типу используемых предметов, по теме, по способу взаимодействия зрителя с произведением), где пятый тип классификации содержит смешанное партиципаторное и не-партиципаторное качество работам Сиоты. Благодаря предложенной классификации показано, что линия и нить в творчестве Сиоты синонимичны. Художница избирает три основных цвета – белый, чёрный и красный – каждый из которых содержит свое определённое значение: красный – для обозначения межличностных отношений, белый – чистоту или смерть, чёрный – смерть, одиночество или Вселенную. Наиболее часто используемые предметы в работах Сиоты – это лодки, мебель и листы бумаги; соответственно, наиболее частые темы, которые

художница затрагивает в своих произведениях – это путешествия (физические и метафорические), границы между мирами, мир знаний и идей.

Список литературы

1. Almenberg, G. Notes on Participatory Art: Toward a Manifesto Differentiating It from Open Work, Interactive Art and Relational Art. – UK: AuthorHouse, 2010. – 213 p.
2. Architectural Space in the Paintings by Vincent van Gogh / Yu. N. Avdeeva, K. A. Degtyarenko, M. A. Kolesnik [et al.] // Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences. – 2020. – Vol. 13, No. 6. – P. 838-859. – DOI 10.17516/1997-1370-0610. – EDN EWJKBQ.
3. Avdeeva, Yu. N. Specifics of Artistic Culture of the Krasnoyarsk Territory (Krai) Based on Artwork Analysis / Yu. N. Avdeeva, K. A. Degtyarenko, A. A. Shpak // Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences. – 2017. – Vol. 10, No. 9. – P. 1294-1307. – DOI 10.17516/1997-1370-0137. – EDN ZEZFBT.
4. Bogdan, A. Chiharu Shiota: “The fear is necessary”. – URL: <https://the-talks.com/interview/chiharu-shiota/>
5. Chiharu Shiota — Where are we going? – Medium. – URL: <https://cutt.ly/TvOYYyX>
6. Chiharu Shiota: Beyond Time. – Studio international. – URL: <https://www.studiointernational.com/index.php/chiharu-shiota-beyond-time-review-yorkshire-sculpture-park>
7. Chiharu Shiota: The Sense of Daily Life and Smells Soaked into Windows Gives Power to My Work/ – Madoken. – URL: <https://madoken.jp/en/interviews/6224/>
8. Chiharu Shiota: The Soul Trembles at Tokyo’s Mori Art Museum – Champ-Magazine. – URL: <https://champ-magazine.com/art/chiharu-shiota-the-soul-trembles/>
9. Chiharu Shiota: Threaded of Memories. – TlMagazine. – URL: <https://tlmagazine.com/chiharu-shiota-interview/>
10. Chiharu Shiota’s Biography. – Anna Schwartz Gallery. – URL: <https://annaschwartzgallery.com/artist/chiharu-shiota>
11. Flinders, M. Participatory Art and Political Engagement // Arts and Humanities Research Council. – 2017. URL: http://www.crickcentre.org/wp-content/uploads/2014/08/AHRC_Cultural_Value.pdf
12. Japanese Art, Design and Culture Over the Continents: Chiharu Shiota’s installation of 400 shoes connected with 4 miles of yarn. – Spoon&Tamago. – URL: <https://www.spoon-tamago.com/2014/09/29/chiharu-shiota-over-the-continents/>
13. Kelly, M. Encyclopedia of Aesthetics. – Oxford University Press, 2014. – 812 p.

14. Kutner, M. What's In a Shoe? Japanese Artist Chiharu Shiota Investigates. – Smithsonian Magazine. – URL: <https://www.smithsonianmag.com/smithsonian-institution/whats-shoe-japanese-artist-chiharu-shiota-investigates-180952458/>
15. Leder, D. The Absent Body. – University of Chicago Press, 1990. – 218 p.
16. Participatory Art. – TATE. – URL: <https://www.tate.org.uk/art/art-terms/p/participatory-art>
17. Perlson, H. Artist Chiharu Shiota Explains Why She Turned the Bible into a Spidery Maelstrom in Berlin's Oldest Church. – URL: <https://news.artnet.com/art-world/chiharu-shiota-1105391>
18. Seredkina, N. N. "The Frieze of Life" by Edvard Munch: Philosophical and Art Analysis / N. N. Seredkina, A. V. Kistova, N. N. Pimenova // Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences. – 2019. – Vol. 12, No. 7. – P. 1295-1315. – DOI 10.17516/1997-1370-0446. – EDN AQYGSD.
19. Sertakova, E. A. Three Gustave Moreau Pictures: Myth, Religion, Creativity / E. A. Sertakova, N. M. Leshchinskaia, M. A. Kolesnik // Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences. – 2019. – Vol. 12, No. 7. – P. 1316-1334. – DOI 10.17516/1997-1370-0447. – EDN WANLUQ.
20. Sleeping: Life with Art – From Goya and Rubens to Shiota Chiharu in The National Museum of Modern Art, Tokyo. – Art Guide Tokyo. – URL: https://artguidetokyo.com/en/event/sleeping-lifewithart_momat/
21. Takemura, N. 塩田千春–ありがとうの手紙展. – Webmagazine Shikoku Tairiku. – URL: <http://459magazine.jp/art/5441/>
22. The Key in the Hand. – Google Arts&Culture. – URL: <https://artsandculture.google.com/exhibit/the-key-in-the-hand/2wJSFJ9xCfj3Jw>
23. The thread of relationships: Chiharu Shiota at the Melbourne Arts Festival – in pictures. – Art Radar. – URL: <http://artradarjournal.com/2016/10/11/chiharu-shiota-at-the-melbourne-arts-festival-in-pictures/>
24. Townsend, P. A Life of Its Own: The Relationship Between Artist, Idea and Artwork // Free Associations: Psychoanalytic and Culture, Media, Groups, Politics. – 2014. – № 65. – URL: https://www.researchgate.net/publication/275945810_A_Life_of_its_Own_The_relationship_between_artist_idea_and_artwork

25. Балаш А.Н. Реляционная эстетика в контексте современных культурных практик // Вестник Санкт-Петербургского государственного института культуры. – 2018. – №. 4 (37). – С. 98–101.
26. Буррио Н. Реляционная эстетика. – М.: Ад Маргинем Пресс, 2016. – 216 с.
27. Вальковский, А. В. Искусство соучастия: трансформация коммуникативной функции искусства в современных художественных практиках // Международный журнал исследования культуры. – 2017. – Т. 2, № 27. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/iskusstvo-souchastiya-transformatsiya-kommunikativnoy-funktsii-iskusstva-v-sovremennyh-hudozhestvennyh-praktikah>
28. Голдберг, Р. Искусство перформанса. От футуризма до наших дней. – М.: Ad Marginem, 2013. – 320 с.
29. Древние художественные произведения Центральной Сибири / К. А. Дегтяренко, Ю. Н. Менжуренко, Д. С. Пчелкина, А. А. Шпак // Журнал Сибирского федерального университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2022. – Т. 15, № 6. – С. 799-810. – DOI 10.17516/1997-1370-0887. – EDN NRCKGA.
30. Ермаков, Т. К. Базовые схемы взаимодействия и алгоритмы властных отношений в видеоиграх / Т. К. Ермаков // Северные Архивы и Экспедиции. – 2023. – Т. 7, № 1. – С. 88-96. – EDN FKFXWJ.
31. Ермаков, Т. К. Становление персонального компьютера как актора в США 1970-х годов / Т. К. Ермаков, К. В. Резникова // Социальная антропология Сибири. – 2020. – Т. 1, № 3. – С. 26-36. – DOI 10.31804/2687-0606-2020-1-3-26-36. – EDN WSVYEH.
32. Ёмота, И. Теория каваяи. – М.: Новое литературное обозрение, 2018. – 216 с.
33. Жуковский, В. И. Теория изобразительного искусства. – СПб.: Алетейя, 2011. – 496 с.
34. Жуковский, В. И., Копцева, Н.П. Пропозиции теории изобразительного искусства. – Краснояр. гос. ун-т. – Красноярск, 2004. – 226 с.
35. Замараева, Ю. С. Анализ понятия "глобальные трансформации". Воздействие глобальных трансформаций на культуру и этническую идентичность (теоретическое исследование) / Ю. С. Замараева // Цифровизация. – 2021. – Т. 2, № 1. – С. 27-40. – DOI 10.37993/2712-8733-2021-2-1-27-40. – EDN XEAVNH.
36. Итоги научного семинара "теории и практики прикладных культурных исследований" 23 сентября 2022 года (Сибирский Федеральный университет, Красноярск) / Н. П. Копцева, А. А. Ситникова, А. Омелик [и др.] // Сибирский искусствоведческий журнал. – 2022. – Т. 1, № 3. – С. 37-57. – DOI 10.31804/2782-4926-2022-1-3-37-57. – EDN DIEXSH.

37. Кистова, А. В. Культура как фактор социальной динамики / А. В. Кистова // Северные Архивы и Экспедиции. – 2020. – Т. 4, № 2. – С. 100-111. – DOI 10.31806/2542-1158-2020-4-2-100-111. – EDN SABKQD.
38. Кистова, А. В. Синтетическая модель культуры и культурные практики / А. В. Кистова // Сибирский антропологический журнал. – 2020. – Т. 4, № 2. – С. 111-121. – DOI 10.31804/2542-1816-2020-4-2-109-119. – EDN KLMBNS.
39. Козлов, Е. С. Образ "Космоса" в произведениях современной аудиовизуальной культуры / Е. С. Козлов, Е. А. Сертакова // Цифровизация. – 2021. – Т. 2, № 2. – С. 44-50. – DOI 10.37993/2712-8733-2021-2-2-44-50. – EDN UXJPPV.
40. Колесник, М. А. Красноярская кистевая роспись по металлу: история и особенности / М. А. Колесник // Сибирский искусствоведческий журнал. – 2022. – Т. 1, № 3. – С. 1-21. – EDN CGILGS.
41. Колесник, М. А. "Суровый стиль" в советской живописи в 1950-1960-х гг / М. А. Колесник // Сибирский искусствоведческий журнал. – 2022. – Т. 1, № 2. – С. 8-22. – DOI 10.31804/2782-4926-2022-1-2-08-22. – EDN FFSXIR.
42. Копцева, Н. П. Культурная память и этническая идентификация / Н. П. Копцева, Ю. Н. Менжуренко, К. А. Дегтяренко; Сибирский федеральный университет, Гуманитарный институт. – Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2022. – 250 с. – ISBN 978-5-7638-4502-0. – EDN NTSGGY.
43. Копцева, Н. П. Культурные трансформации: возможности изучения / Н. П. Копцева, Н. Н. Пименова // Сибирский антропологический журнал. – 2020. – Т. 4, № 3. – С. 36-44. – DOI 10.31804/2542-1816-2020-4-3-36-44. – EDN ENUIWR.
44. Ландихова, А. Тёмная одержимость. // ART UKRAINE, 2011. – URL: <https://web.archive.org/web/20111029231746/http://www.artukraine.com.ua/articles/553.html>
45. Либакова, Н. М. Аккультурационный стресс и технологии его преодоления / Н. М. Либакова // Социодинамика. – 2016. – № 2. – С. 89-97. – DOI 10.7256/2409-7144.2016.2.17683. – EDN VIDHCX.
46. Методы изучения культуры / Н. П. Копцева, Ю. Н. Авдеева, К. А. Крупкина [и др.]; Сибирский федеральный университет, Гуманитарный институт. – Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2020. – 184 с. – ISBN 978-5-7638-4350-7. – EDN GEDBOV.
47. Новое Сибирское китаеведение. Базовые концепты китайской культуры / Н. П. Копцева, О. А. Карлова, Л. Ма [и др.]; Сибирский федеральный университет, Гуманитарный институт. – Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2018.

- 263 с. – (Путь в будущее: Сибирь глазами ученых). – ISBN 978-5-7638-3475-8. – EDN XSSITJ.
48. Омелик, А. А. Факторы влияния искусственного интеллекта на творческий процесс / А. А. Омелик // Социология искусственного интеллекта. – 2023. – Т. 4, № 1. – С. 52-63. – DOI 10.31804/2712-939X-2023-4-1-52-63. – EDN YTVWUK.
49. Осминкин, Р. С. Партиципаторное искусство: от «эстетики взаимодействия» к постпартиципаторному искусству // Обсерватория культуры. – 2016. – Т. 1. – URL: <https://observatoria.rsl.ru/jour/article/view/314>
50. Пастуро, М. Синий. История цвета. – М.: Новое литературное обозрение, 2015. – 144 с.
51. Резникова, К. В. Искусственный интеллект в Американском кинематографе конца XX - начала XXI веков / К. В. Резникова, Е. А. Сертакова, А. А. Ситникова // Социология искусственного интеллекта. – 2022. – Т. 3, № 1. – С. 42-49. – DOI 10.31804/2712-939X-2022-3-1-42-49. – EDN HZKFIC.
52. Резникова, К. В. Философия искусства в творчестве Эгона Шиле / К. В. Резникова, А. А. Ситникова, Ю. С. Замараева // Сибирский антропологический журнал. – 2019. – Т. 3, № 4. – С. 38-48. – DOI 10.31804/2542-1816-2019-3-4-38-48. – EDN TYAFFZ.
53. Середкина, Н. Н. Три картины Эдварда Мунка: философско- искусствоведческий анализ цикла "Фриз жизни" / Н. Н. Середкина, А. В. Кистова, Н. Н. Пименова // Сибирский антропологический журнал. – 2019. – Т. 3, № 4. – С. 49-64. – DOI 10.31804/2542-1816-2019-3-4-49-64. – EDN WSEXKK.
54. Сертакова, Е. А. Компьютерное искусство 1960-1980-х годов / Е. А. Сертакова, А. А. Ситникова, М. А. Колесник // Социология искусственного интеллекта. – 2022. – Т. 3, № 3. – С. 69-90. – DOI 10.31804/2712-939X-2022-3-3-69-90. – EDN JUGALR.
55. Сертакова, Е. А. Социальные системы, модели, трансформации: анализ теоретических подходов / Е. А. Сертакова // Социальная антропология Сибири. – 2021. – Т. 2, № 2. – С. 18-35. – EDN ZUOLQV.
56. Ситникова, А. А. Теоретические, прикладные и синтетические методы исследования культуры как социально-антропологической системы / А. А. Ситникова // Социальная антропология Сибири. – 2021. – Т. 2, № 2. – С. 6-17. – EDN ICEFEC.
57. Тарасова, М. В. Теория и практика диалога зрителя и произведения киноискусства: монография. – Красноярск: Сиб. Федер. ун-т, 2016. – 236 с.
58. Шпак, А. А. Культурные механизмы конструирования сложных идентичностей / А. А. Шпак // Сибирский антропологический журнал. – 2020. – Т. 4, № 3. – С. 73-84. – DOI 10.31804/2542-1816-2020-4-3-73-84. – EDN WXZIRO.

59. Шпак, А. А. Монументальная настенная живопись (Мурал XXL). Рецензия на книгу автора Клаудиа Вальде / А. А. Шпак // Сибирский искусствоведческий журнал. – 2022. – Т. 1, № 2. – С. 23-31. – DOI 10.31804/2782-4926-2022-1-2-23-31. – EDN RHGBHZ.
60. Шпак, А. А. Монументальная мозаика в творчестве Павла Дмитриевича Корина / А. А. Шпак // Сибирский искусствоведческий журнал. – 2022. – Т. 1, № 3. – С. 21-28. – DOI 10.31804/2782-4926-2022-1-3-21-28. – EDN JUXKEY.
61. Этнокультурная динамика Красноярского края в творчестве красноярских художников / А. И. Филько, Ю. Н. Авдеева, А. В. Кистова [и др.] // Журнал Сибирского федерального университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2021. – Т. 14, № 6. – С. 873-889. – DOI 10.17516/1997-1370-0767. – EDN GJDBRU.

**CULTURAL POLICY IN SOUTH KOREA. MAKING A NEW PATRON STATE. BOOK
REVIEW BY AUTHOR HYE-KYUNG LEE**

Shpak Anna Andreevna⁴

Siberian Federal University

Krasnoyarsk, Russian Federation

Abstract. The book review «Cultural Policy in South Korea: Making a New Patron State» by Dr. Hye-Kyung Lee presents a comprehensive analysis of the development and evolution of South Korea's cultural policy. The book explores a broad range of historical and social contexts, from the influence of the colonial past on the formation of modern cultural policy to the implications of neoliberal reforms for cultural industries and the cultural phenomenon known as the Korean Wave. The author analyses the dynamics between the state, culture, and society, identifying the specificity of the Korean approach to cultural policy and defining it as a new patron state. Hye-Kyung Lee highlights not only the successful development of South Korea's cultural industries but also points out potential problems and complexities caused by centralization and neoliberal socialization.

Keywords: *cultural policy, South Korea, new patron state, neoliberalism, Korean Wave, centralization of cultural policy, cultural export, state regulation of culture*

**CULTURAL POLICY IN SOUTH KOREA. MAKING A NEW PATRON STATE.
РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ АВТОРА ХЕ ГЕН ЛИ**

Шпак Анна Андреевна

Сибирский Федеральный Университет

Красноярск, Российская Федерация

Аннотация. Рецензия на книгу «Cultural policy in south Korea. Making a new patron state» (Культурная политика в Южной Корее) доктора Хе-Кёнг Ли представляет собой всесторонний анализ развития и эволюции культурной политики Южной Кореи. Книга рассматривает широкий спектр исторических и социальных контекстов, начиная от влияния колониального прошлого на формирование современной культурной политики и заканчивая последствиями неолиберальных реформ для культурных отраслей и культурного феномена, известного как Корейская волна. Автор проводит анализ динамики между государством, культурой и обществом, выявляя специфику корейского подхода к культурной политике и определяя его в качестве нового государства-покровителя. Хе-Кёнг Ли освещает не только

⁴ Corresponding author e-mail: annaheyy@gmail.com

успешное развитие культурных отраслей Южной Кореи, но и указывает на возможные проблемы и сложности, вызванные централизацией и неолиберальной социализацией.

***Ключевые слова:** культурная политика, Южной Кореи, новое государство-покровитель, неолиберализм, корейская волна, централизация культурной политики, культурный экспорт, государственное регулирование культуры*

Книга «Cultural policy in south Korea. Making a new patron state» (Культурная политика в Южной Кореи). Создание нового государства-покровителя) автора Хе Ген Ли (Hye-Kyung Lee) вышла в 2018 году, издательства Routledge (Taylor & Francis Group). Книга знакомит читателя с культурной политикой Южной Кореи, анализирует исторический период от авторитарного режима до демократического. Книга знакомит читателя с разными аспектами государственной и частной поддержки искусства и культуры в популярном формате. Автор не обходит стороной и вопросы о влиянии глобализации на культуру страны, а также проблемы, связанные с совмещением традиций и современности.

Автор книги – Хе Ген Ли доктор наук в области культурной политики университета Варвика в Великобритании. Автор родилась и выросла в Сеуле, Южная Корея, что повлияло на сферу ее дальнейших интересов. На данный момент она работает в Великобритании, но также работала в Фонде Кореи по организации культурно-просветительных мероприятий. Межнациональный подход в исследованиях автора прослеживается в ориентации как на Западную, так и на Восточную культурную политику. Она является главным исследователем проекта в Великобритании, финансируемого UKRI-JSPS, трехлетнего проекта «Творческое культурное будущее: перезагрузка культурной политики».

Книга содержит семь глав, в каждой из которых последовательно обсуждаются главные вопросы и проблемы культурной политики Южной Кореи. Вводная часть книги подчеркивает цель исследования, представляя основные вопросы, которые будут рассмотрены в дальнейшем.

Первая глава «Культура и государство», раскрывает историю становления Южной Кореи как государства и культурную политику, проводимую от авторитарной к демократической, неолиберальной и глобальной. Отмечается известный феномен «Корейской волны» и становление Южной Кореи в качестве культурного центра. Расширение культурной политики как указывает автор соответствует неолиберальной экономической реформе страны и ускорению культурной глобализации. Популярность корейских драм, фильмов и музыки (K-Pop) сильно высока в Японии и Китае, не смотря на наличие собственных национальных форм искусства. Популярность медиа-товаров Южной Кореи, ориентированных на широкую аудиторию в Китае, обусловлено тем, что в сериалах и фильмах Южной Кореи

пропагандируется демократия и творческая свобода. Соответственно Китайская сторона в данном случае не имеет такой возможности.

Вторая глава «Истоки культурной политики» посвящена эволюции культурной политики от ее зарождения. Автор углубляется в исторический контекст и раскрывает основные моменты, которые стали отправными точками для формирования культурной политики. Культурная политика не только «формируется, посредством истории, традиций и институциональных механизмов» [1], но и эволюционирует в соответствии с политическими, экономическими и социальными изменениями в каждой отдельной стране. В Южной Корее, культурная политика в её современном смысле стала продуктом колониальной политики. Культурная политика колонии значительно изменилась после начала Второй Китайско-Японской войны, поскольку правительство использовало культуру для пропаганды государственной идеологии и увеличения лояльности корейцев к Японии. Американское военное вмешательство не затрагивало вопросы культуры, что привело к росту популярности национальных идей. Южная Корея, сделав акцент на национальную культуру создала хорошую базу для ее развития и национального процветания.

Третья глава «Модернизация страны и национализация культуры» рассказывает о концепциях «модернизации» и «национализации» культуры и обсуждает, как эти процессы влияли на общество и государство. Эта глава помогает понять, как прогрессивные идеи и национальные ценности стали основой для формирования культурной политики. Автор обсуждает историческую ситуацию формирования культурной политики. Культурная политика Кореи под руководством Пак Чхун Хи в 1960-х и 1970-х годах была сложным политическим и социокультурным явлением. Государственное управление культурными институтами было неотъемлемым элементом авторитарного управления государством, которое длилось до конца 1980-х годов. Культурная политика представляла собой социальное явление, в котором многие художники, писатели и интеллектуалы сотрудничали с правительством и помогали узаконить политические и экономические стремления государства в области культуры. Правительство в своей работе с культурной сферой ориентировалось на сотрудничество с «организованными» [1] художниками и культурными деятелями. Позднее корейские политики преобразовали западный курс модернизации в государственный проект, реализуемый сверху. В Корее в 1960-х и 1970-х годах широко обсуждалась связь между культурой и экономикой. Закон о кинематографии, первый закон о кино в освобожденной Южной Корее, создал мощную основу для государственного контроля над производством фильмов, их показом, импортом и экспортом.

Четвертая глава «Трансформация демократии и культурной политики» освещает важную роль демократии в культурной политике Южной Кореи. Она рассказывает о том, как

демократические процессы и идеи преобразовали культурные нормы и ценности и как эти изменения влияли на государственную культурную политику. Автор исследует взаимосвязь культурой и демократией в рамках двух противоречивых идеалов культурной политики: демократизацией культуры и культурной демократии. В этой главе освещаются два движущих момента, стоящих за трансформацией политики: культурный активизм граждан, являющийся существенной частью самого демократического движения страны и конструктивный ответ культурной политики на силы демократизации. Опыт Южнокорейского совета искусств показывает сложную динамику развития демократической культурной политики в Южной Корее. С увеличением свободы выражения и заменой культурного активизма культурной политикой, значение демократии постепенно сужалось от борьбы за политическую и культурную свободу до институциональной автономии культуры, основанной на экспертных знаниях. Демократическая трансформация культурной политики является результатом увеличения способности и готовности корейского правительства к таким трансформациям.

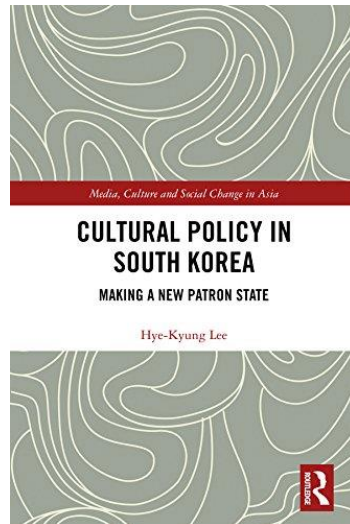
В пятой главе «Осуществление культурной политики в неолиберальную эпоху» автор анализирует влияние экономических факторов на культурную политику в эпоху неолиберализма, указывая важность экономического контекста. Современная Корея широко известна своей энергичной политикой в отношении культурных индустрий. Эта глава предполагает, что первоначальное развитие и быстрый рост политики глубоко укоренились в неолиберальной трансформации корейского общества, начавшейся в 1990-х годах. Еще одним политическим механизмом стало привлечение частных инвестиций через государственно-частные фонды и последующее увеличение масштабов финансирования культурных проектов. С самого начала программа корейских культурных индустрий была направлена на создание новой экономики и стратегии экономического развития страны. Несмотря на частые упоминания о малом государстве и децентрализации, корейское правительство последовательно расширяло государственную политику в области культурных индустрий.

Шестая глава «Корейская волна наизнанку» представлен подробный анализ явления «Корейская волна» [1]. Это массовый интерес к корейской культуре, который имеет глобальное влияние. В рамках этой главы происходит исследование его воздействия на внутреннюю и внешнюю культурную политику Южной Кореи. Это уникальная возможность понять, как культурный экспорт влияет на политику. Корейская волна как политическое явление должна рассматриваться как часть попыток страны активно управлять культурной глобализацией, превращая ее в национальный культурный проект. Корпоративное сотрудничество между правительством и бизнесом является типичной чертой корейского развивающегося государства, и следы этой традиции все еще присутствуют во многих секторах. Корейская волна расширила арену культурной политики, мотивируя правительство

и общественные учреждения прямо взаимодействовать не только с культурными предприятиями, но и с зарубежными фанатами корейской поп-культуры.

Заключительная, седьмая глава «Прошлое, настоящее и будущее нового государства-покровителя» подводит итоги исследования, представляет синтез мыслей и идей, затронутых в предыдущих главах. Особое внимание автор уделяет взгляду в будущее, рассматривая потенциальные направления развития культурной политики в контексте постоянно меняющегося мира. В Корее неолиберальная социализация или формирование нового идеального образа «Я» происходит под влиянием культурной политики, цель которой - привить людям новую этику, чтобы они могли лучше справляться с тяжелой социально-экономической реальностью. Новое государство-покровитель - Южная Корея демонстрирует впечатляющие успехи с учетом демократических программ, увеличения общественного культурного финансирования, исполнения предпринимательских ролей в развитии систематической поддержки культурных индустрий и культурного экспорта, воплощения культурной политики в реальность и поддержка важности культуры для национального процветания. Появление нового государства-покровителя отражает сложное и противоречивое преобразование самого корейского общества, начиная с конца 1980-х годов. Культура отделилась от государственной идеологической пропаганды, однако она по-прежнему воспринимается как определяющий фактор и стратегия для процветания и успеха национального государства. Центральная роль государства в корейской культурной политике не обошла без проблем.

В заключении стоит сказать, что культурная политика, несмотря на её успехи и прогресс, столкнулась с определенными проблемами, связанными с государственной централизацией и неолиберальной социализацией корейцев. В целом, данная книга предлагает обширный и детальный анализ корейской культурной политики, демонстрируя, как она эволюционировала в ответ на исторические, социальные и экономические изменения в стране. Отмечая различные этапы в этом процессе - от колониальной политики до авторитарного управления, затем к демократическим преобразованиям и вплоть до современной неолиберальной эпохи - автор представляет собой образ Южной Кореи как нового мецената, активно содействующего культурному развитию. Работа представляет собой ценный вклад в изучение культурной политики Южной Кореи, и она будет интересна всем, кто интересуется культурной идентичностью и ее взаимодействием с государственной политикой.

Оригинальное оформление обложки на английском языке.

(Фото: https://www.amazon.co.uk/Cultural-Policy-South-Korea-Culture-ebook/dp/B079M83T85/ref=sr_1_1?qid=1685466683&refinements=p_27%3AHye-Kyung+Lee&s=books&sr=1-1)

Список литературы

Lee, H.-K. (2018). *Cultural Policy in South Korea: Making a New Patron State*. King's College London. London, Routledge, 180 p.

References

Lee, H.-K. (2018). *Cultural Policy in South Korea: Making a New Patron State*. King's College London. London, Routledge, 180 p.

УДК 332.055.2

Кирко Владимир Игоревич

Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева

Director.nifti@mail.ru

Городское и региональное сотрудничество и развитие. Проблемы и стратегии планирования и развития зоны интенсивного сотрудничества Гуандун-Макао на острове Хэнцинь, авторы Лонг Чжоу, Бин Ли, Сихонг Ли, Нган Ленг Лей, Кенгфонг Чеонг (2023): обзор основных идей. Часть 1.

Аннотация. Представлен обзор основных идей книги «Городское и региональное сотрудничество и развитие. Проблемы и стратегии планирования и развития зоны интенсивного сотрудничества Гуандун-Макао на острове Хэнцинь», авторы Лонг Чжоу, Бин Ли, Сихонг Ли, Нган Ленг Лей, Кенгфонг Чеонг, в том числе, 1 части второго раздела «Теоретические и практические исследования в контексте регионального синергетического развития». В начале второго раздела делается анализ ряда урбанистических концепций с конца XIX века до настоящего времени. В качестве фундаментальной основы для проекта Зоны интенсивного развития выбрана синергетическая теория. Авторы полагают, что будущее экономическое развитие связано не просто с урбанизацией, но с формированием огромных городских агломераций, которые выступают в экономическом, ресурсном и географическом пространстве.

Предполагается, что в дальнейшем рецензия будет расширена. И второй раздел будет рассмотрен более подробно, включая примеры сложностей и удач, с которыми столкнулись теоретически и практики реализации актуального проекта мирового уровня – создания и развития Зоны интенсивного сотрудничества Гуандун-Макао на острове Хэнцинь.

Ключевые слова: *современная китайская экономика, Китайская Народная Республика, Гонконг, Зона интенсивного развития, урбанистика, синергия.*

Kirko Vladimir Igorevich

Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafieva

Director.nifti@mail.ru

Urban and Regional Cooperation and Development

Challenges and Strategies for the Planning and Development of the Guangdong–Macao Intensive Cooperation Zone in Hengqin Island, authors: Long Zhou, Bin Li, Sihong Li, Ngan Leng Lei, Kengfong Cheong (2023): overview of the main ideas

Abstract. An overview of the main ideas of the book “Challenges and Strategies for the Planning and Development of the Guangdong–Macao Intensive Cooperation Zone in Hengqin Island”, by Long Zhou, Bin Li, Sihong Li, Ngan Leng Lei, Kengfong Cheong, including part 1 of the second section “Theoretical and practical research in the context of regional synergistic development. At the beginning of the second section, an analysis is made of a number of urban concepts from the end of the 19th century to the present. The synergetic theory was chosen as the fundamental basis for the project of the Intensive Development Zone. The authors believe that future economic development is associated not only with urbanization, but with the formation of huge urban agglomerations that act in the economic, resource and geographical space.

It is expected that the review will be expanded in the future. And the second section will be considered in more detail, including examples of the difficulties and successes that the theoretical and practical implementation of the current world-class project - the creation and development of the Guangdong-Macau Intensive Cooperation Zone on the island of Hengqin.

Keywords: *modern Chinese economy, People's Republic of China, Hong Kong, zone of intensive development, urban studies, synergy.*

Зона интенсивного сотрудничества Гуандун-Макао на острове Хэнцинь – это новый амбициозный проект Китайской Народной Республики, также называемый районом Большого залива (GBA), — мегаполис, состоящий из девяти городов и двух особых административных районов в Южном Китае (рис.1). Он задуман как интегрированная экономическая зона, стремящаяся к 2035 году занять ведущее место в мире.

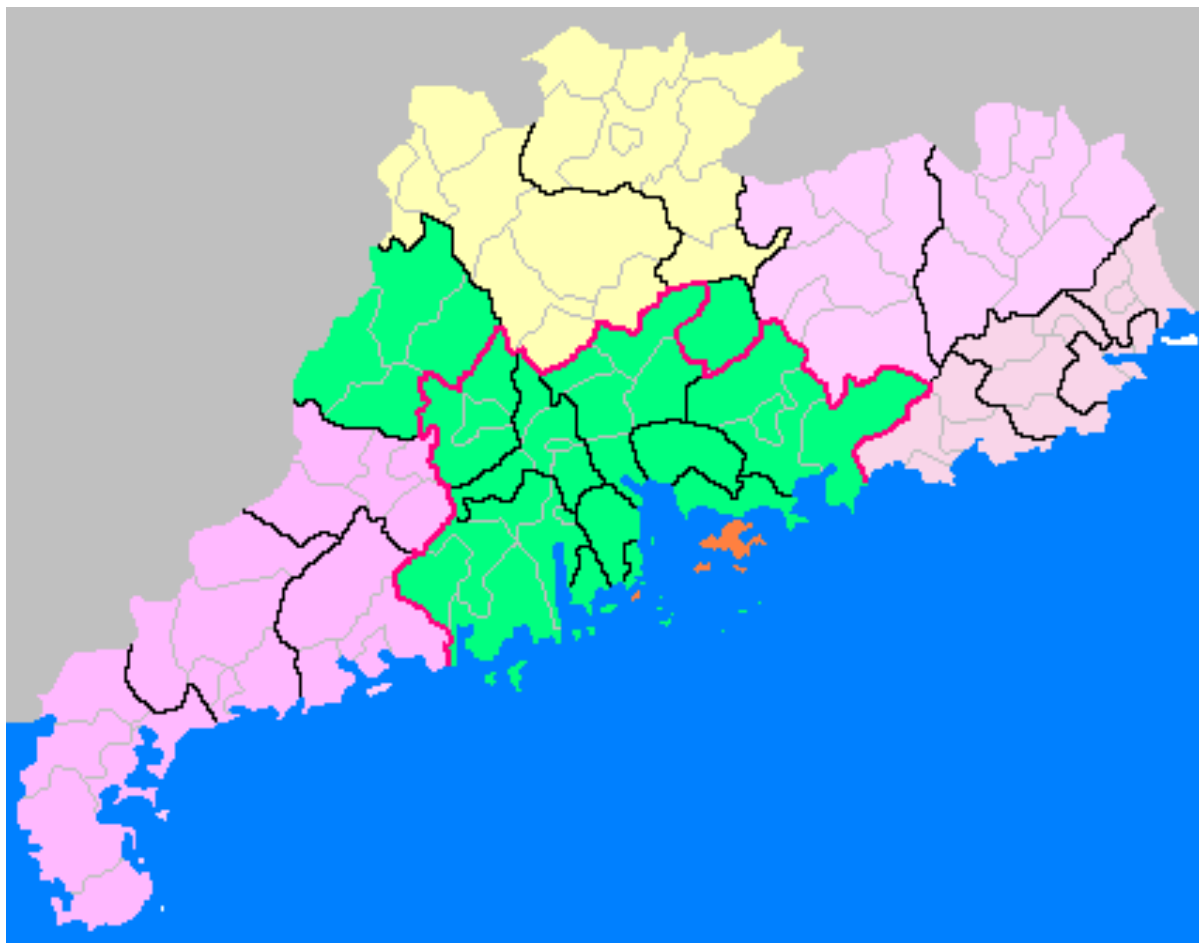

Рис.1. Карта провинции Гуандун — вдоль побережья Южно-Китайского моря на юго-востоке Китая. Район Большого залива Гуандун -Гонконг-Макао обозначен зеленым цветом, а экономическая зона дельты Жемчужной реки обозначена красной линией.
Источник изображения: википедия

Район Большого залива (GBA) является важным экспортным центром, на который приходится 37% экспорта Китая. Это связано с крупными аэропортами и железнодорожными станциями, связанными современной транспортной системой. В GBA расположены три из десяти крупнейших в мире контейнерных портов и пять международных аэропортов (международный аэропорт Гонконга, международный аэропорт Гуанчжоу Байюнь, международный аэропорт Шэньчжэнь Баоань, международный аэропорт Макао и аэропорт Чжухай Цзиньван). На эти аэропорты приходится больше грузовых авиаперевозок, чем на Сан-Франциско и Нью-Йорк.и Токио вместе взятые.

GBA является экономическим центром. Его совокупный региональный ВВП достиг 1 641,97 млрд долларов США в 2018 году, что эквивалентно 12 процентам ВВП материкового Китая. Если бы GBA была отдельной страной, она занимала бы 12 место в мире по величине экономики (почти равное экономике Южной Кореи и больше, чем

экономика Австралии). Рост ВВП ГВА составил 4,4% в 2019 году, и ожидается, что к 2030 году ВВП достигнет 4 триллионов долларов США, что приведет к тому, что ВВП ГВА превысит ВВП Германии в 2019 году. Регион имеет разнообразные экономические перспективы с зонами промышленного развития во всех одиннадцати городах, охватывающих развивающиеся отрасли, НИОКР и высокотехнологичные отрасли. Среди развивающихся отраслей наиболее заметны Интернет вещей? искусственный интеллект, водородные технологии, новая мобильность и чистые технологии. Еще одна быстрорастущая экономическая область в ГВА — здравоохранение. Международный биотехнологический остров Гуанчжоу (ранее известный как «остров Голубь»), расположенный в районе Хуанпу, Гуанчжоу, является биотехнологической промышленной зоной в регионе.

Таким образом, рецензируемая монография посвящена наиболее актуальным проектам развития современной китайской экономики, которая сегодня реализует политику экономической интеграции КНР и Гонконга. В книге речь идет о проекте Гуандун-Макао, который является первой демонстрационной площадкой, ориентированной на весь мир и приоритетной для Гонконга и Макао, в тесном сотрудничестве с провинцией Гуандун. Это также единственная в Китае национальная новая зона «Один остров, две системы». Кроме того, это ключевая часть будущей экспериментальной зоны свободной торговли Китая, которую газета People's Daily назвала «новой вехой реформ и открытости».

Бернардете Фан, одна из основательниц проекта, поясняет: «Зона углубленного сотрудничества Хэнцинъ — это участок земли, расположенный на острове Хэнцинъ, который находится через узкий канал от города Макао. Зона разрабатывается как способ содействия более тесному экономическому сотрудничеству между Макао и соседней провинцией Гуандун в материковом Китае».

Планируется, что зона будет обширной, и ее планируется соединить с остальной частью материкового Китая, Гонконгом и Макао посредством различных инфраструктурных проектов.

Этот район также стремится стать центром для различных отраслей, таких как финансы, туризм и технологии. Цель состоит в том, чтобы способствовать диверсификации экономики и развитию новых отраслей в этом районе, уделяя особое внимание технологиям и инновациям. Кроме того, ожидается, что Хэнцинъ сыграет решающую роль в развитии района Большого залива, который представляет собой национальный план развития, направленный на объединение городов Гонконг, Макао и Гуанчжоу в единый экономический и деловой центр» (<https://conventuslaw.com/special-report/the-guangdong-macao-in-depth-cooperation-zone-at-hengqin>) (рис.2).

Рис.2. Города, входящие в проект «Зона интенсивного сотрудничества Гуандун-Макао». Источник изображения: <https://www.bayarea.gov.hk/en/home/index.html>

«Городское и региональное сотрудничество и развитие. Проблемы и стратегии планирования и развития зоны интенсивного сотрудничества Гуандун-Макао на острове Хэнцинь», авторы Лонг Чжоу, Бин Ли, Сихонг Ли, Нган Ленг Лей, Кенгфонг Чеонг, издана в издательстве Springer в конце 2022 года, опубликована в 2023 году и находится в открытом доступе для всех желающих (<https://link.springer.com/book/10.1007/978-981-19-8061-9#about-this-book>).

Структура книги включает следующие разделы:

- 1) Предыстория зоны углубленного сотрудничества Гуандун-Макао в Хэнцине, авторы Лонг Чжоу, Бин Ли, Сихонг Ли, Нган Ленг Лей, Кенгфонг Чеонг
- 2) Теоретические и практические исследования в контексте регионального синергетического развития, авторы Лонг Чжоу, Бин Ли, Сихонг Ли, Нган Ленг Лей, Кенгфонг Чеонг;
- 3) Система планирования сотрудничества для Хэнцина и Макао, авторы Лонг Чжоу, Бин Ли, Сихонг Ли, Нган Ленг Лей, Кенгфонг Чеонг;
- 4) Развитие промышленной пространственной синергии в Хэнцине и Макао, авторы Лонг Чжоу, Бин Ли, Сихонг Ли, Нган Ленг Лей, Кенгфонг Чеонг;
- 5) Развитие транспортной интеграции в Хэнцине и Макао, авторы Лонг Чжоу, Бин Ли, Сихонг Ли, Нган Ленг Лей, Кенгфонг Чеонг;

б) Анализ и интеграция экосистемных услуг в Хенцине и Макао, авторы Лонг Чжоу, Бин Ли, Сихонг Ли, Нган Ленг Лей, Кенгфонг Чеонг.

Каждый из разделов этой книги заслуживает отдельного разбора. В настоящей рецензии будет более подробно рассмотрен раздел 2 «Теоретические и практические исследования в контексте регионального синергетического развития», авторы Лонг Чжоу (рис.3), Бин Ли (рис.4), Сихонг Ли, Нган Ленг Лей (рис.5), Кенгфонг Чеонг (рис.6) (https://link.springer.com/chapter/10.1007/978-981-19-8061-9_2).

Рис. 3 Лонг Чжоу, Заместитель декана, Городской университет Макао, доцент Городского университета Макао.

Источник изображения:
https://fiad.cityu.edu.mo/en/acad_ft/120

Рис.4. Бин Ли, доцент, факультет инноваций и дизайна, городской университет Макао. Источник изображения:

https://fiad.cityu.edu.mo/en/acad_ft/174

Рис.5 Нган Ленг Лей, Институт исследований португалоязычных стран, Городской университет Макао, САР Макао, Китай, источник изображения:

https://www.mpu.edu.mo/research/en/2009_leinganleng.php

Рис.6. Кенгфонг Чеонг, профессор факультета инноваций и дизайна, Городской университет Макао, САР Макао, Китай

В этой главе представлен исследовательский обзор соответствующих теоретических концепций и практических примеров синергетического регионального развития. Решение диспропорций регионального развития на пути регионального сотрудничества является одной из основных задач этой теории. Были представлены теории о том, как регионы могут развивать синергетическое сотрудничество в области экономических, экологических и социальных структур, и как эти теории могут быть применены на практике в стратегических программах реализации для устойчивого регионального развития.

Во-первых, вводятся концептуальные и теоретические основы синергетического регионального развития в форме городской агломерации, обсуждаемые с точки зрения дисциплины городского планирования. Затем анализируются и оцениваются примеры синергетического регионального развития, которые отражают результаты исследований регионального сотрудничества. В заключении раздела объясняются преимущества и трудности формирования синергетического развития Хенгциня и Макао.

Рассмотрим содержание второго раздела более подробно. В первой части рецензии лучше всего рассмотреть теоретические основания, которые авторы выбирают для презентации проекта. Первая часть главы (раздела) называется «Введение в родственные теории». Авторы пишут:

«В условиях урбанизации регион или город имеют определенную степень несбалансированности развития, обусловленную различными факторами, такими как природные условия, ресурсы, производство, инновационный потенциал, этнические, религиозные и культурные различия. Он включает в себя дисбаланс степени экономического развития, уровня государственных услуг, инновационного потенциала и устойчивости развития, что вызывает потребность в позитивном ценностном развитии. Это называется правосудием городских территорий. Однако синергетическое региональное развитие представляет собой однородный спрос на городско-региональную справедливость, а синергетическое региональное развитие – путь к решению проблемы дисбаланса регионального развития. В этом обзоре мы стремимся исследовать теорию синергетического регионального развития в контексте дисциплины городского планирования и на основе отношений между городами и регионами. В следующем разделе рассматриваются теоретическое развитие и концепции городов и регионов для синергетического регионального развития» (https://link.springer.com/chapter/10.1007/978-981-19-8061-9_2).

Итак, главное теоретическое понятие – синергетическое региональное развитие, что представляет собой компромисс между своеобразием и самостоятельностью развития

каждого элемента системы, с одной стороны, и возможностями экономической и культурной интеграции, с другой стороны.

Теоретическая часть раздела связана с концепциями городов:

«Города являются продуктом человеческой цивилизации на разных стадиях развития, и происхождение городов необходимо обсуждать с развитием человеческой цивилизации. Происхождение западного города исследуется в книге американского теоретика урбанистики Льюиса Мамфорда «Город в истории: мощный и влиятельный взгляд на развитие городской формы на протяжении веков». Автор утверждает, что проявлений процесса городского производства, его функций и целей, для которых оно предназначалось, много, и свести их в единое определение непросто. Развитие города имеет разные и богатые этапы, такие как социальное ядро его зародышевого периода, сложные формы его созревания и разложения, и крах периода его старения. Мамфорд упоминает, что среди первых форм непостоянных поселений человека есть две формы, связанные с богами и ритуалами. Мамфорд считает, что на стадии непостоянного поселения до того, как город стал постоянным человеческим поселением, его первоначальной функцией было предоставление людям мест для встреч. Эти места периодически собирали людей для проведения священных мероприятий, где люди могли взаимодействовать и общаться. Эта обстановка была одним из неотъемлемых критериев города и свидетельством его жизнеспособности. Таким образом, самые ранние места церемониальных собраний людей – места ритуального и религиозного почитания. Они были зачаточной формой городского развития.

По мере развития формы непостоянного поселения города трансформировались в формы постоянного поселения. В период палеолита, были найдены остатки построек, казавшихся первобытными поселениями, а период неолитической культуры был временем, когда земледельческие деревни и города еще не получили широкого распространения; однако к этому времени люди, вероятно, знали, как выбирать благоприятные места для этих будущих деревень и городов, например, места с обильными водными ресурсами, богатыми запасами рыбы и моллюсков и удобным транспортом.

В ходе более поздних исследований было обнаружено, что в этих местах обнаружено большое количество холмов с ракушками. Это свидетельствует о постоянном поселении, примитивной форме небольшой деревни. Затем, в эпоху неолита, возникли новые сельские поселенческие центры, а первобытные деревни и окружающие их участки образовали новые типы поселений. В эпоху неолита люди начали развивать земледелие, изобретать различные технологии и строить примитивные деревенские постройки, в том числе дома, печи, амбары и т. д. При этих постройках и образе жизни людей, живущих близко друг к

другу в деревнях, порядок и устойчивость городов будут сохраняться и передаваться более поздним городам. Все это доказывает, что первобытные формы городов возникли уже в первобытных неолитических деревнях и что города развились из этих первобытных деревень.

Город начал постепенно складываться, становился богаче и зажиточнее. Изменение первоначальной формы поселения доказывает существование ранних городов. В то же время люди осуществляли деятельность по преобразованию природной среды. Вышеуказанные факторы и эволюционные процессы послужили прочной основой для формирования более поздних городов.

Город возник как новое явление среди палеолитических и неолитических сообществ, которые постепенно формировались по мере его развития. Из-за ограничений формы и возможностей исходной деревни для продвижения настоящего города требовался новый фактор. Нововведения внедрялись в первобытные деревни в процессе развития. Под влиянием новых факторов основная форма первобытной деревни стала усложняться и неустойчива, а человеческая организация стала усложняться, и в этот период начался переход от первобытных деревень к городам, как и в случае Шумерские государства, создавшие рабовладельческие города-государства в двадцать четвертом веке нашей эры. Благодаря возникновению городов, которые объединяли многие социальные функции в ограниченной географической среде, оно стало регулярным и организованным. Состав социальной структуры стал еще больше дифференцироваться, и каждая часть стала прообразом различных составных структур городской культуры. За этим последовало появление замков, таких как Хорсабад, древний город на севере Ирака, который был столицей в VII веке до нашей эры. Наконец, в 2500 г. до н.э. сформировались все основные черты города.

Среди ученых также было много дискуссий о происхождении китайских городов. Хотя характеристики городского развития Китая аналогичны характеристикам западных городов, они все же имеют черты самих китайских городов. Движущей силой первоначального возникновения городов в Китае было сельское хозяйство. Около 8000 г. до н.э. в среднем течении Желтой реки и реки Янцзы были обнаружены зерновые растения и рис, которые символизируют местную динамику местного происхождения и развития сельского хозяйства. Движущей силой первоначального возникновения городов в Китае было сельское хозяйство.

В среднем неолите, около 6000–5000 лет до н.э., в Китае возникла оседлая жизнь, основанная на земледелии. Имея большое количество поселений в котловинах и на равнинах, они в то время еще распространялись. С 4000 по 2800 г. до н.э. получили

дальнейшее развитие земледелие и ремесла, способствовавшие преобразованию общества того времени, и постепенно возникла первобытная цивилизация. Человеческая организация и социальная структура стали сложными, управляемыми элитным классом, имевшим власть. До позднего неолита размер и количество поселений увеличились более чем в десять раз из-за технологических и социальных изменений, постепенно формировались первобытные города. Эти города были бастионами элиты правящего класса того времени, которая строила стены и владела рвом. Из-за небольшого размера этих городов они не могли вместить целые племена или целые группы, что создавало разницу между городскими и сельскими районами с окружающими деревнями, такими как гора Чэнтюу в провинции Хунань. С 3000 по 2200 г. до н.э. в первобытных городах уже были некоторый порядок и планирование.

Однако развитие региона неразрывно связано с городом, и некоторые ученые считают, что город представляет собой особый регион и является центром областей разной величины. Городская наука - урбанистика, рассматривающая городские территории как объекты изучения, является отраслью региональной науки. Города являются основными составляющими единицами регионов. Регион и город – это отношения между целым и частью, влияющие друг на друга. Регион — это непрерывное географическое пространство, где так или иначе существует единая экономическая и социальная система. С точки зрения региональной науки, он объединяет теории и методы из нескольких дисциплин, таких как экономика, политология, архитектура, транспортная наука и городское планирование.

Региональные типы пространственной структуры подразделяются на сельские и городские территории, при этом сельские территории имеют большие размеры и в них преобладает сельскохозяйственная производственная деятельность. Несельскохозяйственная деятельность преобладает в городских районах, и она также выполняет функцию управления сельскими районами. По характеристикам региональной пространственной схемы региональные транспортные маршруты показаны в виде линий и сетей, города — в виде точек, а городские кластеры — в виде островов. В этой главе рассматривается реализация синергетического регионального планирования в основном в режиме городской агломерации.

Происхождение региона с точки зрения городской агломерации восходит к концепции «Города-сада», предложенной британским общественным деятелем Говардом в 1898 году. «Город-сад» состоит из двух частей: города и района. сельская местность, с городом в центре и парком в центре города. Его шесть основных дорог расходятся от центра, разделяя город на шесть районов, а самый дальний круг города застроен фабриками, складами и рынками. Удобная транспортная развязка с внешней кольцевой дорогой с одной

стороны и кольцевой железнодорожной веткой с другой. Когда количество людей превысило вместимость «Города-сада», Говард предположил, что со временем «Город-сад» сформирует городскую агломерацию, превратившись в комплекс центральных социальных городов в контексте среды, где метро уже появился. Несколько городов-садов окружают центральный город, который вместе образует группу городов с сельскохозяйственными разделителями, и этот центральный город будет больше. Города переплетены радиальными дорогами и межмуниципальными железными дорогами. Между центральным городом и каждым из городов-садов есть радиальные дороги; над ними проходят подземные железные дороги и кольцевые межмуниципальные каналы. Обширная транспортная линия канала вдоль окраины центрального города, расходящаяся в каждом городе-саду, доступна к морю. Колониальные города связаны транспортом, водопроводом и водоотведением в единую систему. Эта городская агломерация была описана Говардом как «городская агломерация без гетто и смога». В 1899 году Говард основал ассоциацию «Город-сад» и был активным сторонником социальных реформ. В 1903 году в лондонском пригороде Летчворт появилось первое поколение практики «Город-сад». Затем последовало второе поколение «Города-сада», который также называли городом-спутником в Веллинге.

Региональное планирование было официально введено в 1915 году Патриком Геддесом, который был одним из пионеров теории регионального планирования. В своей книге «Города в эволюции: введение в градостроительное движение и изучение гражданского общества» он предположил, что появление новых технологий (выработка электроэнергии, двигатель внутреннего сгорания) ведет к эвакуации крупных городов и формированию кластеров. Эти кластеры регионов и городов назывались «агломерациями». Он предсказал появление пояса мегаполисов в Европе и США (США). Спустя полвека его теория повлияла на изучение Жаном Готтманом зон мегаполиса.

Холл – один из основоположников теории регионального планирования. В своей книге «Города в эволюции: введение в градостроительное движение и изучение гражданского общества» он предположил, что появление новых технологий (выработка электроэнергии, двигатель внутреннего сгорания) ведет к эвакуации крупных городов и формированию кластеров. Эти кластеры регионов и городов назывались «агломерациями». Он предсказал появление пояса мегаполисов в Европе и США.

В 1933 немецкий географ В. Кристаллер предложил теорию центрального положения, т. е. центра окружающего пространства; это центр города или большое скопление жителей, торговли и услуг. Эта теория определяет пространственную организацию и структуру городов и городских агломераций. Постепенно она превратилась в базовую теорию регионального развития и анализа.

В 1957 году французский географ Жан Готтманн опубликовал исследование «Мегаполис: или урбанизация северо-восточного побережья». Объектом его изучения был широко раскинувшийся смежный мегаполис, расположенный вдоль северо-восточного побережья США. Это скопление большого количества людей, промышленных и коммерческих объектов, финансового благополучия и культурной деятельности, с которыми не может сравниться ни одно место. Жан Готтманн утверждает, что городские агломерации формируются благодаря роли агломерации и развиваются в виде сетевой структуры. Эти регионы развиваются вокруг сильного городского источника ядерной энергии. При этом автор упоминает два фактора, способствующих смежному развитию городских агломераций: во-первых, полинуклеарное происхождение, во-вторых, роль «шарнира». Авторы дают объяснение идентификации роли «шарнира». Он приводит в пример Восточное побережье США, взявшее на себя роль окна для развития зарубежных отношений, служащего трамплином для заселения и развития внутри страны. Независимо от того, перемещается ли экономика США за границу или внутри страны, Восточное побережье всегда занимало первичную позицию.

В США также есть кластеры городов Великих озер в Северной Америке и кластеры городов Сан-Диего-Сан-Франциско на тихоокеанском побережье юго-запада США. Другие страны сформировали несколько таких же городских кластеров, включая Лондонский городской кластер в Великобритании, Парижский городской кластер во Франции, Рурский городской кластер в Германии, Городской кластер Рандстад в Нидерландах и Городской кластер Тихоокеанского побережья в Японии.

Во-первых, возникновение и развитие зарубежных городских агломераций основано на индустриализации и разделении труда между городами, которые развиваются в режимах центральных городов, управляющих окружающими городами, или многоцентровой синергии. Оба режима используют ресурсы каждого города, чтобы максимизировать общие преимущества региона, например, экономические, политические, высокотехнологичные и внешнеторговые ресурсы. Кроме того, они сосредоточены на связующей функции хорошо развитой транспортной сети. Кооперация городов в городских агломерациях и формирование целостной системы должны опираться на хорошо развитую транспортную сеть. Большинство зарубежных городских кластеров имеют хорошо развитую сеть региональной транспортной инфраструктуры. Среди них развитая железнодорожная и автомобильная инфраструктура составляет костяк и связующий узел пространственной структуры зарубежных городских кластеров. Во-вторых, они также сосредоточены на координирующей роли правительства, а второстепенные города сосредотачиваются на дислоцированном развитии вместе с центральными городами.

Мы хотим объяснить здесь понятие синергии, которое было введено в книге Германа Хакена «Синергетика: тайна состава природы», которая была опубликована в 1969 году. Он формально создал понятие синергии и надеялся найти общие принципы, применимые к очень разным областям науки, и полагал, что теория синергии, вероятно, появится в разных дисциплинах. Синергия означает «скоординированное сотрудничество», и это слово происходит из греческого языка. Теория синергии была создана, чтобы решить проблему того, как части образуют целое посредством синергетического сотрудничества, и это объясняет отношения между целым и частями. Такую же опорную роль этот принцип играет и для теории синергетического регионального развития. В 1980-х годах концепция концепции городской агломерации Жана Готтман, изложенная в Китае в книге Нин Юэмина «Введение в городскую географию», оказала влияние на планирование китайской городской агломерации. Движущей силой городских кластеров и региональной синергии в Китае является необходимость такой синергии между национальной экономикой и общей конкурентоспособностью страны.

В 11 пятилетнем плане национального экономического и социального развития Китайской Народной Республики предполагалось, что городская агломерация является основной формой продвижения новой урбанизации Китая. Она будет постепенно формироваться с прибрежными линиями и линиями Пекин-Гуанчжоу и Пекин-Харбин в качестве вертикальной оси, линиями реки Янцзы и Лунхай в качестве горизонтальной оси, несколькими кластерами городов в качестве основной части, другими городами и небольшими городами, распределенными по пунктирному рисунку, а постоянные пашни и экологические функциональные зоны разнесены друг от друга. Так может быть создана эффективная, скоординированная и устойчивая пространственная модель урбанизации. Китай уже сформировал городские кластеры, такие как районы Пекин-Тяньцзинь-Хэбэй, дельты рек Янцзы и дельты Жемчужной реки, и они продолжают играть движущую и излучающую роль в укреплении разделения труда и сотрудничества между городами в городских кластерах и играть дополняющую и выгодную роль для повышения общей конкурентоспособности этих регионов.

В регионах с условиями для развития городских кластеров следует усилить комплексное планирование, при этом мегаполисы и крупные города должны выступать в качестве ведущих городов и играть роль центральных городов. Будет сформировано множество новых городских кластеров с меньшим количеством земли, большим количеством рабочих мест, сильным потенциалом сбора факторов и разумным распределением населения (Государственный совет, 2006 г.). Китай утвердил развитие девяти городских кластеров, в том числе городского кластера среднего течения реки Янцзы,

городской кластер Ха-Чанг, городского кластера Чэнду-Чунцин, городского кластера дельты реки Янцзы, городского кластера Центральных равнин, городского кластера Бейбу в заливе, городского кластера равнины Гуаньчжун, Хубао, кластера города Эгю и кластера города Ланьси.

В период 13 пятилетки Китай предложил стратегический путь пространственной интеграции городских агломераций для стимулирования синергетического регионального развития, такой как Стратегия комплексного развития дельты реки Янцзы, которая дала замечательные результаты. В период 14 пятилетки Китай продолжит углублять и совершенствовать общую стратегию регионального развития, основанную на новом типе урбанизации, и стремиться разработать новые стратегические пути для синергетического развития городских агломераций в четырех основных регионах.

Приведенный выше обзор представляет собой хронологический обзор теорий и концепций происхождения и эволюции городов, развития городов в регионы и региональной синергии в Китае и на Западе. Как заявил Патрик Геддес, города будут развиваться через пять стадий, вторая и третья из которых — постепенное объединение городов в крупный городской регион. Городские агломерации являются результатом эволюции городских пространственных форм.

В современных условиях экономической глобализации и развития региональной интеграции зачастую городские кластеры являются основной ареной конкуренции между странами и странами и между регионами, а синергетическое региональное развитие является неизбежным трендом. Оно сокращает разрыв между регионами и повышает конкурентоспособность регионов за счет объединения множества городов в экономическом, ресурсном и географическом пространстве. Это процесс, в котором два или более городов или городских функций достигают своих целей посредством пространственной агрегации. У этих городов общие интересы и общие судьбы. В то же время стратегические решения стран в разные периоды будут влиять на синергетическое региональное развитие на новый этап, и синергетическое региональное развитие стало важной темой исследований в различных областях.

В следующем разделе мы рассмотрим и прокомментируем отечественные и международные примеры синергетического регионального развития. а синергетическое региональное развитие стало важной темой исследований в различных областях. В следующем разделе мы рассмотрим и прокомментируем отечественные и международные примеры синергетического регионального развития. а синергетическое региональное развитие стало важной темой исследований в различных областях. В следующем разделе мы рассмотрим и прокомментируем отечественные и международные примеры

синергетического регионального развития» (https://link.springer.com/chapter/10.1007/978-981-19-8061-9_2).

Выводы

Рассмотренная 1 часть раздела 2 «Теоретические и практические исследования в контексте регионального синергетического развития» книги «Городское и региональное сотрудничество и развитие. Проблемы и стратегии планирования и развития зоны интенсивного сотрудничества Гуандун-Макао на острове Хэнцинь» авторов Лонг Чжоу, Бин Ли, Сихонг Ли, Нган Ленг Лей, Кенгфонг Чеонг представляет собой характерный для академической науки обзор концепций городского развития.

Особое значение имеет использование синергетической теории для обоснования нового экономико-урбанистического проекта, который связывает сегодня два разных типа экономик, характерных для Китайской Народной Республики и Гонконга.

Анализируя различные теории городского развития, авторы отстаивают позицию, связанную с тем, что современные города – это целостные регионы, которые имеют тенденцию к интеграции различных городов в едином экономическом, ресурсном и географическом пространстве. Если предположить, что рецензируемая книга в целом носит презентационный и своего рода рекламный характер, то второй раздел – это теоретическое обоснование проекта, который выглядит сегодня крайне амбициозно и связан с построением крупнейшей экономической зоны мира, где развиваются наиболее современные формы технологий – от биотехнологий до искусственного интеллекта.

Книга в целом и рассмотренные ее элементы рекомендуются как для тех, кто изучает современную китайскую экономику, так и для тех, кто интересуется применением урбанистических теорий к современным прикладным проектам.

References

Zhou L. et al. Urban and Regional Cooperation and Development: Challenges and Strategies for the Planning and Development of the Guangdong–Macao Intensive Cooperation Zone in Hengqin Island. Springer Nature, 2023. 94 p.

Список литературы

Zhou L. et al. Urban and Regional Cooperation and Development: Challenges and Strategies for the Planning and Development of the Guangdong–Macao Intensive Cooperation Zone in Hengqin Island. Springer Nature, 2023. 94 p.